

Рэнд и Робин Миллеры
при участии Дэвида Уингрова

МИСТ

*Фантастический
роман*

Москва
АРМАДА
1997

УДК82-312.9(02)
ББК 84(7)-445я5
М 60

Посвящается маме и отцу

RAND and ROBYN MILLER
with DAVID WINGROVE
MYST: THE BOOK OF ATRUS

Перевод с английского
У. Сапциной

Обложка художника
С. Меркулова

Иллюстрации
А. Еремина

Originally published in the United States and Canada by Hyperion as MYST: The BOOK OF ATRUS. This translated edition published by arrangement with Hyperion.

Впервые опубликовано в Соединенных Штатах и в Канаде издательством Hyperion под названием MYST: The BOOK OF ATRUS. Данный перевод осуществлен по соглашению с издательством Hyperion.

Несмотря на то что на обложке значатся только наши имена, было бы несправедливо утверждать, что эту книгу мы написали сами — слишком уж много других людей принимали в этом участие.

Прежде всего мы хотели бы поблагодарить Ричарда ван дер Венда — его вклад в создание повести и творческий процесс был равнозначен нашему.

Благодарим Райана Миллера за первую книгу — он создал основу, на которой мы смогли строить работу.

Кроме того, благодарим Джона Биггса, Криса Брэндкемпа, Марка Дефореста, Бонни Макдауэлл, Бет Миллер, Джоша Штауба и Ричарда Уотсона — за информацию.

И наконец, спасибо Брайану Дефиоре, нашему редактору, и Дэвиду Уингроуву — за осуществление невозможного.

Особую благодарность мы приносим поклонникам «Миста», которые долго ждали появления этой книги и помогли свершиться этому событию. Мы надеемся, что, прояснив многое, она вызовет еще больше вопросов.

1995, Cyan Inc. All rights reserved
Перевод, У. Сапцина, 1997
Художественное оформление, АРМАДА, 1997

ISBN 5-7632-0444-1

ПРОЛОГ

Подошвы Гена тяжело впечатывались в землю вокруг крошечного пруда, вдавливая в грязь сочную зелень рассады. В дальнем конце сада под узким каменистым выступом он вырыл неглубокую могилу. А когда предрассветные тени лениво поползли по песку, он опустил в могилу тело молодой женщины. На светлых одеждах Гена темнела ее кровь.

Сверху, со ступеней расщелины, за ним наблюдала Анна, измученная бессонной ночью. Она сделала все, что смогла, но болезнь терзала женщину несколько месяцев подряд, а родовые муки лишили ее остатков сил. Она умерла со вздохом облегчения.

И сейчас, в утренней тишине, Анна еще слышала горестные вопли Гена и его брань, обращенную к ней. Это она была виновата. Во всем виновата только она одна!

Такое уже бывало. Так случалось всегда.

Закопав останки, Ген обернулся и взглянул на Анну холодным, пронизывающим взгля-

дом. А ведь ему было только девятнадцать лет. Всего-навсего девятнадцать...

— Ты останешься? — устало спросила Анна.

В ответ он резко замотал головой, воинственно прошагал по саду. Анна наблюдала за ним. В душе она понимала, что не в силах негодовать по поводу его слов и поступков. Она знала, что значит потерять цель всей жизни, ее смысл...

Бросив взгляд на свои перепачканные руки, Анна медленно покачала головой. Почему в иные минуты она чувствовала себя совсем беспомощной?

Но Анна знала: Ген явился сюда только потому, что ему больше не к кому было обратиться. Он не хотел приходить — отчаяние побудило его свернуть с пути. Узнав, что его жена тяжело больна, он вспомнил мать, ее дар целительницы. Однако было уже слишком поздно.

Анна вскинула голову, услышав плач ребенка. Она встала, поднялась по узким ступеням и, обогнув каменный выступ, вошла в дом. Ребенок находился в глубине маленькой спальни. Когда Анна подошла к колыбели, он зашелся в плаче.

Несколько мгновений она стояла, глядя в светло-голубые глаза ребенка, а потом взяла его на руки и прижала к себе.

— Бедный мой малыш,— прошептала она, целуя ребенка.— Бедняжка...

Выйдя из дома с ребенком на руках, она остановилась у перил и смотрела, как Ген

споласкивает руки в пруду. Она видела, как грязь с его рук попадает в пруд, как становится мутной драгоценная влага. Беспечность Гена рассердила Анну. Ген всегда был таким. Но промолчала, зная, что сейчас не время говорить об этом.

— Хочешь, я соберу малыша в дорогу?

Ген не ответил, и Анна подумала, что он не расслышал ее, но когда собралась повторить вопрос, он повернулся и взглянул на нее в упор.

— Оставь его у себя. Если не выживет, похорони рядом с матерью. Но ко мне не приставай. Ты спасла его, ты за ним и присмотришь.

Анна в гневе протянула ему ребенка.

— Это же твой сын, Ген. Твой сын! Ты в ответе за него. Так устроен мир.

Ген отвернулся.

Анна прижала к себе малыша, и тот вновь расплакался. Ген протопал по грязи и быстро поднялся по ступеням, грубо оттолкнув мать с дороги, чтобы войти в комнаты. Спустя минуту он вышел в линзах, поднятых на лоб. Взглянув на него, Анна заметила, что он без плаща.

— Твой плащ, Ген... Тебе понадобится плащ.

Он отвернулся, глядя на жерло вулкана, еле заметное с того места, где они стояли.

— Пусть останется здесь,— решил он, скользнув взглядом по ее лицу.— Больше он мне не нужен.

Эти слова испугали Анну, заставляя гадать,

не лишился ли Ген рассудка. Она перевела взгляд на ребенка. Анна надеялась, что перед уходом Ген хотя бы подержит его на руках.

Она шагнула к сыну, протягивая малыша, но Ген прошел мимо и ступил на подвесной мост. Не прошло и минуты, как он скрылся из виду.

— Но ведь ты не дал ему имени,— тихо проговорила Анна.

Пустынная местность в тени вулкана была сплошь покрыта разломами. В большой расщелине царила крошечная тьма. Случайный прохожий не обратил бы на нее внимания, если бы не одна странность — каменная стена высотой пять-шесть футов, окружающая трещину.

Вдруг из темноты показался человек в светлых одеждах.

Ничто не нарушало безмолвия, какое бывает лишь в пустынях. В прохладной тишине рассвета из горячего сердца вулкана поднимался пар, окутывая его едва заметной загадочной завесой. Анна наблюдала, как высокая светлая фигура взбирается по склону вулкана, как кружится вокруг нее пар, то густея, то вновь рассеиваясь. Толстые линзы придавали голове человека странную, но узнаваемую форму. Минуту он стоял, глядя вниз, на темную расщелину. Пробиваясь сквозь колышущиеся слои дыма, лучи солнца озаряли его фигуру. Затем с медлительностью призрака, который тает, не оставляя следа, человек повернулся и исчез.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Песчаные бури не пощадили скалу, и теперь ее узкий, тонкий гребень отбрасывал тысячи причудливых, застывших в неподвижности теней. Горный лик покрылся изображениями глаз и ртов, протянутых рук и склоненных голов, словно мириады необыкновенных и прекрасных существ вышли из темного укрытия разверстой утробы вулкана, чтобы навеки застыть под палящими лучами солнца.

Высоко над ними, в тени кромки кратера, лежал мальчик, глядя на океан песка, протянувшийся к горному плато в отдалении. Но огромное, чем пески, было чистое голубое небо над ними.

Мальчик предусмотрительно укрылся от чужих взглядов купцов, которые остановили свой караван в миле отсюда, чтобы поприветствовать его бабушку. Заплатанные, грязные одежды мальчика сливались с цветом пустыни, превращая его в одну из деталей ландшафта.

Мальчик лежал неподвижно, настроив толстые линзы на дальний обзор. Он не сводил с каравана внимательных глаз, не упуская ни единой мелочи.

Буря задержала караван на два дня, и хотя это не имело большого значения здесь, в безвременье, мальчику они показались вечностью. Задолго до появления каравана мальчик грезил о нем во сне и наяву, вызывал его в воображении, представлял себе людей, одетых в плащи с капюшонами и сидящих на спинах огромных животных. Вместе с людьми животные уходили далеко, в большой мир.

Бабушке он ни словом не обмолвился о своих мечтах, ибо знал, как легко она приходит в волнение, опасаясь, что один из этих торговцев подкрадет ночью и увезет ее внука, чтобы продать его в рабство на далеком южном базаре. Поэтому мальчик спрятался, как было ему велено, и хранил мечты при себе, лишь бы не доставлять бабушке лишних тревог.

Сейчас его взгляд был устремлен на лицо одного из восьмерых людей: он часто разглядывал этого человека — смуглокожего, с коротко подстриженной бородкой и четкими чертами лица, полускрытыми капюшоном черного, как ночь, плаща.

Разглядывая остановившийся караван, мальчик отмечал перемены, произошедшие в нем со времени последней стоянки. Теперь караван составляли девятнадцать верблюдов — на два больше, чем в прошлый раз. Эти и другие менее значительные признаки —

новая упряжь на верблюдах, украшения на запястьях и шеях мужчин, обилие груза — свидетельствовали, что торговля идет успешно. Уверенность и спокойствие мужчин тоже говорили о многом. Пока они торговались с бабушкой, мальчик видел, как они смеются, обнажая мелкие, почерневшие зубы, выдававшие пристрастие купцов к сладостям, которые они продавали.

Он наблюдал, отмечая все детали до единой, зная, что позднее бабушка спросит о них.

Что же ты видел, Атр?

Я видел...

Он видел, как мужчина с острыми чертами лица повернулся к своему верблюду, потянулся через богато украшенную и туго набитую седельную суму и вытащил из необычной полукруглой корзины, сплетенной из прутьев, небольшой полотняный мешок. В мешке что-то шевельнулось и затихло.

Атр настроил линзы, уверенный, что это движение ему привиделось, взглянул повнимательнее и увидел, как бабушка кладет загадочный мешок на кучу других выторгованных ею вещей. Некоторое время он наблюдал за мешком и, не заметив в нем ни малейших признаков движения, перевел взгляд на бабушку.

Анна стояла перед старшим из купцов. Ее худощавое, но еще привлекательное лицо было светлее лиц торговцев, длинные седые волосы собраны в пучок на затылке. Она откинула капюшон, подставляя голову палящему полу-

денному солнцу. Анна сделала это намеренно, чтобы убедить купцов в своей силе. Однако такой поступок приносил ей и страдания, ибо часа, проведенного под обжигающим солнцем, было более чем достаточно, не говоря уже о долгом пути домой с грузом тяжелых мешков, наполненных солью, мукой, отрезами ткани и другими товарами.

А он лежал здесь, затаившись, не в силах помочь ей.

Конечно, сейчас Анне приходилось легче — Атр помогал ей ухаживать за садом, чинить стены, но в подобные минуты его раздирали противоречивые чувства: желание посмотреть караван и в то же время досада на то, что бабушке приходится с таким трудом добывать необходимые вещи.

Она уже заканчивала торговлю. Атр наблюдал, как она расстается с товаром, выращенным или сделанным своими руками, — ценными травами и редкими минералами, искусно вырезанными каменными статуэтками, причудливыми, яркими картинами, за которыми не раз возвращались к ней купцы, — и изумлялся изобретательности бабушки. За семь лет, что он прожил вместе с ней, ему никогда не приходилось голодать.

Атр знал, что одно это уже можно считать чудом. Знал не понаслышке, не от Анны, а потому, что, наблюдая через линзы за окружающим миром, видел, как беспощадна пустыня. Здесь надо благодарить судьбу за каждый прожитый день.

Он улыбнулся, глядя, как бабушка собирает покупки, как один из молодых купцов хочет помочь ей вскинуть на плечо мешок. Но Анна с улыбкой покачала головой. Купец тотчас отступил, отвечая ей улыбкой уважения.

Анна оглянулась на купцов, попрощалась с каждым из них едва заметным кивком, и отправилась в обратный путь к расщелине.

Атр лежал, стгорая от желания броситься вниз и помочь ей, но помнил: надо оставаться на своем месте, пока караван не скроется из виду. Настроив линзы, он еще раз окинул взглядом торговцев одного за другим, уже научившись различать их по жестам и походке. Вот один глотнул воды из фляжки, другой поправил упряжь верблюда. По сигналу старшего караван двинулся в путь: верблюды поначалу ступали нехотя, нескольких из них пришлось ударить хлыстом, прежде чем они с хриплыми громкими криками прибавили шагу.

Атр!

Да, бабушка?

Так что же ты видел?

Я видел огромные города на юге, бабушка, и людей — много-много людей...

Зная, что Анна ждет его, Атр начал спускаться.

Едва Анна обогнула каменный выступ и шагнула в расщелину, Атр бросился к ней. Здесь, вдали от глаз торговцев, она обычно

останавливалась и позволяла Атру взять у нее пару мешков, но сегодня направилась к нему, улыбаясь нетерпению внука.

У северного края расщелины она остановилась и с преувеличенной осторожностью опустила ношу на землю.

— Вот так,— негромко произнесла она, зная, как далеко разносятся здесь голоса.— Отнеси соль и муку в кладовую.

Атр молча сделал то, что было велено. Сняв сандалии, он поставил их на узкий выступ у края расщелины. Поверхность наружной стены была покрыта меловыми отметками, оставшимися от утреннего урока, неподалеку в песок были зарыты несколько небольших глиняных сосудов — один из опытов Атра.

Атр вскинул на плечо светлый, как выбеленная солнцем кость, мешок. Грубая ткань натирала ему шею и подбородок, сквозь нее ощущался запах соли. Перебравшись через наклонную стену, он повернулся и, пригнувшись, опустил вниз левую ногу, нащупывая верхнюю ступеньку веревочной лестницы.

С привычной осторожностью Атр спустился в прохладную тень расщелины, где острый запах трав казался одурманивающим после иссушающего бесплодия пустыни. Здесь со всех сторон его окружали растения, каждый клочок почвы был заботливо возделан. Пространство между каменными и глинобитными строениями, прилепившимися к высоким стенам, напоминало лоскутное одеяло из красноватобурых и ярко-изумрудных клочков, вокруг

крохотного пруда щедро произрастала сочная зелень — места здесь не осталось даже для тропинки. Но зато через расщелину зигзагом протянулся веревочный мост, соединяющий многочисленные постройки. К некоторым из них вели узкие лестницы, прорубленные в камне тысячу лет назад. Годами Анна расчищала длинные террасы на каменистых стенах, носила на них землю, терпеливо поливала, постепенно расширяя свой сад.

Кладовая находилась в дальнем конце расщелины, у самого дна. Проходя по последнему из подвесных мостов, Атр замедлил шаг. Он услышал журчание воды из подземного источника; пробиваясь сквозь пористый камень, она увлажняла древние ступени, делая их скользкими. Дальше в камне был прорублен канал, несущий скудную, но драгоценную влагу по каменному ложу к естественному водоему — пруду. Неподалеку от пруда похоронена его мать. Ее могила поросла мелкими голубыми цветами, венчики которых с бархатистыми темными тычинками внутри напоминали крошечные звезды.

После обжигающего зноя пустыни прохлада влажных камней под босыми ногами казалась блаженством. Здесь, тридцатью футами ниже поверхности, воздух был прохладен и чист; сладкий аромат трав освежал после сухого пустынного ветра. Негромко журчала вода, гудели пчелы. Атр помедлил мгновение, сдвигая толстые линзы на лоб и давая своим слабым глазам возможность привыкнуть к

полутьме, затем направился вниз к двери кладовой, вырубленной в стене расщелины.

Поверхность этой тяжелой низкой двери сама по себе была чудом — ее покрывала тонкая искусная резьба: фигурки рыб, птиц и зверей среди переплетенных гирлянд из листьев и цветов. Как и многое другое в расщелине, эта дверь была творением рук бабушки Атра — ибо, находя где-нибудь гладкую поверхность, Анна стремилась украсить ее, словно все окружающее представлялось ей огромным холстом.

Атр толкнул дверь ногой и ступил за порог темного тесного помещения. Еще год, и ему придется пригибаться в этой комнате с низким каменным потолком. Но пока он в три шага пересек кладовую, снял с плеча мешок и уложил его на широкую каменную полку рядом с двумя другими.

Минуту он стоял неподвижно, глядя на единственный кроваво-алый символ на мешке. Символ этот был ему знаком. Он представлял собой причудливое переплетение изогнутых линий и завитков, и Атр не знал, что это — слово или просто узор, однако каждый раз его завораживала красота и изящество рисунка. Иногда рисунок напоминал Атру голову необычного, неземного зверя, а иногда в изгибах линий он как будто улавливал некий смысл.

Атр вздрогнул, вдруг вспомнив, что бабушка ждет его у стены расщелины, и выбралил себя за беспечность. Торопливо сдвинув линзы на глаза, он прошлепал босыми ногами по

ступеням к раскачивающемуся мосту. Он успел как раз вовремя: Анна расстегнула плащ, вытащила из-за широкого кожаного пояса длинный нож с перламутровой рукояткой, наклонилась и разрежала тонкую веревку на одном из купленных рулонов ткани.

— Как красиво! — воскликнул Атр, встал рядом, настроил линзы и с восхищением уставился на золотистые и синие узоры. По поверхности ткани пробегали блики, как по воде пруда.

— Да,— с улыбкой повернулась к нему Анна.— Это шелк.

— Шелк?

В ответ она размотала ткань и протянула ему.

— Пощупай.

Он вздрогнул, удивленный прохладным, нежным прикосновением ткани.

Анна смотрела на него, не отрываясь, и на губах ее играла загадочная улыбка.

— Пожалуй, из этой материи я сделаю занавеси в твою комнату. Она радует глаз.

Атр удивленно вскинул голову, а затем взвалил на плечо один из оставшихся мешков.

Повторяя недавний путь к кладовой, он вспомнил замысловатый узор на ткани и улыбнулся. Он понял: в ткань была пропущена тонкая золотая нить.

Уложив на место второй мешок, он вернулся. В его отсутствие Анна успела перенести в расщелину два отреза ткани и оставшиеся мешки с мукой и солью. На песке остался

лежать маленький зеленый мешок с семенами, завязанный красной веревкой. Но последнего мешка, того, который, как показалось Атру, шевелился, нигде не было видно.

Нахмурившись, он взглянул на бабушку, но она не подала виду, даже если и поняла его взгляд.

— Унеси семена на кухню,— негромко попросила она, поднимая рулон на плечо.— Завтра мы посеем их. А потом возвращайся и помоги мне унести ткань.

Вернувшись из кухни, Атр увидел, что Анна ждет его на широком каменном уступе в дальнем конце сада. Даже со своего места он видел, как она устала. Пробежав по подвесному мосту к дому, он быстро спустился по узким ступеням к западному краю пруда, нагнулся, снял с крюка металлический ковш и погрузил его в неподвижную, зеркальную поверхность воды.

Затем поднялся, быстро прошел вдоль пруда и, стараясь не пролить ни капли драгоценной влаги, достиг места, где сидела Анна.

Взглянув на него, она улыбнулась усталой ласковой улыбкой.

— Спасибо,— произнесла она, взяла ковш, напилась и протянула Атру.

— Нет.— Он покачал головой.— Допей все. Анна осушила ковш.

— Ну, Атр,— спросила она окрепшим голосом, словно вода сняла всю усталость,— что же ты видел?

Он смутился.

— Я видел мешок, который шевелился.

Неожиданно Анна рассмеялась. Атр помрачнел, но тут же усмехнулся, увидев, как она достает мешок из складок плаща. Странно, но мешок казался совсем пустым. Он был соткан из более грубой ткани, чем обычно бывала у купцов. Если бы в мешок насыпали соль, она просыпалась бы сквозь отверстия между нитями, и тем не менее в мешке что-то было.

— Ну, так что же? — спросила Анна, с усмешкой наблюдая за ним.— Хочешь взять его?

Атр уставился на нее с неподдельным изумлением.

— Это мне?

— Да,— кивнула она,— тебе.

Атр бережно взял мешок, заметив, что он завязан той же красной веревкой, что и мешок с семенами.

— Что там?

— Посмотри — и увидишь,— отозвалась Анна, вынимая нож и протягивая ему рукояткой вперед.— Но будь осторожен: оно кусается.

Нахмурившись, Атр недоуменно вскинул голову.

— Ну, не хмурься,— с ласковым смехом произнесла она.— Я просто пошутила, Атр. Открывай мешок.

Он медленно просунул лезвие ножа под веревку и разрезал ее. Мешок со вздохом открылся.

Отложив нож в сторону, Атр поднял линзы на лоб и взялся за горловину мешка, осторож-

но расправляя ее и заглядывая в темную глущину.

Там было нечто маленькое, съежившееся и...

От внезапного звука он выронил мешок и отпрянул, чувствуя, как волосы у него на затылке встали дыбом.

— Осторожнее! — упрекнула Анна и наклонилась, поднимая мешок.

Атр с изумлением следил, как она вынимает оттуда что-то маленькое и пушистое. Сначала он ничего не понимал, но вдруг догадался, в чем дело. Котенок! Анна купила ему котенка!

Издав радостный крик, он вскочил и шагнул к ней, чтобы получше разглядеть крошечное существо в ладонях Анны.

У этого маленького чуда был мех цвета песка на закате, большие круглые зеленые глаза дважды мигнули, а затем с любопытством уставились на Атра. Размером котенок был с ладонь Анны.

— Как его зовут? — спросил Атр.

— Это она, и зовут ее Пэхкет.

— Пэхкет? — Атр с удивлением уставился на бабушку и осторожно погладил шейку котенка.

— Это древнее имя. Старший из купцов сказал, что оно приносит удачу.

— Может быть,— неуверенно произнес Атр,— но это имя ей не подходит. Взгляни, она похожа на искру.— Он улыбнулся, а котенок потерялся об его руку и громко замурлыкал.

— Тогда так и назови ее.

— Искрой?

Анна кивнула. Некоторое время понаблюдав за внуком, она сказала:

— На кухне есть неглубокая глиняная миска.

— Голубая? — уточнил Атр.

— Да. Можно отдать ее Искре. Пожалуй, она не откажется попить — ей долго пришлось просидеть в мешке.

Атр улыбнулся, а потом, словно делал это всю жизнь, ловко подхватил котенка одной рукой, прижал его к груди и понес в дом, прыгая через две ступеньки. Спустя минуту он вернулся с миской в другой руке.

— Иди сюда, Искра, — обратился он к зверьку, точно к ребенку, и бережно провел по его голове большим пальцем, — попей.

В сумерках Атр устроился на узком балконе, протянувшимся вдоль открытой террасы. Котенок дремал, свернувшись клубком на прохладной каменной скамье рядом с ним, а сам Атр загляделся на луну. День выдался удачным, но, подобно всем другим дням, он шел к концу. Внизу, чуть правее, в освещенном окне Атр видел бабушку. Маленький жировой светильник отбрасывал теплый желтый свет на ее лицо и плечи. Она хлопотала, готовя печенье. Как и котенок, это печенье было подарком — через два дня им предстояло отметить седьмой день рождения Атра.

При этой мысли Атр улыбнулся, однако к радости примешалось беспокойство. Как бы он ни был счастлив рядом с бабушкой, совсем недавно Атр начал понимать: в его жизни должно появиться нечто другое. Иначе просто не может быть.

Разыскав в стороне от луны цепочку звезд, он проследил за ней взглядом, пока не нашел пояс «небесного охотника», созвездие Ориона, а потом, как учила бабушка, — изогнутый лук в ночном небе. Каждый день он узнавал что-то новое, каждый день ему приходилось учиться.

— Бабушка, а что будет, когда я научусь всему на свете?

Он припомнил, как рассмеялась тогда Анна.

— Ученюю никогда не приходит конец, Атр. В нашей Вселенной, да и в остальных мирах, столько знаний, что вряд ли можно надеяться вместить их все.

И хотя Атр не вполне понял, что Анна имела в виду, один взгляд на звездную бездну сказал ему многое. Тем не менее ему не терпелось узнать все, что только можно, — любопытства в нем было не меньше, чем лени в спящем рядом котенке.

Он отвел взгляд от ночного неба. Вокруг него, в расщелине, там и сям крошечными теплыми точками горели светильники.

— Атр!

Он повернулся, увидел, как Анна подходит и садится рядом с ним на каменную скамью.

— Что, бабушка?

— Сегодня тебе есть что записать в дневник.

Атр улыбнулся, погладил котенка, почесал его за ушами, чувствуя, как тот трется головой о пальцы.

— Я сделал запись, пока ты была в кладовой.

— А, понятно...— Она слегка погладила шерсть на боку котенка тыльной стороной ладони.— Как идет твой опыт?

— Который? — с мгновенно вспыхнувшим азартом спросил Атр.

— Твои измерения. Я видела, недавно ты занимался ими.

Уже почти полгода Атр изучал движение дюн по другую сторону вулкана. Он закопал в песок у края одной из дюн ряды длинных шестов, а затем стал наблюдать, тщательно измеряя ее дневное продвижение, пользуясь шестами, как точками отсчета, а затем выстраивая график измерений с обратной стороны дневника.

— Скоро закончу,— ответил Атр, и глаза его ярко блеснули.— Еще несколько недель — и у меня будут первые результаты.

Анна улыбнулась ему, забавляясь и в то же время гордясь заинтересованностью внука. Несомненно, Атр наделен острым умом — умом настоящего исследователя.

— У тебя уже появилась теория? — спрашивала Анна, отмечая, как Атр выпрямился, прежде чем ответить ей.

— Они движутся,— ответил он.

— Быстро или медленно?

Он улыбнулся.

— Зависит от того, как посмотреть.

— Как посмотреть?

— Да — от того, какое движение считать быстрым, а какое медленным.

Анна рассмеялась в ответ.

— Ну, назовем медленным движением несколько дюймов в год, а быстрым — милю.

— Тогда — ни то и ни другое,— заключил он, глядя на Искру. Котенок вновь задремал, уронив голову на лапки, и тихонько посапывал в темноте.

Анна протянула руку и отвела волосы со лба Атра. Иногда он казался ей просто застенчивым ребенком, но временами в нем появлялось некое достоинство. Доброта, глаза, выдающие пытливость ума,— вот что отличало его, пересиливая впечатление от детской неуклюжести.

— Она меняется,— объяснил Атр, взглянув ей в глаза.

— Меняется?

— Да, скорость, с которой перемещаются дюны. Иногда они почти не движутся, но едва начинается буря...

— И что же? — негромко спросила Анна.

— ...поднимается ветер,— продолжал мальчик,— и толкает песчинки помельче вверх по наветренной стороне дюны. Перебираясь через гребень, они оседают на подветренной стороне. Вот почему дюны имеют такую форму. Крупные песчинки труднее сдвинуть с места,

поэтому наветренный склон постепенно становится вогнутым. Песок здесь плотный, по нему можно пройти, как по камню. Но подветренная сторона...

— А что происходит с ней? — ободряюще поинтересовалась Анна.

Мальчик сморщил нос и задумался.

— Подветренная сторона постоянно изменяется: мелкие песчинки образуют крутой склон, пока... пока не скатываются вниз. В таком песке ноги глубоко вязнут. Он не прибит ветром, как на подветренной стороне.

Анна улыбалась, не сводя глаз с лица внука.

— Ты говоришь, песчинки скатываются вниз. Тебе известно, почему так происходит?

Атр с воодушевлением закивал так, что даже Искра завозилась на его коленях.

— Здесь все зависит от равновесия песчинок относительно друг друга. Склон может подниматься, пока не достигнет определенного угла, а потом...

— Ты измерил этот угол? — спросила Анна, довольная внуком.

Он снова кивнул.

— Тридцать пять градусов — это самый крутой склон. Стоит ему стать еще круче — и он начинает осыпаться.

— Хорошо, — одобрила Анна, сложив руки на коленях. — Вижу, ты обо всем подумал, Атр. Ты попытался увидеть Целое.

Атр потупился, глядя на спящего котенка, но вскоре вновь поднял голову.

— Целое?

Анна негромко засмеялась.

— Так говорил мой отец. Я имела в виду, что ты рассматривал вопрос со многих сторон, размышлял, как собрать воедино его отдельные части. Ты задал самому себе все вопросы, которые следует задать, и нашел ответы. Теперь ты понимаешь это явление. — Улыбнувшись, она легко коснулась ладонью его плеча. — Пусть твои достижения пока невелики, Атр. В конце концов, дюна — всего-навсего дюна, но ты постиг важный принцип, которого следует придерживаться, что бы ты ни делал. Всегда помни о Целом, Атр. Во всем ищи взаимосвязь и помни, что это Целое всегда оказывается частью чего-то другого, большего.

Атр смотрел на нее, то и дело кивая, и его серьезный взгляд заставлял забыть, что мальчику только семь лет. Анну переполняла гордость за внука. У него такие чистые, ясные глаза. Глаза, жаждущие смотреть, видеть, наблюдать, постигать загадки окружающего мира.

— Бабушка!

— Что, Атр?

— Можно я нарисую Искру?

— Нет, — она с улыбкой покачала головой, — не сейчас. Уже пора спать. Хочешь, Искра будет спать с тобой?

Атр закивал.

— Тогда возьми ее. Сегодня она будет спать У тебя в ногах, а завтра мы сделаем ей корзинку.

— Бабушка...

— Да, Атр?

— Можно мне немного почитать?

Улыбнувшись, Анна взъерошила ему волосы.

— Нет. Но если хочешь, я приду и расскажу тебе сказку."

У Атра широко раскрылись глаза.

— Пожалуйста! И еще, Наина...

— Что? — спросила она, удивленная тем, что Атр назвал ее давним прозвищем.

— Спасибо тебе за Искру — она чудо. Я буду заботиться о ней.

— Знаю, знаю. А теперь пойдем в дом. Уже поздно.

Атр спал на широкой каменной скамье у задней стены внутренней спальни. Толстое стеганое одеяло служило ему матрацем, а большой, квадратный кусок ткани, аккуратно подрубленный Анной по краям и украшенный искусно вышитыми звездами, — покрывалом. В каменной нише над изголовьем постели помещалась масляная лампа, укрепленная на узких металлических прутьях.

Анна приподняла причудливо украшенное ею стекло лампы, зажгла фитиль и посторонилась, пропуская Атра. Скоро он подрастет и спать на скамье ему будет тесновато.

А потом... потом он покинет ее. Любознательной, пытливогой натуре Атра станет тесно в этой расщелине. Поэтому каждая минута общения с внуком была для нее драгоценна.

— Ну,— начала она, укрывая Атра одеялом и подавая ему сонного котенка,— что бы ты хотел послушать?

На мгновение Атр отвернулся, словно пытаюсь разгадать тайну трепещущей на стене тени, а затем с улыбкой взглянул Анне в глаза.

— А можно сказку про Керафа?

— Ты уже знаешь ее наизусть, Атр.

— Да, но мне бы хотелось снова послушать ее. Ну пожалуйста, бабушка!

С улыбкой положив ладонь на лоб внуку, Анна прикрыла глаза и начала древнюю легенду.

...Это случилось в землях Д'ни в незапамятные времена, тысячи лет назад, в ту пору, когда начались первые из страшных землетрясений, заставившие жителей бежать и поселиться в других местах.

Кераф был последним из великих властителей, но не потому, что лишился престола, а потому, что, достигнув всего, о чем мечтал, он отказался от власти и поручил совету старейшин править империей Д'ни. Однако в сказке про Керафа говорилось о юности принца, проведенной в огромной подземной пустыне Тре'-Меркти, что означает «Земля ядовитых вод».

О чем думал Атр, слушая сказку? Может, представлял себя юным принцем, таким, как Кераф, обреченный на изгнание по воле своего дяди, брата умершего отца? А может, в сказке его привлекало нечто другое? Как бы там ни было, о Керафе он мог слушать не престанно.

Приближаясь к завершению сказки и повествуя о том, как Кераф приручил гигантского ящера и верхом на нем вернулся в столицу Д'ни, Анна чувствовала, как Атр впитывает каждое слово, напряженно следит за каждой фразой, каждым поворотом сюжета.

Мысленно Анна закрыла книгу и отложила ее в сторону, как делала некогда для другого мальчика, в другие времена и совсем в другом месте. Открыв глаза, она обнаружила, что Атр пристально уставился на нее.

— Бабушка, а в твоей книге много сказок?

— Тысячи! — усмехнулась она.

— И ты знаешь их все?

Она покачала головой.

— Нет, Атр, это было бы невозможно. Некогда Д'ни считалась великой империей, ее библиотеки размерами превосходили небольшие города. Если бы я попыталась запомнить все легенды Д'ни, мне понадобилось бы несколько жизней, но даже в этом случае я знала бы только малую толику.

— Значит, все это было на самом деле? — спросил Атр, позевывая.

— Ты веришь сказкам?

Он помолчал и ответил со вздохом:

— Кажется, да.

Но Анна ошутила, что внук чем-то недоволен. Поднявшись, она укрыла его одеялом до подбородка и, наклонившись, поцеловала в лоб.

— Оставить Искру с тобой?

— Ага... — сонно пробормотал Атр.

Улыбаясь, Анна задула огонь в лампе и вышла из комнаты.

В ее мастерской на дальнем краю расщелины свет еще горел. Незаконченная статуэтка лежала на столе, рядом с ней стояла открытая шкатулка с тонкими резцами для работы по камню — каждый в своем ложе. Минуту Анна стояла у стола, размышляя, что предстоит сделать, а затем достала с полки, на которой держала книги, маленький, отделанный перламутром футляр.

Открыв крышку, она пристально взглянула на собственное отражение, убирая со лба прядь седых волос.

Что же ты видишь, Анна?

Лицо, взглянувшее на нее из зеркала, было сильным и решительным, не исхудалым, а скорее утонченным. Когда-то ее считали красавицей, но теперь время стало ее беспощадным противником.

Эта мысль вызвала у Анны улыбку. Она никогда не была тщеславной, но постоянно задумывалась о том, насколько ее настоящее «я» отражается на лице, о чем говорят разрез глаз и рисунок губ, что скрывают за собой тонкие черты. Взять, к примеру, Атра: когда он улыбается, то оживают не только его губы, но и все лицо, все существо — это была сияющая, широкая, заразительная улыбка. А когда он задумывается, на его лице, словно в зеркале, отражается сосредоточенная работа.

А ее собственное лицо?

Анна склонила голову набок, изучая свое отражение, на этот раз отмечая мелкие синие бусы, вплетенные в волосы, и пестрое тонкое ожерелье вокруг шеи.

Даже в самых мелких, почти незаметных штришках — бусах, ожерелье — проявлялась ее истинная натура, по крайней мере, та ее часть, что стремилась украшать все окружающее. В этом Анна не изменилась с самого детства. Если у нее появлялся лист бумаги, она заполняла его стихотворением, сказкой или рисунком. Если ей попадалась гладкая стена — она не упускала случая испещрить ее резьбой.

«А когда у меня появился ребенок...»

Она захлопнула футляр и сунула его на полку.

А когда у нее появился ребенок, она постаралась наполнить его голову сказками, мыслями и знаниями.

Что же ты видишь, Анна?

Зевая, она задула лампу и ответила на свой же безмолвный вопрос:

— Я вижу усталую старуху, которой пора спать.

Спустившись по ступеням вдоль стены, она быстро перешла через расщелину, направляясь в спальню.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Сначала потемнело на востоке, с той стороны, откуда вряд ли можно было ждать песчаной бури. Атр обследовал обращенный к солнцу склон вулкана, разыскивая редкие камни и кристаллы, чтобы пополнить свою коллекцию, и, случайно подняв голову, увидел крошечное темное пятнышко в небесной голубизне. Минуту он стоял, размышляя, что бы это могло быть, наклонял голову то в одну, то в другую сторону, думая, что запачкались линзы, но пятно не исчезало.

Спустя некоторое время он снова взглянул вдаль и обнаружил, что пятно на месте — более того, оно росло и с каждой минутой казалось все более темным.

Атр ощутил смутную тревогу.

Спустившись по склону, десятилетний мальчик поспешно пересек открытую песчаную площадку и добрался до расщелины, задыхаясь от жары. Остановившись только затем, чтобы сбросить сандалии у кромки расщелины, он полез вниз по веревочной лестнице.

Шум его поспешных шагов привлек внимание Анны, и через минуту двери ее мастерской с треском распахнулись. Анна вскинула голову, вопросительно нахмутив брови.

— В чем дело, Атр?

— Что-то приближается сюда!

— Ты имеешь в виду людей?

Он покачал головой.

— Нет, что-то непонятное высоко в небе. Выглядит словно черное пятно.

— Песчаная буря?

— Нет... постепенно чернеет все небо.

Ее смех был неожиданным для Атра.

— А, вот оно что! — проговорила она так, словно ожидала этого известия.— Надо как следует подготовиться.

Атр недоуменно уставился на бабушку.

— Подготовиться?

— Да,— весело сказала она.— И если я не ошиблась, надо как можно лучше воспользоваться тем, что вскорости произойдет. Такое редко случается.

Атр покачал только головой, слушая эти загадочные слова.

— Пойдем, помоги мне,— попросила она.— Принеси семена из кладовой. И посуду — всю посуду, какую только сможешь найти на кухне. Мы расставим ее вдоль стены.

Атр по-прежнему смотрел на нее, открыв рот.

— Скорее,— поторопила она с усмешкой.— Если ты видел, что небо на горизонте уже почернело, значит, вскоре туча будет здесь. Надо спешить.

Ничего не понимая, Атр исполнил ее просьбу. Сначала он принес семена, а затем бегал туда-сюда по подвесному мосту с мисками и горшками в руках и расставлял их по краям расщелины. Закончив работу, он подошел к Анне.

Она стояла на высокой террасе и, приставив руку козырьком ко лбу, глядела вдаль. Атр вскарабкался по ступеням и встал рядом.

Теперь пятно заполняло треть горизонта, напоминая огромную черную завесу, соединяющую небеса и землю. Мальчику казалось, что он видит саму ночь, явившуюся не вовремя.

— Что это? — спросил он. За свои десять лет он ни разу не видел ничего похожего.

— Гроза, Атр,— с улыбкой повернулась к нему Анна.— Это черное пятно — огромная грозовая туча. Если нам повезет — а для этого нужно особое везение,— прямо над нами прольется дождь.

— Что такое дождь?

— Вода,— улыбнувшись еще шире, пояснила она.— Вода, падающая с неба.

Атр перевел взгляд на огромное пятно и в изумлении приоткрыл рот.

— С неба?

— Да,— подтвердила она, поднимая руки, словно желая обнять приближающуюся тьму.— Мне давно уже снится дождь, Атр, много ночей подряд.

Впервые Анна заговорила о своих снах, и Атр снова с удивлением уставился на нее.

Вода с неба. Сны. День, превратившийся в ночь... Он изо всех сил уцепился за плечо.

— Нет, ты не спишь, Атр,— покачала головой Анна, забавляясь его жестом.— Смотри во все глаза, ибо перед тобой то, что, возможно, ты больше не увидишь никогда.— Она негромко рассмеялась.— Смотри же, мой мальчик, смотри внимательнее!

Пятно приближалось медленно-медленно, и с его приближением воздух становился все холоднее. Поднялся слабый ветер, словно нарастающая тьма гнала его перед собой.

— Ну ладно,— после долгого молчания произнесла Анна, поворачиваясь к нему,— давай приниматься за работу. Нам придется рассыпать семена по всей расщелине — все мешки, кроме одного. Такого случая нам может больше не представиться много лет.

Атр двигался как в полусне, ни на секунду не забывая о туче. Время от времени он опасно вскидывал голову вверх, а затем отводил взгляд.

Закончив рассыпать семена, он сунул в карман тонкий полотняный мешочек и вновь поднялся на террасу.

Искра устроилась под каменным карнизом у самого дна расщелины. Увидев ее там, Анна позвала внука.

— Атр! Отнеси Искру в комнату. Здесь ей грозит опасность.

Атр нахмурился, не понимая, какая опасность может грозить кошке. Разве расщелина — не самое укромное место на свете? Од-

нако он не стал спорить, подхватил Искру, отнес в кладовую и запер там.

Вернувшись, он увидел, что гроза уже почти рядом. Переминаясь с ноги на ногу, он поглядывал на Анну, не зная, что делать и где спрятаться, но бабушку, казалось, это не тревожило. Она стояла, наблюдая за приближением тучи, и улыбалась. Повернувшись, она крикнула Атру, пересиливая поднявшийся шум ветра:

— Сними линзы, Атр, так будет лучше!

Он снова послушался и сунул толстые линзы вместе со скрепляющим их кожаным ремешком в глубокий карман плаща.

Грозовой фронт надвигался на них, как массивная, мерцающая серебром стена, нечто твердое, неодолимое, заполняющее собой все небо. Станные ослепительно яркие вспышки плясали и гасли в этом мраке, их сопровождало низкое, угрожающее ворчание, которое внезапно переходило в оглушительный грохот.

Дрожа, Атр закрыл глаза, крепко стиснул зубы и съежился, и внезапно ливень обрушился на него, в одну секунду промочив до нитки, яростно барабанил по голове, плечам и рукам, и мальчик испугался, что вода вобьет его в землю. Он чуть не задохнулся от страха, но вдруг удивленно вскинул голову: сквозь раскаты грома и шум дождя до него донесся смех Анны.

Он взглянул на землю под ногами, удивленный необычной метаморфозой: всего мину-

ту назад он стоял на песке, а теперь его ноги вязли в липкой, водянистой массе, которая затягивала ступни, когда он пытался высвободиться.

— Наина! — крикнул он, протягивая к ней руки.

Она подбежала, смеясь, как девчонка. Мокрые волосы облепили ей голову, одежда приклеилась к длинному худому телу, словно вторая кожа.

— Какое чудо! — воскликнула она, поднимая лицо и с блаженством закрывая глаза.— Закрой глаза, Атр, и подставь лицо дождю!

Он снова повиновался, поборов желание убежать, и позволил дождю колотить его по щекам и шее. Не прошло и минуты, как его лицо занемело, но вдруг, неизвестно почему, Атр начал наслаждаться новым ощущением.

Нагнув голову, он прищурился и взглянул на Анну. Его бабушка прыгала на одной ноге, вертелась, подняв над головой руки, словно приветствуя небо. Атр робко последовал ее примеру и, когда радость охватила его, бешено закружился на месте, а дождь все лил и лил.

Гроза прекратилась так же внезапно, как и началась. Атр огляделся и заметил, как она удаляется, уходит по другую сторону вулкана — плотная завеса падающей воды, оставляющая за собой темную и ровную пустыню.

Оглянувшись, Атр заметил, что вся посуда, что он притащил и расставил, до краев

полна воды — множество дрожащих зеркал, отражающих слепящую синеву небес. Он хотел сказать об этом Анне, но тут свистящее шипение из жерла вулкана привлекло его внимание.

Он смотрел, как огромный столб пара поднялся из кратера, словно спящий великан пробуждался к жизни.

— Все в порядке.— Анна подошла и положила руку ему на плечо.— Такое случается, когда вода попадает в глубокие трещины.

Атр прижался к бабушке. Боязнь исчезла — дождь прошел, он пережил его и теперь пребывал в неумном возбуждении.

— О чем ты задумался? — тихо спросила Анна.

— Откуда берется дождь? — Будто зачарованный, он следил, как плотная темная стена исчезает вдаль.

— Из великого океана,— объяснила она.— Ему приходится преодолевать сотни миль, чтобы добраться сюда.

Он кивнул, еще охваченный воспоминаниями о том, как мощный, серебристо-черный поток окатил его, поглотил, забарабанил по коже.

Взглянув на бабушку, Атр рассмеялся.

— От тебя идет пар!

Она шутливо ушипнула его.

— От тебя тоже, Атр. Пойдем вниз, пока солнце не поджарило нас.

Он начал спускаться по стене расщелины, намереваясь первым делом выпустить из кла-

довой Искру, но, едва посмотрев вниз, застыл как вкопанный, приоткрыв рот в негромком изумленном восклицании.

Под его ногами расщелина превратилась в великанское сине-черное зеркало, тень крутых стен делила его пополам, и теперь оно напоминало треснувший щит.

Подойдя поближе, Анна нагнулась и рассмеялась, глядя на него.

— Ты не прочь научиться плавать, пустынный жучок?

Анна разбудила Атра еще затемно, слегка встряхнув его за плечо, прежде чем появился первый луч солнца. Высоко в руке она держала лампу, и теплый желтый свет заливал нишу, в которой лежал Атр.

— Пойдем, — позвала она, с улыбкой глядя, как мальчик протирает глаза. — Я хочу показать тебе кое-что.

Атр сел. Что-то произошло, но что — неизвестно... Он взгляделся в лицо бабушки.

— Это и вправду было, бабушка? Или я видел сон?

— Нет, это не сон, — мягко ответила она и, взяв Атра за руку, провела его в свою комнату на узкий балкон.

Луна была уже на ущербе, и, хотя спускалась с зенита, ее свет еще заливал дальний край пруда.

Атр застыл на месте, часто дыша, и, ошеломленный зрелищем, вглядывался в блестя-

щее эбеновое зеркало пруда. Не того пруда, который был знаком ему с младенчества, а большого, полного водоема, заполняющего расщелину от стены до стены. При виде его у Атра вырвался вздох:

— Звезды...

Улыбнувшись, Анна склонилась над ним, показывая очертания «небесного охотника» в воде.

— Смотри, Атр, — прошептала она, — вон путеводная звезда.

Он уставился на сияющую голубую звезду, а затем, подняв голову, отыскал ее на небе.

— Это ты и хотела показать мне? — спросил он, поворачиваясь к Анне.

Она покачала головой.

— Нет... Иди за мной.

Едва поднявшись над краем расщелины, прежде чем он заметил то, ради чего бабушка разбудила его, Атр помедлил на второй сверху ступеньке лестницы и взглянул вниз.

Под ним, далеко-далеко внизу, расстилось звездное небо. На мгновение иллюзия стала настолько реальной, что казалось, если Атр сделает еще шаг — ему предстоит вечное падение. Но, вспомнив, что бабушка терпеливо ждет его по другую сторону гребня, Атр поспешил к краю расщелины.

И тут же застыл с открытым ртом — зрелище, которое предстало его глазам, казалось невероятным, напоминающим грезу.

Весь склон вулкана был устлан ковром из Цветов. Даже при лунном свете Атр разли-

чал яркую пестроту оттенков — фиолетовых, синих, темно-зеленых, алых и ярко-оранжевых.

Он стоял, ничего не понимая. Увиденное казалось чудом.

— Их называют эфемеридами,— прозвучал в полной тишине голос Анны.— Семена этих цветов — сотни тысяч крошечных семян — могут годами лежать в сухой земле. Но как только пройдет дождь, они расцветают— всего на одну ночь. А потом...

Она вздохнула. Более печального вздоха Атру еще не доводилось слышать. Он недоуменно взглянул на бабушку — только что ее голос был переполнен восторгом.

— Что случилось, бабушка?

Она задумчиво улыбнулась и погладила его по голове.

— Ничего, Атр. Просто я вспомнила о твоём дедушке. О том, как рад он был бы видеть эти цветы.

Атр спрыгнул на землю, коснувшись ступнями сочного, прохладного цветочного ковра. Земля под ногами была влажной.

Присев на корточки, он провел ладонями по крошечным соцветиям, ощущая их нежность и хрупкость, а затем сорвал один из цветков и поднес поближе к глазам, чтобы рассмотреть.

У цветка оказалось пять мелких розовых лепестков и пушистая сердцевина. Атр выронил его.

Минуту он стоял на колене, оглядываясь вокруг, а потом его внезапно пронзила новая мысль. Вскочив, он бросился к Анне.

— Семена!

Он осторожно спустился по стене расщелины, то и дело останавливаясь, изучая места, где перед грозой рассыпал драгоценные семена.

Не прошло и нескольких минут, как он со смехом обернулся к Анне.

— Получилось! Семена проросли! Наина, ты только посмотри!

Она подошла поближе, не скрывая улыбки.

— Тогда лучше будет собрать их, Атр, пока не взошло солнце — прежде, чем пустыня отнимет то, что дала.

Работа была закончена, теперь оставалось только наблюдать и радоваться неожиданному празднику. Как только рассветные тени протянулись по пескам, Атр взобрался на склон вулкана с Искрой под мышкой. Казалось, неожиданное изобилие цветов опьянило кошку — она прыгала и каталась по цветам так, словно вновь стала котенком.

Наблюдая за ней, Атр усмехался. Он надел линзы, опустил солнечные фильтры и прибавил увеличение. Пришла пора удовлетворить любопытство — пока солнце не поднялось слишком высоко и жар был еще терпимым, пока, как уверяла Анна, цветы не высохли и не исчезли.

Некоторое время он бродил почти так же бесцельно, как изящная, худая кошка, его постоянная спутница. А затем вдруг обнаружил, что что-то ищет или скорее не ищет, а пытается понять смысл увиденного.

Застыв, он повернул голову, стараясь вспомнить, что именно промелькнуло сию секунду перед его глазами. Сначала он ничего не видел, а потом даже вздрогнул, случайно взглянув в нужную сторону. Да, вон там! Вон на том откосе, сбегаящем к одному из мелких, бездействующих кратеров вулкана!

Подойдя поближе, Атр остановился. Да, несомненно — растительность здесь была пышнее, цветы — больше, их листья плотнее и шире.

В чем же дело?

Он присел, раздвинул рукой упругие стебли, вырвал одно из растений и внимательно осмотрел корешки. К ним прилипла земля. Он поднес комочек земли к носу и понюхал. В запахе отчетливо слышался металлический оттенок. Минералы! Каким-то образом близость минералов способствовала росту цветов.

Он расчистил небольшой участок почвы, взял пригоршню земли и осторожно высыпал ее в карман плаща. Выпрямившись, он взглянул вниз, туда, где на спине, перебирая лапами, каталась среди ярко-желтых цветов Искра.

— Идем! — позвал Атр, желая побыстрее проверить свое предположение.

С того дня, как в пустыне шел дождь, минуло почти три месяца. И с тех пор десятилетний мальчик работал каждый вечер. Он подолгу засиживался в мастерской, повесив масляную лампу на крючок, вбитый в стену. Искра спала рядом на полу, а Атр терпеливо проверял, какое из веществ в найденной пробе земли вызвало необычный рост цветов.

Его мастерская разместилась в небольшой, недавно вырубленной нише за комнатой Анны. Атр целый год долбил стену, пользуясь инструментами бабушки, понемногу убирал камни, как учила Анна, проверял, нет ли поблизости трещины или слабой породы, из-за которых вся стена могла бы обрушиться на него.

В мастерской имелся каменный стол, вернее, широкий карниз у стены, который Атр шлифовал до тех пор, пока его поверхность не стала гладкой как стекло. На столе лежало множество инструментов. На трех узких полках, укрепленных над столом, Атр хранил свое имущество: горшки и чаши из камня и глины, маленькие, собственноручно сплетенные им корзинки с порошками и кусочками минералов, выбеленные кости животных пустыни, а на самой верхней полке — коллекцию редких камней и кристаллов: полированные агаты, похожие на выпяченные губы странных существ; большой осколок цеолита, напоминающий Атру пушистую щеку экзотического северного зверя; друзья синего азурита рядом с ярко-желтым кристаллом серы; длин-

ны, как сосулька, осколок кварца, а в отдельной прозрачной шкатулке — тигровый глаз. Эти и многие другие минералы теснились на полке, разделенные на семь видов — кубические, тетрагональные, моноклинные, ромбовидные, трехклинные, гексагональные, тригональные — эту классификацию Атр узнал из бабушкиных книг.

На противоположной от стола стене висел занавес, сшитый бабушкой из красного и синего шелка, давным-давно купленного у торговцев; края занавеса украшали бахрома и кисти из золотой нити. Другие две стены были заполнены картинами и схемами — одни из них нарисовала Анна, другие — сам Атр.

Задача с почвой оказалась не из легких, тем более что в распоряжении мальчика были лишь самые простейшие приборы. Атр надеялся найти в пробе почвы самое большое тричетыре химических вещества, но, к его удивлению — и недовольству, — состав пробы оказался гораздо сложнее. После нескольких недель работы Атру удалось выявить не менее тридцати различных элементов. Судя по всему, трещины вулкана представляли собой настоящий кладезь химических веществ. Ничуть не легче было проверить и предположение насчет цветов. В книгах бабушки, в которых целые главы были посвящены обработке и применению камня и металла, нашлось лишь несколько разделов по земледелию. Атру пришлось до многого додумываться самому.

Когда Атр почувствовал, что пришла пора собирать урожай, он выбрал несколько самых крупных растений, по паре каждого вида, и, положив их в корзину, отнес на кухню.

Встав у каменной раковины рядом с окном, он старательно промыл растения, удаляя прилипшую к корням землю. Внизу, под окном, Искра подошла и понюхала свежую, только что разрытую землю, а потом осторожно попробовала ее лапой.

Атр понаблюдал за кошкой, улыбаясь ее выходкам, стряхнул с растений капли воды, разложил их на доске и достал нож.

Он чистил растения, резал их и наблюдал, как Искра уселась на грядке, а затем принялась мыться — сначала облизывая розовым язычком лапу, а затем проводя ею по короткой рыжей шерсти.

— Эх ты! — Атр укоризненно засмеялся. Мало того что Искра съела мяту у дальнего берега пруда — теперь она устроила отхожее место на опытной грядке хозяина.

Нарезав один стебель, Атр ссыпал ломтики в глиняную миску. Они источали свежий аромат, напоминающий запах мяты, только без сладковатого оттенка. Атр поднес один из ломтиков к носу, понюхал его и положил в рот.

И на вкус он был неплох...

Вдруг Атр скривился: растение оставляло во рту горький, отвратительный привкус. Он

провел кончиком языка по деснам и передернулся.

— Фу!

— В чем дело, Атр?

Обернувшись, он увидел, что рядом стоит Анна, с любопытством наблюдая за ним.

— Что-нибудь случилось?

— Ничего,— пожал плечами Атр, взял миску и снова понес к раковине. Возможно, он недостаточно хорошо промыл свой урожай.

Проходя мимо, Анна ласково провела ладонью по его спине, а затем склонилась над внуком, обдавая его шею теплым дыханием.

— Они выглядят аппетитными,— заметила она и улыбнулась.— Может, приготовить к ним рис?

Атр покачал головой.

— Нет, я сам. Я хочу изобрести особое блюдо.

Анна кивнула, слегка похлопала его по плечу и вышла на лестницу.

Посмотрев ей вслед, Атр вновь выглянул в окно. Искра, управившись с делами, свернулась пушистым оранжевым мячиком среди ярко-зеленых стеблей. Атр улыбнулся, налил из кувшина в миску свежей воды и снова принялся промывать растения.

Атр ремонтировал каменную лестницу, когда у него начались боли. Поначалу он решил, что руку просто свело судорогой, и расслабил

мышцы, намереваясь продолжать работу. Но едва он потянулся, чтобы взять мастерок, острая боль пронзила его насквозь, заставляя согнуться пополам.

— Атр!

Анна мгновенно оказалась рядом.

— Атр, что с тобой?

Он хотел ответить, но задохнулся от очередного приступа боли и морщась опустил на колени.

Казалось, ему в живот ударили острым кинжалом.

— Атр!

Он вскинул голову, коротко взглянув на нее, но тут же, не в силах сдержаться, скорчился от выворачивающей желудок рвоты.

Когда он вновь взглянул на Анну, то едва держался на ногах от слабости, на лбу выступили капли пота. Анна стояла рядом, обняв его за плечи и что-то объясняя.

— Что? — переспросил он, ничего не слышав.

— Растения,— повторила она.— Должно быть, все дело в растениях. Ты их ел?

Атр покачал головой, а затем припомнил:

— Да, съел один ломтик. Я...

Он вновь содрогнулся, прошитый болью. С трудом глотнув, Атр беспомощно повернулся к бабушке.

— Наверное, в них что-то было.— Анна ладонью вытерла ему лоб.— Что ты с ними делал?

— С ними? — Мысли Атра беспорядочно

запрыгали. Он чувствовал, как пошатывается от головокружения.— Ничего...

Вдруг его осенило — химические вещества! Должно быть, не все из них были безвредными. А потом он припомнил привкус, эту горечь, достаточно неприятную, чтобы остановить его.

Он застонал.

— Что я наделал!

— Ничего страшного,— попыталась успокоить его Анна.— Все предусмотреть невозможно. И если ты...

Атр нахмурился, сердясь не на нее, а на себя.

— Я мог отравить тебя! Мог убить нас обоих!

Анна поморщилась и покачала головой, но Атр пристально вглядывался ей в лицо, не слыша возражений.

— Нет, Атр,— наконец произнесла она.— Ничего не случилось. Мы учимся на своих ошибках.

Но это не убедило мальчика.

— Я едва не отравил нас...— повторял он.— Едва не...

Анна привлекла его к себе и крепко обняла. Атр понемногу успокоился. Она помогла ему встать, повела к пруду, зачерпнула в ладони воды и ополоснула его лицо и шею.

— Ну, вот и все,— проговорила она с улыбкой,— так-то лучше.

Медленно и устало мальчик поднялся на ноги.

— Пожалуй, надо вырвать и выбросить их все, пока не поздно. Я...— Он вдруг застыл.— Искра!

Анна шагнула вперед и склонилась над маленьким оранжевым комочком. Минуту она сидела неподвижно, склонив голову набок, а затем с медлительностью, подтвердившей худшие опасения Атра, выпрямилась.

— Мне очень жаль,— произнесла она,— но...

Атр упал на колени рядом с Искрой, глядя на погибшую любимицу, а потом осторожно, словно она спала, поднял ее, прижал к себе и понес туда, где у стены расщелины цвели голубые цветы.

Анна смотрела ему вслед, отмечая, каким торжественным и печальным выглядит Атр в этот момент, как глубоко переживает случившееся. Анна безошибочно поняла: в этот момент он сделал еще один шаг во взрослый мир, прощаясь с детством. Он удалялся, уходил от нее прочь.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

В томительном послеполуденном зное тонкие струйки серного дыма поднимались из мелких трещин на теле вулкана, свивались, как одежды плясуньи, прежде чем раствориться под нестерпимо ярким солнцем.

Атр стоял над кратером вулкана, глядя вниз, в глубокую чашу. Он сдвинул на глаза линзы — большую из двух пар, найденных в мастерской бабушки. Широкий кожаный ремень, удерживающий линзы на голове, скрывался под плотно пригнанным белым капюшном. Рот и нос Атра закрывала матерчатая маска, сшитая бабушкой, инструменты крепились на широком поясе — точной копии того, что носила сама Анна.

Ему уже исполнилось четырнадцать лет. За последний год он сильно вытянулся, достиг роста взрослого мужчины, но его фигура оставалась еще по-детски худой и угловатой. Черты лица Атра тоже изменились, стали более жесткими, нос и подбородок утратили пре-

жнюю мальчишескую мягкость. Ни по каким меркам Атра нельзя было назвать слабым, однако, наблюдая за ним, Анна отметила его худобу. Он казался тонким как тростинка и Анна всерьез опасалась, что однажды пустынный вихрь подхватит и унесет его.

Последние несколько недель Атр готовил новый опыт. Он укрылся от палящего солнца в прохладной тени каменистого гребня и на узком выступе разложил свои приборы. Прямо перед ним круто уходила вниз стена вулкана. Справа, за почти идеально круглым камнем, словно слепленным из вязкой глины, находилось узкое отверстие, одно из нескольких вторичных жерл. Атр накрыл его куполообразной металлической крышкой, склепанной грубовато, но надежно, и четыремя распорками прикрепил ее к соседним камням. Крышку венчал небольшой металлический цилиндр.

Затянутыми в перчатки руками Атр осторожно покрутил регуляторы по бокам линз, настраивая их на увеличение. Затем, смахнув тонкий слой пыли с металлической крышки, осмотрел серебряный клапан длиной с палец, прежде чем перейти к двум грубо протарированным датчикам по обе стороны от клапана. Над каждым из датчиков помещался металлический стержень с маленьким круглым отверстием наверху.

Атр выпрямился и испустил глубокий вздох. У него был всего один шанс, он не желал допустить ошибки. Если опыт не уда-

стся, если прибор не сработает, тогда пройдет не меньше года, прежде чем он сможет вновь приобрести у торговцев все необходимые детали.

Он повернулся, глядя туда, где два толстых, туго сплетенных провода, которые он изготовил с помощью Анны, свешивались над краем кратера. Прямо над кратером висела глыба иссиня-черного камня. Два небольших колеса были укреплены на ее конце, а сплетенная вручную веревка бежала между колесами, образуя блок. Как и куполообразная крышка, это сооружение выглядело примитивно, но должно было послужить поставленной цели. Чтобы испытать его, Атр несколько дней подряд опускал камни в жерло вулкана, а затем поднимал их. Вес этих камней намного превышал вес груза, который предстояло опустить сейчас.

По другую сторону кромки кратера, рядом с длинной каменной глыбой, придавленной пирамидой тяжелых камней, расположилась в самодельной палатке и гордость Атра, итог его терпеливых бдений — аккумуляторная батарея. Атр подхватил один из проводов, подтянул его поближе к металлической крышке, прикрепил к одному из стержней и затем проделал то же самое с другим проводом.

Снова настроив линзы, он поднялся и вышел под обжигающее солнце.

Некоторое время он стоял, переводя дыхание, — каждый раз выйти из тени было все равно что шагнуть в раскаленную печь. Не

помогала даже многолетняя привычка: переход из прохлады в удушливый зной был подобен физическому удару.

Нырнув под плотную ткань палатки, Атр улыбнулся. На этот раз он приложил немало усилий, чтобы взглянуть на предстоящую задачу со всех сторон, убедиться, что в вычислениях он охватил все составные части Целого.

Батарея помещалась в углу палатки, на каменном выступе. Глядя на этот массивный агрегат, Атр испытывал гордость. Он сам вырезал из камня куб, а потом, пользуясь самыми острыми из инструментов Анны, выдолбил его согласно рисунку в древней книге Д'ни. Сделать пластины оказалось несравненно легче. Сухая почва вокруг вулкана изобиловала химическими веществами, и ему повезло найти большие залежи галенита — руды, содержащей смесь серы и свинца. А что касается необходимой для батареи серной кислоты, то в жерле вулкана с избытком хватало серы.

В очередной раз настроив линзы, Атр встал на колени и горделиво осмотрел батарею. Много вечеров он провел, выдалбливая и полируя камень, а затем, повинувшись внезапному порыву, вырезал на боку батареи крохотными замысловатыми символами: «Свет. Мощность. Сила».

Батарея выглядела как маленький каменный дом, металлический отблеск ее поверхностей придавал ей странный, таинственный вид.

Рядом лежал второй куб, значительно меньший,— взрывное устройство. Оно было изготовлено из красной глины, обожженной в печи. Ничем не украшенное единственное круглое отверстие на верхней грани куба было закрыто плотной восковой пробкой, из центра которой выходил длинный толстый шнур, пропитанный растворами различных химических веществ. На передней грани куба имелась ручка.

Осторожно подняв взрывное устройство, Атр завернул его в свой плащ и вынес наружу. Снова поднявшись к кратеру, он отдышался, приподнялся на цыпочках и схватил прочный металлический крюк на конце веревки. Он неторопливо потянул за веревку, слыша, как защелкал тормозной механизм по ту сторону гребня.

Этот механизм тоже был его собственным изобретением.

Во время первых испытаний блока Атр обнаружил, что под весом камня веревка разматывается слишком быстро, а когда попытался остановить ее, то содрал кожу на обеих ладонях. После долгих попыток он нашел способ останавливать подающее колесо после каждого оборота.

Нагнувшись, он снова поднял глиняный куб и просунул заостренный конец крюка под ручку, а затем, придерживая шнур, опустил куб. Как только веревка натянулась, он выпрямился, намереваясь продолжить работу.

Оставалось сделать только одно. Из внут-

реннего кармана плаща он извлек древнюю трутницу Д'ни.

Склонившись над краем кратера и держась одной рукой за выступающую каменную глыбу, Атр поднес язычок пламени к концу шнура на подрагивающем глиняном кубе и, как только шнур загорелся, поспешил отойти.

Он уже думал, что пламя погаснет, но вдруг оно зашипело, и шнур вспыхнул.

Атр пробежал по склону, вскарабкался на каменный гребень и остановился у блока.

Наступал самый ответственный момент: если шнур сгорит слишком быстро или по каким-то причинам откажет лебедка, дело может кончиться плохо.

Встав на колени рядом с тормозным колесом, Атр медленно начал поворачивать его, прислушиваясь к негромким шелчкам, напрягшись в ожидании внезапного взрыва и продолжая мысленно вести отсчет.

Досчитав до двадцати, Атр бросился на землю, вытянулся за кучей камней и зажал уши руками.

...двадцать четыре, двадцать пять, двадцать шесть...

От грохота содрогнулся склон вулкана. Взрыв прозвучал на четыре секунды раньше, чем было задумано, но Атр не тревожился — куб уже должен был достигнуть нужного места напротив разлома.

Атр засмеялся и встал, отряхиваясь от пыли. Пока затихало эхо взрыва, сквозь звон в ушах он услышал звук, который так наде-

ялся услышать — громкий свист пара, пробивающего себе дорогу через куполообразную крышку. Вместе с шипением над склоном вулкана разносился пронзительный механический вой.

Продолжая смеяться, Атр взобрался на гребень и посмотрел вниз. Глыба, на которой держалась лебедка, исчезла вместе с огромным обломком карниза. Пар вырывался изпод металлической крышки, натужно свистя.

Повернувшись к Анне, которая стояла у края расщелины, Атр вскинул над головой руки и замахал, победно усмехаясь.

— Получилось! — выкрикивал он, сдерживая маску с лица.— Получилось!

Анна снизу помахала ему в ответ, а затем, приставив ладони ко рту, что-то крикнула, но Атр не расслышал — звон в ушах не прекращался, а яростное шипение пара и пронзительный вой неожиданно усилились. Анна крикнула: «Возвращайся!» — или что-то вроде этого. Усмехаясь, Атр кивнул, снова замахал руками и повернулся, чтобы осмотреть куполообразную крышку с вырывающимся изпод нее паром.

— Получилось! — тихо повторил он, только сейчас заметив, как подрагивает крышка, сиюсь сорваться с распорок.— Действует!

Спустившись пониже, он остановился на почтительном расстоянии от крышки, но так, чтобы видеть показания датчиков.

Трепет возбуждения охватил Атра, когда он увидел, как далеко отклонились обе стрел-

ки на красной половине шкалы. Батарея заряжалась!

Но вдруг Атр застыл на месте: пока он следил за приборами, одна из металлических распорок начала сползать с камня, словно ее сталкивала незримая, но мощная рука.

Атр попятился, а тем временем звук, издаваемый крышкой, изменился, поднявшись на целую октаву, словно та же самая невидимая рука нажала другой регистр.

Спотыкаясь и чудом удерживаясь на ногах, Атр взобрался по склону, перемахнул через гребень и бросился бежать, не замечая палящего зноя. Он пробежал десяток шагов, затем упал лицом вниз. В ту же секунду каменный гребень за его спиной взлетел на воздух.

Придя в себя, Атр приподнялся и огляделся, удивленный зрелищем, которое предстало его глазам. Склоны вулкана образовывали неровное кольцо там, где они встречались с пронзительной синевой неба.

Атр с трудом встал на ноги. Над жерлом кратера вился пар, скрывая из виду противоположный склон. Время от времени клубы пара образовывали причудливые фигуры, приковывающие взгляд своей странной красотой.

Он сразу заметил батарею. Подойдя поближе, он присел и с удивлением покачал головой. Батарея осталась невредимой — правда, на полированной поверхности виднелось несколько вмятин и царапин. Более того: шкала

на верхней грани показывала, что батарея заряжена.

Атр рассмеялся и почти с любовью погладил запыленную поверхность батареи. По крайней мере, теперь он знал принцип. Если бы он нашел нужное отверстие, если бы рассчитал силу давления, то в его распоряжении оказался неограниченный источник энергии. Вся жизнь его самого и Анны могла бы измениться, расщелина засияла бы в ночи подобно кошачьему глазу.

Не в силах прогнать улыбку, Атр поднял голову, и в этот момент клубы пара рассеялись. Атр увидел темное отверстие.

Это была пещера. Или туннель.

Он поднялся и шагнул в сторону отверстия.

Странно... Казалось, туннель вырублен Б склоне вулкана.

Вновь появившееся облако пара скрыло из виду черную дыру.

— Атр!

Повернувшись, он увидел, что Анна стоит высоко над ним, четко вырисовываясь на кромке кратера.

— Поднимайся сюда! Скорее!

Атр нахмурился.

— Но батарея...

— Иди сюда немедленно!

На обратном пути она держалась непривычно молчаливо, а затем вдруг остановилась и повернулась к нему лицом.

— Атр, что ты видел?

— Я видел...— Он замялся, удивленный вопросом.

— Атр, отвечай мне. Что ты видел?

— Батарею. Она зарядилась.

Анна испустила вздох.

— И это все?

— Еще там был пар — целые тучи пара.— Он нахмурился.— Батарея... Мне надо забрать ее.

Он хотел было вернуться, но Анна мягко удержала его за руку.

— Забудь про батарею. Это слишком опасно. А теперь пойдем, тебе надо умыться.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Луна едва светилась, когда Атр поднялся, стараясь не разбудить бабушку. Прихватив из кладовой веревку и мешок, он направился вверх по склону вулкана.

На полпути он замер, вновь испытал шок при виде изменившейся кромки кратера. Кажалось, это каким-то образом связано с внутренней переменной в самом Атре.

Он стоял на краю кратера, отыскивая тропу, ведущую вниз по внутреннему склону вулкана. Глядя в темноту, он вдруг ощутил укол страха, подобного которому не испытывал раньше.

Перебравшись через край жерла, он начал спускаться, напряженно прислушиваясь к непривычному рокоту, доносящемуся из глубин. Холодок пробежал по его спине.

На дне кратера оказалось тепло и душно. Атр огляделся, а затем направился вперед. Пар свистел и рвался наружу, камни подрагивали, их очертания менялись в зыбко-серебристом свете.

Батарея была на месте — там, где Атр оставил ее. Минуту он сидел над ней, поглаживая ладонью запыленную поверхность. Но затем его внимание вновь привлек туннель. Словно очарованный, он направился к темной пещере.

Вытащив из кармана трутницу, он высек огонь и шагнул в темноту.

В призрачном свете крошечного язычка пламени он видел, как туннель постепенно уходит во мрак, под уклон, словно нора гигантского червя, сумевшего прогрызть камень. Здесь было на удивление прохладно — словно из глубины туннеля дул ветер.

Атр шел, считая шаги. Через пятьдесят шагов он повернулся и посмотрел назад. Со своего места он не видел вход в пещеру — его заслонял изгиб туннеля.

Он шел дальше, будто повинясь чарам, стремясь узнать, куда приведет туннель.

Запах серы стал слабеть, воздух наполнили другие запахи, затхлые и незнакомые.

Атр подошел к стене и коснулся ее ладонью. Стена была прохладной, гладкой и сухой. Он уже собирался двинуться дальше, как вдруг какая-то неровность стены привлекла его. Он подошел поближе и поднес к стене трутницу, ошеломленно застыв. Прямо перед ним на стене было вырезано слово — огромными буквами, в половину его роста.

Д'ни! В этом не могло быть сомнений — слово на языке Д'ни!

Атр долго смотрел на слово, не понимая его, но стараясь запомнить.

До сих пор он лишь наполовину верил рассказам бабушки. Бывали дни, когда ему казалось, что Анна сама написала книги, стоящие у нее на полках,— как писала картины или превращала камни в искусно вырезанные фигуры.

Анна никогда не лгала ему, но ее рассказы были настолько удивительными и загадочными, что он с трудом верил, будто описанные в них события происходили на самом деле.

Он уже повернулся, чтобы идти к выходу, но в этот момент чуть не упал, поскользнувшись на каком-то предмете. Предмет откатился в сторону и начал наливаясь светом — сначала приглушенным, а потом все более ярким, освещая туннель.

Атр присел рядом и робко прикоснулся к предмету пальцем, опасаясь обжечься. Предмет был холодным. Атр подобрал его, зажал между большим и указательным пальцами и принялся разглядывать.

Это был маленький, идеально круглый камень, напоминающий мраморный шарик. Атр уже десять лет коллекционировал кристаллы и минералы, но никогда не видел ничего подобного. Он положил камень на ладонь, удивляясь, что он остается прохладным.

Задув трутницу, Атр сунул ее в карман и выпрямился, держа в руке шарик. Он надеялся найти поблизости такие же камни, но поиски оказались безуспешными.

Вспомнив, что у него мало времени, Атр поспешно зашагал прочь из туннеля, намереваясь отнести батарею домой прежде, чем Анна проснется и догадается, где он был.

Ему понадобился час, чтобы подтащить батарею к краю кратера. Когда до края оставалось футов тридцать, пришла Анна и помогла ему: она стояла наверху, на краю кратера, и тащила батарею на веревке, а Атр подталкивал ее снизу.

В молчании они донесли груз до расщелины. Анна спустилась вниз и через минуту вернулась с чашей воды. Атр сел, уронив руки на колени, и стал ждать, что Анна упрекнет его за непослушание, однако она молчала.

— Это моя вина,— наконец произнес Атр, глядя на бабушку и удивляясь ее безмолвию.— Я хотел поступить по-своему...

Анна с безучастным видом протянула ему чашу.

— Попей, и будем спускаться. Я приготовлю завтрак. Пожалуй, пришло время кое-что рассказать тебе.

Атр сидел в кухне на скамье под окном и, оставив пустую тарелку, слушал, словно очарованный, рассказ бабушки.

За эти годы он наслушался от нее самых разных сказок, но эта была совсем иной — потому что в отличие от остальных в ней не говорилось о деяниях и подвигах, о людях, способных на то, что не под силу другим. Но

когда Анна заканчивала рассказ, ее голос начал дрожать и срываться.

— ...и вот, когда наконец вернулся Веовис, судьба Д'ни была решена. Одного дня хватило, чтобы уничтожить то, что создавалось тысячелетиями, и гигантские пещеры Д'ни опустели. И всему виной стала речь Ти'аны.

Атр долго молчал, прежде чем взглянуть на Анну.

— Значит, ты осуждаешь Ти'ану?

Она кивнула.

— Но откуда она могла знать, что так будет? И потом, она поступила так, как считала нужным.

— Чтобы успокоить собственную совесть — может быть. Но нужен ли был такой поступок Д'ни? Многие призывали умертвить Веовиса после первого мятежа. Если бы к их доводам прислушались... если бы только обращение Ти'аны к Великому Совету не оказалось столь красноречивым...

Анна вновь замолчала, понурившись.

Атр с хмурым видом покачал головой.

— Ну, не знаю...

т- Да...— Анна долго сидела, разглядывая свои ладони, а затем вскинула голову и улыбнулась.— Впрочем, какая теперь разница? Все уже в прошлом. Империи Д'ни больше не существует, от нее остались лишь легенды.

Тогда Атр вытащил из кармана по-прежнему светящийся мраморный шар и протянул его бабушке.

•:,- —Я нашел его на дне вулкана.

При виде шара она изменилась в лице.

— Где, говоришь, ты его нашел?

— В кратере,— неуверенно повторил Атр.— Рядом с тем местом, где упала батарея.

Анна пронизательно взглянула на него.

— В туннеле?

— Да.

Анна взяла светящийся шар из руки внука, подержала его в ладони и вдруг уронила в чашу с водой, стоящую рядом. Шар погас.

— Не надо больше ходить туда, Атр. Там внизу очень опасно.

— Бабушка, но я...

Она подняла голову. Атр еще никогда не видел такого непреклонного выражения на ее лице.

— Не смей ходить туда, Атр. К этому ты еще не готов. Прошу тебя, пообещай мне.

— Обещаю.

— Вот и хорошо,— отозвалась Анна чуть мягче и положила руку на плечо внука.

Каждый день, когда солнце начинало садиться и тени ползли по дну расщелины, Анна и Атр сидели в прохладном уголке на низкой каменной скамье у пруда и вели разговоры.

Сегодня Атр принес к пруду свой дневник и, поставив чернильницу перед собой на скамью, попытался скопировать слово, которое Анна написала на листе бумаги. Некоторое время он сосредоточенно молчал, переводя

взгляд с букв Анны на собственные, проверяя, правильно ли повторил сложный рисунок, Вскоре он поднял голову.

— Бабушка...

Анна, которая сидела рядом, прислонившись к холодной каменной стене и закрыв глаза, тихо отозвалась:

— Что, Атр?

— Я все-таки не понимаю: ты говоришь, что такого слова в английском языке нет. Но разве такое возможно? Разве они не пользуются теми же предметами, что и мы?

Анна открыла глаза и села прямо, выпрямив ноги с босыми загорелыми ступнями и сложив руки на коленях.

— Слова — не просто сочетание букв, Атр, Слова — это... попробую объяснить проще, На первом уровне слово — это ярлык. Дерево, песок, камень... Употребляя эти слова, мы представляем себе, что они означают. Мысленно мы можем вообразить эти предметы. Не чтобы уточнить, какой именно камень, дерево или песок имеется в виду, нужно гораздо больше слов — и те, в свою очередь, тоже являются ярлыками. Скажем, большое дерево. Или вечнозеленое дерево. Красный песок или мелкий песок. Острые камни — а может, камни с прожилками. Первое слово определенным образом изменяет наше понимание второго. На следующем уровне слова выражают идею — • любовь, разум, верность. В этом случае ты и сам понимаешь, как все непросто. Нельзя всего-навсего добавить лишнее слово, чтобы пояс-

нить, что мы имеем в виду, особенно когда сами идеи сложны для понимания. Чтобы понять истинное значение подобных слов, нам необходимо определить их несколькими способами. К примеру, любовь может сочетаться с гордостью и надеждой, а может — с ревностью и страхом. При этом слово «разум» может относиться и к инстинктивному, не связанному с мышлением разуму муравья или к более глубокому, эмоциональному разуму человека. И даже у людей можно различить множество видов разума, точнее, мышления — глубокого и замедленного или же живого, порывистого. А верность... она может быть и слепой верностью воина своему командиру, и упрямой верностью жены мужу, который обманывает ее. Или же...

Анна заметила, что он улыбается.

— Что такое?

Атр протянул ей обратно лист бумаги.

— Кажется, я понял. По крайней мере, я чувствую, что ты хочешь объяснить.

Анна не смогла сдержать улыбки, как обычно, радуясь живости его ума и проницательности. Атру редко приходилось повторять что-либо дважды, и зачастую, как сейчас, он опережал ее объяснения.

— Тогда продолжай, — предложила она.

Атр смутился и склонил голову набок, как всегда делал, погружаясь в размышления. Затем, тщательно подобрав слова, он начал:

— И точно так же, как слова, описывающие идею, находятся на более высоком уровне

не, чем слова, которые являются просто ярлыками, есть и еще один, более сложный уровень. Тот, на котором действует это слово из языка Д'ни.

— Правильно, и что же?

— Это я понял, но...— Он нахмурился и покачал головой.— Я не могу уяснить одного — что может быть сложнее идей. Не представляю себе, каким должен быть этот высший уровень.

— Именно поэтому в английском языке нет такого слова.

— Да, но... что же все-таки оно значит?

— Это слово — на языке Д'ни обозначает циркуляцию воздуха. Оно связано с видами ветров и их влажностью.

Атр уставился на нее, сведя брови над переносицей.

— Но... разве такое слово не является ярлыком?

— Нет, ни в коем случае. Оно не просто описывает понятие.

— Значит...— Атр все-таки не понимал, к чему ведет Анна. Он умоляюще смотрел на бабушку, прося помощи.

Анна рассмеялась.

— Атр, тебе придется просто смириться с тем, что такой уровень существует.

— Но ты же говорила...

— Я помню, что говорила. Ты вправе спрашивать обо всем и пытаться постичь истину. Но сейчас тебе остается лишь поверить моим словам. Существует уровень выше яр-

лыков и идей, он представляет собой сочетание и того и другого. Д'ни открыли это явление много лет назад и научились обозначать его словами. Когда-нибудь ты сам это поймешь, а пока...

Она видела, как омрачилось лицо Атра. Мальчик привык все подвергать сомнению, привык разбираться во всем сам, проверять и перепроверять. Анна сама учила его никогда не принимать на веру то, что ему скажут, а теперь просила его изменить давней привычке.

«Напрасно я позволила ему переписать это слово,— думала она, удивляясь, почему чутье позволило ей допустить такую ошибку.— Он еще не готов для Гэро-эрти». Однако обычно Анна доверяла своему чутью. Оно редко подводило ее.

Атр отвернулся, и Анна поняла: он по-прежнему пытается осознать, каким образом идея может стать ярлыком, как нечто общее может быть одновременно и частным. Анне хотелось избавить его от напрасного труда и все объяснить, однако Атр к этому был еще не готов.

Поднявшись, Анна потянулась и оглядела расщелину, где все было упорядочено. Иногда в воображении она сравнивала ее с мышлением внука, все чаще прибегая к такой метафоре. Но сейчас она поняла: сравнение неудачно. Когда-нибудь он перерастет это тесное жизненное пространство, отвоеванное у пустыни, и выйдет в большой мир, и тогда его мысли и

суждения перестанут подчиняться правилам, с малолетства заложенным Анной.

Глядя на внука, Анна все больше проникалась мыслью, что ему уготована лучшая участь, чем ей самой. Он мудрее, решительнее, тверже в своем стремлении постигать. Но эта мысль не испугала ее и не вызвала зависти — разве что принесла печаль, ибо Анна находила огромное удовольствие в общении с внуком, в попытках передать ему все знания, которыми обладала сама.

Вздохнув, Анна направилась через расщелину, поднимаясь по каменным ступеням. Приближалось время ужина.

Прошел месяц. Атр неторопливо поднимался по склону, негромко насвистывая песню, которой Анна научила его еще в детстве — мелодии песен Д'ни были просты и легко запоминались. Насвистывая, он мысленно слышал голос Анны, повторяющей припев.

Подойдя к краю кратера, он остановился как вкопанный, с открытым ртом озирая зрелище, представшее его глазам.

Впереди, под его ногами, весь склон был покрыт густыми клубами ослепительно белого пара, словно кто-то вдруг набросил на него толстое покрывало. Пар медленно кружился, но не рассеивался и не поднимался вверх, а оставался на месте.

Ничего подобного Атру еще не доводилось видеть, и он в испуге попятился. И в этот миг

из-за белой завесы вышел человек, представившись Атру частью спустившегося в вулкан облака. У этого высокого, сверхъестественного на первый взгляд существа был большой лоб, прямой нос, а глаза прикрывала пара линз, подобных тем, что носил Атр. За знакомцем вился по воздуху белый плащ, придавая ему вид мифического божества.

Будто пригвожденный к месту, Атр следил, как незнакомец спускается к нему. Вскоре страх Атра сменился благоговением перед чужой силой и энергией, достоинством и холодной уверенностью.

Атр сделал шаг назад. Незнакомец остановился в нескольких шагах от него, поднял толстые линзы на лоб и прищурился, уставившись на Атра.

— Вижу, на тебе мои линзы.

Атр глядел на него, не зная, что ответить. Стоящий перед ним мужчина был бледен, как луна, его волосы — белы, как мрамор, а радужки его глаз казались огромными и были окружены тонким бледно-зеленым ободком. Его скулы словно выточила искусная рука скульптора, придав им изящество и выразительность, а руки, несмотря на красивую форму, обладали необыкновенной силой. Все в нем — от покроя одежды до аристократических манер — излучало внутреннюю энергию, пребывающую в союзе с прирожденным достоинством. Незнакомец казался пожилым, даже старым, но в нем ощущался дух безвременья, напомнивший Атру облик Анны.

Пришелец окинул Атра орлиным взглядом и заговорил:

— Ну, что же ты, мальчик? Ты не хочешь поприветствовать своего отца?

— Отца...— Последнее слово обрушилось на Атра, словно обломок скалы. Он покачал головой.— Но я...

— Как твое имя?

— Атр...

— Атр... ну разумеется.— Мужчина протянул руку и положил Атру на голову. Это прикосновение было подобно электрическому разряду.— А я — Ген, сын Атра.

Атр проглотил комок в горле. Должно быть, он видел сон. Такое могло быть только во сне. Он нервно обвел языком верхнюю губу, чувствуя острый, солоноватый привкус песчаной пыли.

Нет, это не сон.

— Ген...— робко повторил Атр.

Незнакомец кивнул и убрал руку.

— Вот и хорошо. А теперь иди, скажи бабушке: пусть ждет гостя.

Атр бросился по освещенному луной склону, на бегу громко призывая Анну и поднимая клубы пыли. Достигнув края расщелины, он чуть не свалился вниз, забыв снять сандалии.

— Бабушка! Бабушка!

Она высунула голову из окна кухни, недоуменно глядя на него.

— Что случилось?

Атр стоял на подвесном мосту, задыхаясь и сбивчиво объясняя:

— Незнакомец! Он идет сюда! Он послал меня вперед!

У Анны приоткрылся рот.

— Ген...— ошеломленно прошептала она и вернулась в кухню. Оттуда послышался звон упавшей на каменный пол металлической миски, а затем наружная дверь распахнулась. Анна босиком взбежала по ступеням с поспешностью, изумившей Атра.

— Бабушка!

Она, казалось, не слышала его, преодолела узкий гребень внутренней стены и начала взбираться по висячей лестнице.

Атр наблюдал, как она появилась над краем расщелины и побежала вперед, навстречу незнакомцу с белыми, как пепел, волосами, назвавшему себя его отцом. Тот остановился, не дойдя десяти футов до расщелины.

— Мать? — негромко произнес он, слегка склонив голову.

— Ген! — еще раз смущенно повторила Анна, шагнула ближе и крепко обняла его.— Где же ты был, сынок? Почему, во имя Создателя, ты так долго не приходил?

Атр, внимательный наблюдатель, заметил, что теплота объятий не была взаимной: незнакомец легко коснулся ладонями плеч Анны и тут же отступил.

— Я пришел к мальчику,— произнес он, словно не слыша ее.— Пришел, чтобы увидеть своего сына.

Атр лежал, вытянувшись на животе у самого края расщелины, глядя на освещенный прямоугольник окна кухни, в котором вырисовывались силуэты Анны и гостя. Хотя они беседовали уже давно, сказано было немного. Между ними ощущалось заметное напряжение. Особенно со стороны Анны — казалось, она осторожно ступает по зыбкой почве, боясь сказать лишнее, но сторяя от желания узнать, где был Ген и чем он занимался. Ген был немногословен — он просто не обращал внимания на те вопросы Анны, на которые не считал нужным отвечать.

Сейчас Ген сидел на полированной каменной скамье у правой стены тесной кухни, рядом с дверью, вытянув обутые в высокие сапоги ноги. Его руки с длинными гибкими пальцами покоились на коленях. Ген поглядывал на Анну. В кухне он снял плащ. Под плащом оказался облегающий темно-синий костюм — его куртка была отделана алой каймой и украшена орнаментом из повторяющихся красных, зеленых и желтых символов. Одевание гостя было таким роскошным и чудесным, что Атр не мог отвести от него глаз. Кроме того, у незнакомца оказались и другие удивительные вещи, на которые стоило поглядеть, и не последнее место в этом списке занимала трубка, лежащая рядом на скамье.

Чашечка трубки была вырезана из дерева, от нее отходил стеклянный изогнутый чубук,

отделанный серебром и заканчивающийся медным мундштуком, а в стекле чубука виднелся толстый серебряный стержень.

Пока Атр наблюдал за Геном, тот вытащил маленький стеклянный шарик из кармана своего широкого кожаного пояса. Повертев шарик в руках, Ген разок встряхнул его, и оказалось, что шарик наполнен прозрачной, вязкой жидкостью, отражающей желтый свет лампы.

Поместив шарик на коленях, Ген отвинтил крышку трубки и отложил ее в сторону, налил немного жидкости в стержень и вернул крышку на место. Затем, порывшись в небольшом кожаном мешочке, извлеченном из кармана куртки, он что-то вынул оттуда.

Атр затаил дыхание. Предмет в руках отца напоминал мраморный шарик, который он нашел недавно. Ген поместил его под выпуклую крышку трубки.

Повернувшись, Анна пристально уставилась на Гена.

— Ты долго пробудешь здесь?

Едва взглянув на нее, Ген укрепил крышку на прежнем месте.

— Нет, завтра я ухожу,— с заметным акцентом выговорил он.

— Вот как? — В голосе Анны прозвучало сожаление, а в темных глазах отразилась боль.— А я думала, ты немного побудешь с Атром — хотя бы познакомишься с ним. Он славный мальчик. Ты можешь им гордиться, и потом...

Ген поплотнее завернул крышку и бесстрастно взглянул в лицо матери.

— Я намерен забрать его с собой.

Лицо Анны исказилось ужасом.

— С собой?

Наблюдая за ними из темноты, Атр почувствовал, как у него пересохло во рту, а пульс участился. Сердце глухо колотилось в груди.

Ген поднял трубку, внимательно осмотрел ее, зажав в ладонях, а затем надавил большим пальцем на серебряный стержень. Послышался щелчок, и трубка словно ожила, вспыхнув ярким синим пламенем. Спустя минуту пламя заполнило весь стержень, заставляя странную, похожую на прозрачное масло жидкость забурлить.

Озаренное снизу этим неестественным, неземным светом, лицо Гена сразу изменилось.

— Да,— ответил он, глядя Анне в глаза.— А в чем дело?

— Но место Атра— здесь...

— Здесь? — В голосе Гена слышалось недоверие.— Где это «здесь»? Здесь— значит нигде. Дыра в земле, вот что такое это твое «здесь». Да, дыра, и всегда будет дырой. Здесь не место моему сыну.

Анна молчала, глядя, как Ген поднес медный мундштук ко рту и сделал вдох. Мускул на его щеке подергивался. Помолчав, Анна вновь заговорила — на этот раз тише, но с твердостью, хорошо знакомой Атру.

— Но он еще не готов. Он слишком молод. Ему нужно многому научиться...

Вынув мундштук изо рта, Ген невозмутимо перебил ее:

— Нет, Атр уже готов. В его возрасте я впервые ушел отсюда. А что касается ученья... именно поэтому я и вернулся— чтобы учить его.

— Ты? Ты будешь его учить?

Ген, по-видимому, остался равнодушен к иронии в голосе Анны.

— Кто же еще? По крайней мере, я знаю, чему он должен учиться. И потом, я его отец.— Отложив трубку, Ген выпрямился и, нахмурив лоб, уставился на Анну.— Ты рассказывала ему обо мне?

Она отвернулась, плотно сжав губы.

Ген вскочил, мгновенно придя в негодование.

— Значит, ты ничего ему не говорила? Да проклянет тебя Кераф, женщина! Как ты посмела?

Анна ответила негромко, зная, что Атр слышит ее:

— А что я должна была сказать? Что отец бросил его сразу после рождения, не пробыв рядом ни часу? Что отец даже не удосужился дать ему имя?

— Я назвал бы его Атром. И ты знала об этом.

Анна круто повернулась, внезапно вспыхнув:

— Да, но не ты дал ему имя! Это сделала я. И я вырастила его — я, Ген, а не ты. А теперь ты хочешь забрать его, словно вещь,

которую оставил мне на хранение! Но дети — не вещи, Ген! Это живые существа, они растут и учатся. И Атр еще не вырос.

— Это мне решать,— резко перебил Ген.— И потом, он будет помогать мне в работе. Он станет моим помощником.

— Помощником?

— Да, в исследованиях. Мне необходим помощник, который проявлял бы интерес к работе, а у парня, похоже, такой интерес есть.

— Что это за исследования?

— Изучение культуры Д'ни.

— Д'ни? — Анна горько рассмеялась.— Они исчезли, разве ты этого еще не понял?

— Нет,— возразил Ген, поднявшись, и в его тоне прозвучала горделивая нотка.— Ошибаешься. Именно этим я и занимался последние четырнадцать лет. Я был в Д'ни, собирал, изучал, узнавал великие и могущественные тайны народа Д'ни.— Он с достоинством поднял голову.— Уверяю тебя, ничто не исчезло. Д'ни существуют.

Атр ощутил, как по спине у него пробежал холодок, он был по-прежнему уверен, что видит сон.

«Д'ни существуют? Но ведь это невозможно!»

Анна отрицательно покачала головой.

— Нет, Ген, ты забываешь: я видела их гибель своими глазами. Они исчезли, были уничтожены. Неужели ты не можешь смириться с этим? Неужели не в силах забыть прошлое?

Ген устремил на нее холодный, неприступный взгляд, не желая соглашаться.

— О, мне нетрудно поверить, что ты хотела бы все забыть!

Анна молча глядела в его лицо.

— Ты никогда не дорожила прошлым, верно? — продолжал он, не щадя мать. — Тебе никогда не было до него дела — в отличие от меня. Но я не хочу такой участи для своего сына. Он будет знать о своем прошлом. Я хочу, чтобы Атр гордился им — так, как горжусь я. — Его голос сорвался от гнева. — Я не предаю его, как ты предала меня!

— Ген, как ты можешь! Ради тебя я делала все возможное!

— Все возможное? И какая же польза была от этого? Дыра в земле, которую ты зовешь домом, — она и есть это самое «все возможное»?

Анна отвела глаза.

— Пусть решает сам Атр. Ты не имеешь права просто так забрать его.

Ген придвинулся к ней вплотную, и теперь их лица разделяло всего несколько дюймов.

— Еще чего не хватало! Я — его отец. Это мое право.

— Тогда возьми с собой меня. Позволь приглядывать за мальчиком, пока ты будешь учить его.

Ген покачал головой.

— Так не полагается по законам Д'ни, или ты и это забыла? Может, вспомнишь, как ты

отдала меня в Гильдию, когда мне было всего четыре года?

— Но я...

Он повысил голос, заглушая ее возражения.

— Никаких «но»! Он пойдет со мной, и кончено. Если хочешь помочь, собери ему вещи в дорогу — впрочем, сомневаюсь, что они пригодятся.

— Но послушай, Ген... — Она протянула руку, желая коснуться его, но Ген резко отстранился. Повернувшись, он подхватил трубку, пинком распахнул дверь и вышел вон.

Минуту он стоял неподвижно, посасывая трубку. Его силуэт выделялся на фоне освещенной кухонной двери, а на лицо, руки и грудь ложился синеватый отблеск пламени из трубки.

— Атр! — позвал он, повернувшись туда, где лежал на краю расщелины мальчик. — Отправляйся в постель и хорошенько выспись. Завтра мы уходим рано утром.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Склонившись у могилы матери, Атр, стараясь не разворошить землю, сорвал один из хрупких голубых цветов, растущих на ней. Раскрыв на колене дневник, он бережно расправил лепестки цветка, заложил его между страницами и сунул дневник в свою маленькую кожаную суму, висящую на боку.

Мгновение он просто смотрел, захваченный зрелищем. В тусклом утреннем свете он не мог различить оттенка цветов, но стоило ему закрыть глаза, и он видел цветы под ярким солнцем, подобные покрывалу из голубого кружева на щедрой темной земле.

До свидания, безмолвно попросался он.

Откровенно говоря, Атр не мог определить, какие чувства испытывает. Возбуждение? Разумеется, предстоящее путешествие в Д'ни волновало его, но мысль о разлуке с домом и с Анной пугала. Слишком много событий случилось за столь короткое время. Противоречивые чувства раздирали его.

— Атр, идем же! Нам пора.

Он повернулся к отцу, силуэт которого виднелся в рассветной полутьме у дальнего конца расщелины, и кивнул.

Анна ждала, стоя рядом с сыном. Обнимая ее, Атр вдруг почувствовал, что больше никогда не увидит своей бабушки. Должно быть, Анна уловила боль внука, потому что, крепко обняв его, она отстранилась, держа его за плечи и улыбаясь.

— Не тревожься,— мягко произнесла она,— со мной все будет хорошо. Кладовая переполнена, а благодаря твоим усовершенствованиям мне будет просто нечем себя занять.

Ее доброе лицо осветилось улыбкой.

— И потом, твой отец пообещал, что приведет тебя в гости через три месяца.

— Через три месяца? — Новость мгновенно взбодрила Атра.

— Да, так что тебе не о чем беспокоиться.

Она подала ему вторую суму. Чуть раньше утром Атр видел, как Анна отбирает вещи в кладовой и укладывает их в суму — в том числе и печенье, которое испекла только вчера. Атр смотрел на суму, слегка поглаживая пальцами пестро расшитую ткань, тронутый тем, как она позаботилась обо всем, и зная, что ему будет недоставать этой заботы.

— А теперь послушай меня, Атр...

Он вскинул голову, удивленный внезапной серьезностью ее голоса.

— Да, бабушка?

Ее темные, умные глаза испытующе вглядывались в лицо внука.

— Ты должен помнить все, чему научился здесь, Атр. Я пыталась поведать тебе о законах земли и звезд, чудесах природы. Я старалась научить тебя тому, что хорошо и что следует ценить. Это знание — от Творца. Помни о нем, измеряй этим знанием все, чему будет учить тебя отец.

Анна помедлила, склонилась к нему и слегка понизила голос.

— Я уже давно перестала понимать его, но я знаю тебя, Атр. Мерилом твоих поступков должны стать истины, которым я учила тебя. Если ты станешь действовать из корыстных побуждений, ничего хорошего из этого не выйдет, а поступая самоотверженно и бескорыстно, ты сделаешь как нельзя лучше, и тебе будет нечего бояться.

Анна отстранилась, снова улыбаясь.

— Путешествие вниз будет долгим и трудным, так что наберись смелости, Атр. Но еще более я хочу, чтобы ты остался верен истине. Стань лучшим из сыновей — даже для отца, дарованного тебе судьбой.

— Ничего не понимаю... — начал он, но Анна покачала головой, словно отметая возражения.

— Делай то, что велит тебе отец, но не пересиливай того, что заложено в тебе природой. Ты меня понимаешь?

— Кажется, да, бабушка.

— Тогда я не боюсь за тебя.

Он снова крепко стиснул ее в объятиях и поцеловал в шею, а затем, отвернувшись, взобрался по ступеням и пересек подвесной мост.

На краю расщелины он оглянулся, еще раз посмотрел на Анну, охватил быстрым взглядом привычные очертания расщелины. Анна тоже поднялась по лестнице и теперь стояла на узком балконе у своей комнаты. Подняв руку, она помахала Атру.

— Будь осторожен в пути! Увидимся через три месяца!

Атр замахал в ответ, испустил глубокий вздох, повернулся и перемахнул через гребень у края расщелины, направляясь вслед за отцом по склону вулкана.

Вскоре они вошли в туннель.

— Отец!..

Ген повернулся и, высоко подняв фонарь, взглянул на Атра.

— В чем дело, мальчик?

Атр поднял свой фонарь и указал на символ Д'ни, вырезанный на стене, — тот самый, который увидел на следующее утро после неудавшегося опыта.

— Отец, этот знак... что он означает?

Ген нетерпеливо позвал его за собой.

— Идем скорее, Атр, догоняй. Мы и без того потеряли слишком много времени. Вопросы могут подождать.

Атр еще мгновение смотрел на загадочный знак, а затем, пряча разочарование, поспешил догнать отца.

— Надо наверстать упущенное время,— произнес Ген, как только Атр зашагал рядом с ним.— Предстоит долгий путь, а у меня в работе несколько опытов. Я должен вернуться вовремя, чтобы узнать, к чему они привели.

— Опыты? — повторил Атр, придя в волнение от этого слова.— Какие?

— Очень важные,— коротко ответил Ген, словно считая, что такой ответ способен удовлетворить любопытство сына.— Ну, живее! У нас будет время поговорить, как только мы доберемся до первой из эдер-томан.

Атр удивленно вскинул голову.

— Эдер-томан? Что это?

Не замедляя шага, Ген коротко взглянул на сына.

— Эдер-томан — это стоянки на пути, приюты для путешественников. Во времена последней империи возник план начать торговлю с людьми. К счастью, этот план так и не удалось осуществить, однако и пути, и приюты уже были готовы для тех посланников Д'ни, которым предстояло соединить два мира.

Атр слушал отца, приоткрыв рот.

— А этот туннель? Его сделали Д'ни?

Ген покачал головой.

— Нет, это просто путь для выхода лавы. Тысячу лет назад, когда вулкан еще действовал, по этому туннелю бежала раскаленная река, пробиваясь к поверхности земли.

Атр вновь ощутил укол разочарования. Стенки туннеля были гладкими, его форма — идеально круглой, и до сих пор Атр не сомневался: туннель может быть только творением народа Д'ни.

— Да, так оно и было,— продолжал Ген,— но еще прежде, чем кончится наше путешествие, ты увидишь столько удивительного, что напрочь забудешь об этой тесной норе. А теперь повернем направо. Следуй за мной, Атр. Впереди туннель круто уходит вниз.

Атр послушался и зашагал следом за отцом, стараясь не поскользнуться. Подошвы его сандалий постукивали по твердому сухому полу. Все шло хорошо — до тех пор, пока Атр случайно не повернулся и не посмотрел назад, в туннель, а затем с внезапной дрожью понял, где очутился. Темнота за ним производила угнетающее впечатление. Кто знает, какие опасности подстерегают его там, куда не достигает свет фонаря?

Атр прибавил шагу, только сейчас понимая, что он во всем зависит от отца. И если он отстанет здесь, в этой темноте...

Ген остановился.

— Иди помедленней,— приказал он, не оглядываясь на Атра.— Здесь кончается туннель. Нам предстоит спуститься в Бездну.

Атр увидел, что впереди туннель завершается идеально круглой площадкой, за которой расстилалась темнота. Подойдя поближе, Атр встал рядом с отцом на узком выступе в форме 'полумесяца, ошеломленный зрелищем, которое открылось его глазам.

Перед ними лежал гигантский черный овал — пропасть такая огромная, что в нее, казалось, целиком может уместиться вулкан.

Бездна.

Ген поднял фонарь, и луч света влажно блеснул на дальней стене гигантской шахты, высвечивая массивные слои камня. Ген указал влево.

— Вон там, Атр, видишь ступени?

Атр увидел ступени, подобные цепочке закрубок, тянущихся винтообразно по неровной стене пропасти, но при одной мысли о том, что придется ступать по ним, спускаясь в бездонную шахту, его охватил страх.

Ген взглянул на него.

— Кто пойдет первым, Атр,— ты или я?

Атр ответил, стараясь не выдать своего страха:

— Лучше ты. Ты знаешь этот путь.

— Да,— Ген понимающе усмехнулся, глядя на сына,— и в самом деле.

Первая сотня ступеней проходила по узкому туннелю, вырубленному по краю пропасти, полого спускающемуся вниз, но вдруг стена справа словно растворилась, и Атр обнаружил, что оказался на открытом пространстве, словно муравей на громадной черной стене. Потрясенный этим, он пошатнулся, и сандалия сорвалась с его правой ноги, свалившись через край ступени во мрак.

Минуту Атр стоял неподвижно, прислонившись к стене, стараясь взять себя в руки. Но вдруг он обнаружил, что одержим мыслью о

падении в непроглядный мрак — и не просто о падении, но намеренном прыжке. Это желание было таким странным и сильным, что Атр почувствовал, как встают дыбом волосы на его затылке.

Внизу, оказавшись почти напротив Атра, по другую сторону огромной пропасти, Ген продолжал спуск, словно не подозревая о смертельной опасности. Он ступал легко, почти без усилий, спускаясь по спирали, его фонарь отбрасывал дрожащие тени на неровные каменные стены, пока Ген не скрылся внутри еще одного узкого туннеля.

Надо идти вперед, приказал себе Атр, снимая сандалию с левой ноги, но страх сковал его мускулы. Происходящее напоминало сон, кошмарный сон. Прошло немало времени, прежде чем он заставил себя сдвинуться с места, сделать первый шаг, а затем другой, переставляя ноги отчаянным усилием воли.

«Если я упаду, то разобьюсь. Если я упаду...»

Голос его отца гулко прогрохотал в шахте:

— Атр!

Атр остановился, прижавшись плечом к стене и закрыв глаза.

— Д-да, отец?..

— Хочешь, я вернусь за тобой? Может, взять тебя за руку?

Атру хотелось ответить утвердительно, но едва уловимая ирония в голосе Гена остановила его. Он вновь открыл глаза и, собравшись с силами, ответил:

— Нет... у меня все в порядке.

— Отлично, только шагай побыстрее, ладно? Нельзя задерживаться здесь, иначе я не успею вернуться вовремя.

Пересиливая ужас, Атр снова начал спуск.

«Представь, что ты оказался внутри дерева»,— приказал он себе.

И вдруг он увидел это так живо, словно рисунок в одной из бабушкиных книг: дерево было высотой до неба, его ветви протянулись от горизонта до горизонта, месяц запутался в крупных листьях великана. Даже трава вокруг ствола в несколько раз превышала человеческий рост!

На полпути вниз в стене пропасти оказалось нечто вроде пещеры. Атр так и не смог понять, какого она происхождения, но Ген ждал его здесь, сидя на каменном выступе и невозмутимо раскуривая трубку.

— С тобой все хорошо? — спросил он.

— Сейчас — да,— честно признался Атр, — но была минута...

Он осекся, заметив, что отец не слушает его. Ген вытащил из кармана маленькую записную книжку в кожаном переплете и листал страницы, посасывая трубку. Перед глазами Атра промелькнули схемы переходов и туннелей.

Наконец, удовлетворенно хмыкнув, Ген закрыл книжку и сунул ее в карман, а затем поднял глаза на Атра.

— Иди вперед. Я докурю и догоню тебя.

Несколько часов они блуждали по лабиринтам изогнутых, переплетающихся туннелей, прежде чем достигли эдер-томан. Приют Д'ни расположился в глубине огромной пещеры; его черные, идеально отполированные мраморные стены резко контрастировали с природным известняком туннелей. Атр подошел поближе и, подняв фонарь, провел пальцами по гладкой, как атлас, поверхности, удивляясь отсутствию стыков между блоками и своему отражению в камне. Казалось, камень сначала расплавили, словно смолу, а затем отполировали, как зеркало.

Он настоящий, с изумлением понял Атр.

Тем временем Ген направился к двери, врезанной в камень. Сунув руку за ворот туники, он вытащил сияющую золотую цепочку, которой Атр прежде не замечал. На цепочке висел ключ со скошенной бородкой — большой, черный, с красными прожилками. Вставив ключ в одну из скважин двери, Ген слегка нажал на него. Послышался щелчок, затем — минутное затишье, за которым последовал странный скрежет металла о металл.

Ген вынул ключ и отступил. Дверь отъехала в сторону, обнажая тускло освещенную внутренность приюта.

Ген шагнул через порог, и Атр последовал за ним, остановившись на пороге и изумляясь размерам комнаты. Вдоль ее стен расположились низкие удобные койки, в дальнем конце виднелась дверь — как предположил Атр, она

вела либо на кухню, либо в уборную. Он взглянул на отца.

— Зачем мы пришли сюда?

К его удивлению, Ген зевнул.

— Потому что час уже поздний,— ответил он,— и потому что я устал.

— Но я думал...

Ген поднял руку, словно желая остановить его, а затем указал на большую суму, лежащую на койке в правом углу.

— Это тебе,— сказал он.— Можешь переодеться сейчас или позднее, как пожелаешь,

Атр отошел в угол и, расстегнув кожаную пряжку, заглянул внутрь сумы. Нахмурившись, он перевернул ее вверх дном, вытряхивая содержимое на матрац.

Выпрямившись, он издал удивленный возглас, а затем повернулся к Гену, который сидел на краю соседней койки, стаскивая сапоги.

— Спасибо,— произнес Атр.— Если можно, я переоденусь позднее.

Ген усмехнулся.

— Делай как знаешь. Но на твоём месте я не стал бы спать в этих сапогах. Не знаю, подойдут ли они тебе — мне пришлось подбирать размер наугад.

Атр осторожно провел по голенищу сапога кончиками пальцев, а затем поднял его, взвешивая на руке и вдыхая сильный, пряный запах кожи. Запах оказался на удивление приятным, а сами сапоги — на редкость изящными. Рассматривая их, Атр пришел к

выводу, что прежде эти сапоги никто не надевал.

Кроме сапог высотой до колена, в суме оказался плащ — точная копия отцовского, черная рубашка с непонятным символом, облегающий головной убор в виде шлема из какого-то металла, тем не менее мягкий на ощупь, и небольшая кожаная сумка, отделанная металлом.

Атр присел на край койки, взял в руки сумку, открыл ее и заглянул внутрь. Сначала он ничего не понимал, пока не высыпал на ладонь несколько маленьких предметов.

Огненные шарики! Полная сумка огненных шариков, похожих на мраморные! Должно быть, здесь их не меньше полусотни!

Взглянув на отца, Атр вновь хотел его поблагодарить, но Ген уже вытянулся на койке", мгновенно заснув.

Бесшумно подойдя поближе, Атр несколько минут разглядывал отца. Во сне его лицо смягчилось, приобрело сходство с лицом Анны — особенно благодаря форме подбородка и губ. Оба лица были выразительными и благородными, черты их выдавали одинаковое сочетание силы и утонченности. Теперь, хорошенько рассмотрев отца, Атр понял, что только бледность кожи и пепельная белизна волос да еще сдержанность манер отличают Гена от Анны.

Заметив, что Ген успел снять всего один сапог, Атр осторожно стащил с него второй и поставил их рядом у изголовья койки. Затем,

взяв одеяло с соседней постели, он укрыл им отца.

Он уже собрался отойти, когда что-то привлекло его внимание. Нагнувшись, Атр поднял с пола упавшую трубку. Минуту он держал ее в руках, изучая чеканные узоры, покрывающие серебряные части чубука, и дивясь тонкой работе. Из любопытства Атр поднес трубку к носу и понюхал. Она источала странный, сладковатый аромат — такой же, какой Атр улавливал в дыхании отца.

Со вздохом Атр положил трубку рядом с сапогами, отошел к своей койке и присел на нее, бездумно перебирая шарики, отмечая их размеры и оттенки. Затем, убрав их в сумку, он перенес вещи на другую койку и вытянулся, заложив руки за голову. Он заснул мгновенно.

Проснулся он оттого, что Ген тряс его за плечи.

— Вставай, Атр. Сегодня нам предстоит долгий переход. Переодевайся, и пойдём.

Атр медленно сел, вспоминая, где очутился, и удивляясь отсутствию привычных вещей, мягкого матраца, запаха бабушкиной стирки из кухни.

Потирая глаза, он свесил ноги на пол, сразу почувствовав, какой он холодный и каким влажным стал воздух в комнате.

Атр встал и начал переодеваться, испытывая странные ощущения от прикосновения

и запаха новой ткани, мягкой и шелковистой по сравнению с грубыми домоткаными одеждами. Натягивая сапоги, он чувствовал себя так, словно вдруг преобразился не только внешне.

Атр осмотрелся, надеясь проснуться, но, увы, он не спал, он уходил вместе с отцом в глубины земли.

Эта мысль вызвала у него трепет, и Атр оглянулся на отца.

— Мы доберемся сегодня до Д'ни, отец?

— Сегодня — нет.

Разочарованный, Атр начал укладывать в суму прежнюю одежду, но Ген, заметив, что он делает, приблизился и сбросил одежду на пол.

— Это тряпье тебе больше не понадобится, Атр. Теперь ты — Д'ни. Отныне ты будешь носить только одежду Д'ни.

Атр уставился на скомканную одежду, не желая расставаться с ней. Она была нитью, связующей его с прошлым, с Анной, с домом. Оставить одежду здесь казалось... кощунством.

— Ну, чего ты ждешь?

Атр вскинул голову, уязвленный резкостью отцовского тона, но, тут же вспомнив обещание, данное Анне, послушно склонил голову. Уложив вещи, он взял сумку с огненными шариками и причудливого вида головной убор.

— Вот и хорошо, — заметил Ген, скидывая свой мешок на плечо. — Мы перекусим в пути.

Атр непонимающе заморгал, но вскоре понял: Ген не расположен к объяснениям. Застегнув суму, Дтр повесил ее на плечо и вышел вслед за отцом.

Они шли по изгибам узких, сырых туннелей, время от времени выходящих в небольшие пещеры, прежде чем вновь разбежаться во все стороны.

Последний, особенно крутой и узкий туннель вывел их в самую огромную из увиденных сегодня пещер. Свод ее поднимался на высоту сорока — пятидесяти футов, фонари освещали лишь крошечный пятачок, а дальняя стена пещеры скрывалась во мраке. Впереди, вдоль левой стены, протянулся длинный водоем, а справа поднимался склон, усеянный валунами.

Остановившись, Ген снял с плеча мешок и вынул из него предмет, напомнивший Атру горшок или чайник причудливой формы. Отставив его в сторону, Ген надел шлем и, повернувшись к Атру, жестом велел ему сделать то же самое.

— Отсюда начинается трудный переход,— объяснил он.— Ты не раз поблагодаришь меня за сапоги.

Атр не был в этом уверен. Сапоги чудесно выглядели и приятно пахли, но уже начали натирать ему пятки и большие пальцы.

Сняв суму, он вытащил шлем Д'ни, плотно облегающий голову, надел его и посмотрел на

отца. Ген сосредоточенно рылся в мешке, но наконец поднял «горшок» и шагнул вперед.

— Пойдем,— с улыбкой поманил он Атра.— Пожалуй, это тебе понравится.

Атр нерешительно кивнул и вскинул суму на плечо. В этот миг вся пещера перед ним озарилась — словно вдруг обрушился ее свод и внутрь хлынул солнечный свет. Атр изумленно застыл на месте, сразу заметив, что сияющий свет исходит из «горшка» широким И мощным лучом, достигающим дальней стены пещеры. Луч открыл его глазам столь поразительное зрелище, что Атр заморгал и протер глаза ладонями.

Казалось, он видит хрустальный водопад, впускающийся от свода до пола,— ничего подобного этим свободно стелющимся, но застывающим в воздухе струям Атр еще никогда не видел.

— Что это? — спросил Атр с благоговейным трепетом, поднимаясь за отцом по склону и не отрывая глаз от мерцающей хрустальной завесы.

— Всего-навсего пористый камень,— деловито ответил Ген, направляя луч на застывший водопад.— Он образован минералами, принесенными водой, которая стекала со свода пещеры. Эти минералы откладывались здесь тысячелетиями. Подобные отложения бывают Самой разной формы, их называют сталактитами, сталагмитами и геликтитами. Некоторые из них по тонкости соперничают с кружевом, а другие грубы, как булыжник.— Ген

рассмеялся.— Ничего не бойся, Атр. Пройдет еще несколько часов, и ты увидишь немало подобных чудес.

Когда они приблизились к завесе, Атр приостановился, открыв рот. Сам он ни за что не догадался бы о происхождении застывшего водопада. Но Ген уже двигался дальше, ко входу в другой туннель. Взглянув на водопад в последний раз, Атр повернулся и, оступаясь на камнях, поспешил вдогонку за отцом.

Ген оказался прав. За последующие часы Атр видел десятки таких чудес — пещеры, заполненные изящными резными колоннами не толще его руки, подобными перевернутому лесу, растущему с потолка; видел огромные, искусно сотворенные самой природой свечи, бесконечную бахрому мелких сосуллек, с которых капала насыщенная минералами вода. Но в то же время сапоги начинали доставлять Атру все больше неудобств. Потертости превратились в волдыри, которые начали гореть так, что вскоре Атр не мог сделать ни единого шага, не поморщившись.

Когда они наконец остановились в длинной, низкой пещере с небольшим озерцом у дальней стены, первым делом он снял сапоги.

Ген подошел и присел рядом.

— Покажи-ка.

Атр позволил отцу взять его за щиколотку и осмотреть ступню. Кожа была стерта до крови

в трех местах, кровь струилась по пятке и между пальцами.

Ген сурово взглянул на сына, словно обвиняя его в случившемся.

— У меня в мешке есть мазь. Она избавит тебя от боли.

Атр торопливо смазал поврежденные места, перевязал ногу и снова надел сапог.

— Вот и хорошо,— с довольным видом произнес Ген.— Идем дальше. Впереди начинается Путь.

Атр медленно поднялся.

— Путь?

— Да, Путь в Д'ни,— коротко ответил Ген, скидывая на плечо мешок.

При этих словах Атр воспрянул духом, мгновенно забыв о стертых ногах.

Д'ни! Это слово вызывало у него десятки ярких картин из легенд, которые бабушка рассказывала ему в детстве. Д'ни!

Атр во все глаза уставился на искусно инкрустированную камнем и металлом арку, обрамляющую вход в туннель.

— Мы уже на месте?

— Нет,— покачал головой Ген,— здесь только открывается Путь.

Сразу за аркой начинался гладкий, вымощенный плитами пол туннеля. Казалось, он покрыт замысловатым, абстрактным рисунком из многоцветных камней и металлов — этот рисунок исчезал, таял, возникал вновь,

но не повторялся. Туннель тянулся прямо, как стрела, не уходя вниз и не поднимаясь, — очевидно, он был создан Д'ни, а не природой.

Следуя за Геном, Атр шагнул под арку, а затем подошвы его сапог застучали по мраморному полу. Атр прихрамывал, стараясь не переносить вес тела на правую ногу, но жаловаться не собирался.

«Когда же мы будем на месте?» — хотелось спросить ему. Юношу сжигало нетерпение при мысли, что он наконец-то увидит Д'ни. Но Атр сдерживался, видя, что Ген погружен в свои мысли, и понимая, что мешать ему не следует.

Постепенно воздух в туннеле начал изменяться, становился более жарким и душным. Ноздри Атра вдруг зашекетал знакомый запах. Сера!

Ген обернулся к нему.

— Лучше бы тебе надеть линзы.

Атр послушался, а затем, сунув руку в карман туники, извлек одну из своих прежних вещей, которую он сохранил, — сшитую Анной маску и закрыл ею нос и рот. Морщась, он заковылял вслед за отцом.

В туннеле становилось все светлее, жарче и удушливее. Внезапно туннель резко оборвался. Впереди лежал Путь Д'ни — по мосту, опирающемуся на гигантские каменные столбы. Под ним, всего в восьмидесяти футах от того места, где стоял Атр, разливалось бурлящее озеро лавы — черной у берегов и ядовито-желтой в центре.

Жара стала невыносимой, серные испарения душили путников. Атр заметил, что Ген тоже прикрыл маской нос и рот, и на мгновение удивился, подумав, неужели отец хотел, чтобы он, Атр, перебрался через озеро, не защитив дыхательные пути?..

Эта мысль встревожила Атра.

Повернувшись, Ген поманил его.

— Быстрее, — приказал он, — не останавливайся ни на секунду. На другой стороне будет прохладнее.

Атр смутился, но ступил вслед за отцом на мост, даже сквозь толстые подошвы сапог ощутив жар раскаленных плит. Через десять шагов он почти побежал, стараясь как можно легче прикасаться ступнями к обжигающему настилу моста.

Мост, который Атр считал прочным и надежным, впереди неожиданно обрывался. Один из пролетов обрушился, и через него была проложена узкая каменная балка.

Он видел, как отец пробежал по этой балке без малейших усилий, даже не замедлив шаги, но сам Атр обнаружил, что не в состоянии последовать его примеру.

Раскаленная докрасна поверхность озера под ним лениво колыхалась как некое живое существо, огромные пузыри горячего воздуха появлялись там и сям и лопались с оглушительным чавканьем, наполняя воздух парами серы.

Атр закашлялся. Казалось, у него обожжены ноги, легкие готовы были взорваться. Если

он не сумеет преодолеть мост, он потеряет сознание.

— Скорее!— торопил Ген.— Не стой, шагай смелей! Ну, давай! Осталось совсем немного!

У Атра закружилась голова, и он понял, что может потерять сознание в любой момент. И если это случится на узкой каменной балке...

Он сделал три неуверенных шага, чувствуя, как съезживается от жара кожа его сапог.

— Живей! — торопил отец, но Атр не мог двинуться с места — он словно обратился в камень.— Да иди же сюда!

Балка прогнулась под ним, и на мгновение Атр уже думал, что падает, но инстинкт помог ему удержаться на ногах. Едва узкая балка накренилась, он прыгнул, ударившись ногами о камни на противоположном берегу озера.

Все померкло перед его глазами, стало трудно дышать. Зашатавшись, он сделал шаг назад...

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Атр очнулся в прохладной, ярко освещенной пещере, где воздух показался ему особенно свежим и чистым после удушливых серных испарений. Он был укрыт одеялом. Где-то неподалеку монотонно капала вода, и звук падающих капель раздавался по всей пещере. Он сел, не понимая, где находится, и сразу же заметил отца. Ген стоял у озерца, гладь которого сверкала, словно была освещена снизу.

У Атра ныли ноги, туман в голове рассеивался с трудом, но в остальном он чувствовал себя здоровым. Он вспомнил, что чуть не свалился с моста, и, должно быть, отец спас его.

Атр улыбнулся — так поступила бы и Анна. То же самое сделал бы и он, если бы поменялся с отцом местами.

Атр пристально взглянул на отца, пытаюсь понять этого почти чужого человека, который вошел в его жизнь так внезапно и перевернул ее. Поведение отца часто бывало более чем странным, его манеры — резкими до грубое-

ти, но, возможно, всему этому были причины. Может, он просто не привык общаться с людьми, а тем более — свыкнуться с мыслью, что у него есть сын, ведь Атру до сих пор не верилось, что он обрел отца. Если так, Ген заслуживает снисхождения — до тех пор, пока они не узнают друг друга получше. Пока кровное родство не будет подкреплено дружбой.

Эти рассуждения успокоили Атра. Сбросив одеяло, он подошел к отцу и молча встал рядом, глядя на странно освещенное озеро.

— Почему оно светится? — спросил он, указывая на зеркальную гладь воды.

— А, Атр... ты очнулся.

— Да... кажется, мне следует поблагодарить тебя.

Ген пожал плечами и вновь уставился на пруд.

— Как приятно вновь обрести собеседника! — произнес он, странным жестом вздергивая подбородок. — Одному мне бывало здесь слишком одиноко. Я уже давно мечтал о спутнике — и не каком-нибудь, а умном спутнике. И когда я узнал, что ты жив... — Он обернулся. — Признаюсь честно, Атр, я был удивлен. Я не ожидал, что ты выживешь, но эта новость меня порадовала. Я подумал, что в конце концов нам когда-нибудь должно повезти.

Атр робко улыбнулся.

— Надеюсь. Я хочу учиться.

— Отлично, приятно слышать это. — Помолчав, Ген добавил: — Ты уже готов дви-

нуться дальше? Что поделаешь, приходится торопить тебя, но на это есть причины.

— Со мной все в порядке, — отозвался Атр, вдруг наполняясь теплыми чувствами к отцу. — Просто я чувствую себя немного... необычно.

Ген задумчиво взгляделся в его лицо.

— Да. Полагаю, так и должно быть — после жизни в расщелине. Но впереди нас ждет самое лучшее, Атр. Я не шучу. Это лучшее — Д'ни. Сегодня мы достигнем Д'ни.

Атр просиял.

— Сегодня? — Внезапно по его лицу скользнуло выражение замешательства. — Но который теперь час? Что сейчас — утро, день? Я совсем потерял счет времени. По-моему, здесь делить время на сутки бессмысленно.

Ген вынул свой Д'ни-таймер и протянул его Атру.

— Смотри сюда, — велел он, указывая на пять секторов циферблата, окрашенных в разные тона — три светлых и два темных. Тонкая серебряная нить спиралью выходила из центра циферблата и заканчивалась внутри второго из светлых секторов. — Сейчас по времени Д'ни — полдень. Мы, народ Д'ни, измеряем время иначе, чем те, кто живет на поверхности. Они устанавливают часы согласно движениям солнца, а мы — по биологическим ритмам окружающей нас среды. Каждый из секторов — почти шесть часов по земному времени.

— Значит, продолжительность суток Д'ни дольше?

— Замечательно, Атр, ты быстро соображаешь.

Ген взял у него таймер и, встряхнув, приложил к уху, словно ожидая услышать тиканье. С удовлетворенной улыбкой он сунул таймер в карман и повернулся к Атру:

— Ну, так ты готов?

Вопреки ожиданиям Атра, дальнейший путь оказался не из легких. В нескольких местах дорогу перегораживали обвалы, им пришлось перебираться через кучи острых обломков или протискиваться в узкие щели. Туннели тоже становились все темнее и теснее, и почему-то Атру казалось, что они сильно отклонились от прямого пути к Д'ни, хотя не был в этом уверен. Под ногами не виднелось и следа чудесных плит из камня и металла. Но, несмотря ни на что, Атр сгорал от нетерпения, все его существо переполняло возбуждение, воспаляющее жилы подобно дурману.

Д'ни, скоро он будет в Д'ни! Даже тупая боль в ногах казалась пустяком по сравнению с близящимся событием.

Они пробыли в пути всего час, когда Ген окликнул сына и велел ему повернуть направо. Прямо впереди часть пола туннеля обвалилась, образовав яму. Обходя провал, Атр увидел далеко внизу долину, по которой вилось нечто вроде широкой реки с темными водами. Он напряг слух, надеясь различить шум воды — журчание, переходящее на перекатах в рев, — но не был уверен, не почудился ли ему этот звук.

Постепенно шум, который Атр вначале принял всего лишь за гул в голове, начал нарастать, пока туннель наконец не превратился в широкое отверстие, стены которого не удавалось разглядеть во мраке. Воздух был сырым и прохладным, крохотные капельки поблескивающей влаги плясали в лучах фонаря.

Атр прислонился спиной к стене и, когда Ген включил большую лампу, понял, что видит перед собой.

Вода обрушивалась твердой' стеной с выступа, возвышающегося в двухстах футах над ними, и падала вниз на тысячу футов в громадное озеро под скалой. При свете фонарей вода напоминала прозрачный хрусталь.

Атр повернулся как раз вовремя, чтобы заметить, как Ген вытащил записную книжку из внутреннего кармана. Он махнул рукой Атру, указывая путь лучом фонаря и высветив широкий выступ, опоясывающий пещеру.

Шагнув в расщелину за водопадом, Ген остановился и позвал сына, держа фонарь над углублением в камне, заполненным кристально чистой водой.

Атр наклонился и вскрикнул от удивления. В воде сновали длинные, бесцветные рыбки, трепеща прозрачными плавниками. Пока Атр наблюдал за ними, они бросились через весь водоем к крохотной трещине в камне и, видимо, попрыгали в нижнее озеро, наполняя пещеру шумом падения.

— Что это? — спросил Атр, повернувшись к отцу.

— Саламандры,— ответил Ген.— Они живут здесь вместе со сверчками, пауками, сороконожками и рыбами. Все они — настоящие троглодиты, Атр: они никогда не покидают пещеры. И потом, они слепы. Ты заметил?

Повернувшись, Ген зашагал дальше. Под его сапогами похрустывали мелкие камешки, усеивающие пол пещеры.

Долгое время они продолжали спуск, а затем начали подниматься. Постепенно идти становилось все легче, пока туннель, по которому они брели, вдруг круто не свернул вправо, вливаясь в другой туннель, гораздо больше прежнего.

Шагнув в него, Атр подавил возглас удивления. Это был Путь Д'ни! Он протянулся в обе стороны, прямой, идеально цилиндрической формы, прорубленный в темном камне.

Оглянувшись в ту сторону, откуда они пришли, Атр понял, в чем дело: по каким-то причинам — возможно, из-за обвала — прямой путь был прегражден, и им пришлось искать обход.

Ему тут же вспомнилось, с каким беспокойством отец изучал чертежи в своей книжке. Атр задумался о том, каким образом отец ориентируется в этом лабиринте коридоров, как ему удастся избежать длительных блужданий в потемках, постоянно возвращаясь к своим следам в поисках правильного пути.

— Атр!

Он обернулся. Ген уже успел уйти далеко в глубь туннеля.

— Иду! — откликнулся Атр, торопясь догнать отца. Мысленно он представлял себе, как много лет назад отец впервые вернулся в Д'ни, борясь с темнотой здесь, глубоко под землей, — в полном одиночестве, — и наполнялся глубоким восхищением, преклоняясь перед смелостью этого человека.

— Мы уже близко?

— Пожалуй, да,— ответил Ген.— Вскоре мы увидим Врата.

Новость потрясла Атра. Значит, конец пути уже близок! Бывали времена, когда ему казалось, что они целую вечность будут бродить под землей, а теперь выяснилось, что Д'ни уже рядом! Земли, о которых Атр мечтал всю жизнь, находились прямо перед ним — земли тайн и чудес.

Атр торопливо нагнал отца, держась рядом с ним, когда они достигли выхода из туннеля. Теперь он отчетливо увидел там, впереди, на дальнем краю огромной мраморной площадки...

— Это и есть Врата? — благоговейным шепотом произнес он.

— Да, это они,— с горделивой усмешкой подтвердил Ген.— Это южная граница владений Д'ни. За ними земли на много сотен миль принадлежат Д'ни.

Атр взглянул на отца, удивленный, что тот говорит о Д'ни, будто они до сих пор существуют, а затем отвернулся, испытав трепет

при виде колоссальных размеров каменных ворот, открывшихся сразу за туннелем.

Пока они приближались, Атру приходилось все сильнее запрокидывать голову, в изумлении приоткрывая рот. Хотя поверхность грандиозного сооружения местами потрескалась и пестрела выбоинами, а осколки камня усеивали мраморный пол, Врата выглядели величественными и неприступными. Целиком заполняя одну из сторон гигантской пещеры, от стены до стены ее перегораживал гигантский каменный барьер, поверхность которого была испещрена бесконечным переплетающимся рельефом — изображениями людей, механизмов, животных, цветов и щитов. Здесь были и слова Д'ни, среди которых попадались знакомые Атру, и все это было вырезано в черном как смоль граните, искрящемся в лучах фонаря, который держал Ген.

По сравнению с Вратами оба они казались карликами. Подходя к ним, Атр ощущал трепет. Что бы он ни представлял себе, слушая легенды Анны, самому смелому вымыслу было далеко до реальности.

Ступив под изогнутую арку Врат, он запрокинул голову, и толщина этой арки потрясла его. Каким образом Д'ни умудрялись создавать такие шедевры? Как они рубили блоки, чем скрепляли их? По собственному ограниченному опыту Атр знал, как трудно обрабатывать камень, но, по-видимому, для Д'ни не представляло труда обтесывать такие громадные глыбы.

Впереди мраморный пол резко обрывался. За ним простиралась пещера, в ее стенах темнели отверстия туннелей — сотен туннелей, а может, и тысяч.

Внезапно вокруг потеплело, в воздухе появились незнакомые запахи. Ген снова заглянул в записную книжку, а затем решительно направился через всю пещеру к стене.

Выбрав один из самых крупных туннелей, он жестом приказал Атру следовать за ним, повернулся и скрылся внутри. Туннель оказался просторнее, чем все виденные прежде, с бесчисленным множеством ответвлений и небольших пещер с искусно отполированными стенами.

Атр следовал за отцом, жадно озираясь по сторонам и каждую секунду отмечая что-нибудь новое: огромные колеса и порталы; здания заводов и складов, чудовищной высоты горы отработанной породы и не менее чудовищные ямы, над которыми, словно стражи, застыли брошенные краны — все это и много других вещей, которые Атр поначалу даже не мог узнать.

Повсюду виднелась брошенная гигантская техника — казалось, ее оставили здесь всего несколько часов назад. Маслянистые, покрытые лаком металлические поверхности тускло поблескивали, когда на них падал свет. Колоссальные буровые вышки покоились на просторных пневматических платформах рядом с зияющими провалами шахт у подножия стен пещеры. Вышки напоминали насекомых сво-

ими темными, безмолвными, суставчатыми силуэтами.

Пар поднимался из расщелин по обе стороны туннеля — пар, некогда бывший основой промышленной мощи Д'ни. Повсюду виднелись опустевшие, простые каменные дома — по обычаям Д'ни, они не имели крыш. Тонкие полотняные навесы, некогда обеспечивающие уединение, были уничтожены той же силой, которая опрокинула каменные башни заводов.

Видя все это, Атр изумлялся, не понимая, какая катастрофа могла разрушить такую обширную и могущественную империю.

Время от времени другие пути пересекались с дорогой, выбранной Геном, и Атр вскоре понял, что у Д'ни существовал не единственный Путь, а бесконечная сеть путей, вьющихся в темных земных глубинах.

Внезапно, без предупреждения, Ген вскарабкался по стене туннеля и нырнул в небольшую шахту. Атр нагнал его, успел взглянуть направо и увидел, что туннель перегорожен впереди, на расстоянии двадцати футов, обрушившимся с потолка камнем. Боясь потерять-ся, он поднялся по стене туннеля и вскоре заметил впереди Гена.

Они двигались вперед уже несколько часов подряд, и туннель становился все более узким, жарким и душным. Теперь Ген шел, держа в руке открытую книжку и почти поминутно сверяясь с ней. Впереди оказалось

столько развилок и поворотов, что Атр потерял им счет, но Ген уверенно шагал дальше, к одному ему ведомой цели.

Неожиданно свет вокруг изменился. Атр заморгал, словно пробудившись к жизни от этой внезапной перемены. Подул легкий ветер, воздух стал прохладнее. За очередным поворотом свет усилился, приобрел яркий оранжевый оттенок. Чистый и прохладный воздух наполнился ароматом трав. Туннель начал подниматься.

Впереди виднелся выход — круг ярко-оранжевого света.

Шагнув наружу, Атр был почти ослеплен самым удивительным светом, какой ему доводилось видеть.

Впереди расстилалась просторная долина шириной шесть миль и длиной — десять, которая круто спускалась к мерцающему оранжевому озеру или, вернее, морю. В центре моря виднелся остров шириной не меньше мили. Две неровные каменные колонны на целую милю возвышались над курганом в центре острова. Позади него, справа, громадные каменные стены казались полосатыми от ровных террас цветного камня. На террасах тоже мерцали озера оранжевой воды.

Атр запрокинул голову, ожидая увидеть облака, а может, и звезды, но чернота наверху оказалась непроглядной. Опустив линзы, он настроил увеличение и взгляделся в противоположный берег озера. Строения! Там были строения! Строения, жмущиеся к каменисто-

му обрыву и, казалось, презревшие законы тяготения!

Атр чуть не свернул шею, пытаясь увидеть, где заканчиваются каменные стены, и вдруг все понял: он находится внутри гигантской пещеры!

Он широко открыл глаза, пораженный причудливой красотой этого зрелища. Под его ногами склон круто спускался к берегу моря, где в уютной гавани покачивалась лодка. Справа, у самого берега, в море виднелась россыпь островков, напоминающих темные пятнышки на оранжевом зеркале.

— Вот так-то,— произнес Ген, подходя поближе.— Теперь, надеюсь, ты поймешь, почему я не смог оставить тебя в той жалкой трещине. Видел ли ты когда-нибудь что-либо подобное, Атр?

Тот отрицательно покачал головой, понимая, почему отец привел его сюда, однако одна мысль затуманила торжественность момента. Атру вдруг захотелось, чтобы Анна была с ним рядом, хотелось поделиться с ней своей радостью, поговорить и как следует расспросить ее.

— Идем,— позвал Ген, начиная спускаться по крутому склону.— Еще час — и мы будем дома.

Атр стоял на носу лодки, вцепившись рукой в поручни, пока Ген вел странное суденышко по глади вод, глубоко погружая в них шест и напрягая мускулы.

Атр недоуменно взглянул на него, не понимая, чем объяснить отсутствие эха в таком громадном пространстве — плеск шеста в воде не порождал никаких ответных звуков. Пещера была так огромна, что Атр готов был поверить, будто они вновь очутились на поверхности земли и теперь плывут по озеру безлунной ночью — если бы не оранжевый блеск со всех сторон.

Когда нос лодки, имеющий форму тупого клина, повернулся, Атр снова увидел вдалеке город. Отсюда он выглядел безупречно чистым и прекрасным, покрытым лесом башен и шпилей, словно его не коснулось разрушение, которое Атр замечал повсюду. Однако они направлялись не в город — по крайней мере, пока. «Домом» отец назвал горстку островков у правой стены пещеры.

Атр испустил подавленный вздох. Теперь, когда они наконец-то прекратили ходьбу, его мускулы начали расслабляться. Тело заныло, веки словно налились свинцом. Легкое покачивание лодки убаюкивало, как монотонный и тихий голос. Атр усиленно моргал, пытаясь держать глаза открытыми, но это удавалось ему с трудом. Он чувствовал себя так, словно прошагал пешком тысячи миль.

На минуту Атр задремал стоя, затем внезапно проснулся и посмотрел вверх, ожидая увидеть звезды на пустом небе.

— Где же...

Он обернулся к отцу, стоящему в центре лодки и мерно работающему шестом, и потряс

головой, убежденный, что оказался во власти непривычно яркого и живого сна.

Снова взглянув вперед, он увидел, как из тени выступает остров, зубчатый конический силуэт которого выглядел черным на фоне окружающего озера. Атр заметил, что вода у дальнего края острова кажется темной, и удивился.

Дом, подумал он, замечая обвалившиеся стены, обрушившуюся башню величественного особняка на вершине острова, напоминающего гигантскую глыбу вулканической породы. Дом...

Но в этот миг сон одолел его. Не в силах сдержаться, Атр упал на колени и повалился на палубу. Он уже не видел, как лодка вплыла в ярко освещенный грот. Не видел, что на лестнице, круто уходящей вверх, стоит человек, ожидая гостей.

— Атр, ты спишь?

Атр лежал с закрытыми глазами, припоминая сон.

Голос прозвучал ближе.

— Атр!

Он повернулся на спину и потянулся. В комнате было тепло, матрац упруго и мягко перекачивался под ним.

— Что такое? — лениво спросил Атр, сам не зная, спит он или бодрствует.

— Уже вечер, — ответил голос отца. — Ты проспал целый день, Атр. Если ты голоден, то ужин готов.

Атр открыл глаза и обвел комнату взглядом. Ген стоял в двух шагах от постели с фонарем в руке. В трепещущем свете комната казалась просторной и мрачной.

— Где мы? — спросил Атр, забывая про сон по мере того, как в памяти начали всплывать подробности долгого путешествия по пещерам.

— Мы на острове К'вир, — объяснил Ген, подходя ближе. Его бледное суровое лицо в зыбком свете выглядело изможденным. — Это твоя комната, Атр. Если захочешь переодеться, в шкафу найдется одежда, но в этом пока нет необходимости. Когда будешь готов, выйди за дверь, поверни налево и иди в ту сторону, где увидишь свет.

Атр кивнул и вдруг понял, что больше не чувствует боли в ногах. Похоже, повязки с них тоже исчезли.

— Ноги...

Ген взглянул на него сверху вниз.

— Я вылечил их, пока ты спал. Еще несколько дней они поболят, а ты пока сможешь отдохнуть.

— А твои опыты? Мы успели вовремя?

Ген отвернулся, словно не слыша вопроса, и прошелся по комнате, раздвигая тяжелые шторы. Сквозь высокие окна с частым переплетом в комнату влился оранжевый пещерный свет. Дверь из комнаты вела на широкий каменный балкон, откуда открывался вид на город.

— А теперь я оставлю тебя, — заявил Ген,

поставив фонарь на стол у постели. — Только постарайся не задерживаться, Атр. Нам надо о многом поговорить.

Атр дождался, когда отец выйдет из комнаты, сел, опустил ноги на пол и осмотрел ступни при свете фонаря. Ген успел смазать темной вязкой мазью места, где кожа была стерта сильнее всего — на пятках и косточках больших пальцев. Атр осторожно прикоснулся к одному из темных пятен и понюхал палец. Мазь оказалась той же, какой бабушка лечила его разбитые колени, синяки и ссадины на локтях.

Атр!

Что, бабушка?

Что ты видишь, Атр?

Я вижу город Д'ни. Это...

Атр вышел на балкон и огляделся, стараясь сохранить все увиденное в памяти, чтобы рассказать Анне при встрече.

Вдалеке по воде скользила тень. Атр прищурился, вглядываясь в нее, пожал плечами и вновь перевел взгляд на город. Да, думал Атр, такого невероятного зрелища ему еще никогда не доводилось видеть.

— А, это ты, Атр... иди, садись рядом.

Помедлив на пороге, Атр вошел в озаренную голубым светом кухню. Отец сидел за столом перед тарелкой, наполненной едой.

Кухня была большой клинообразной комнатой с двумя высокими окнами, выходящи-

ми в сад, который террасами спускался к оранжевому морю. Теперь свет снаружи потемнел, и Ген зажег несколько фонарей в нишах по стенам.

Оглядевшись, Атр заметил, что здесь преобладает твердый камень: шкафы, стол, скамьи, даже раковина и плита были сделаны из необычно гладкого гнейса, напоминающего плиты дороги, по которой они пришли в Д'ни,— казалось, этот материал сначала расплавили, а потом придали ему определенную форму, словно глине. Тонкие полоски затейливо украшенного металла вились по камню в сложном, запутанном узоре, который Атр никак не мог проследить. На ощупь камень неожиданно оказался теплым. Как такое возможно, для Атра осталось загадкой, однако он не сомневался: во многих отношениях Д'ни обогнали людей, оставив их далеко позади.

— Ну, как ты себя чувствуешь? — спросил Ген, приглашая его занять место напротив.

Как он мог себя чувствовать? Он тосковал по дому, но, как только тоска исчезала, к нему возвращалось неистребимое любопытство. Что хочет от него отец? Ген говорил Анне, что собирается учить сына. Но чему?

— Я голоден,— наконец произнес Атр, избрав наиболее безопасный из ответов.

— Отлично.— Повернувшись, Ген взял со стола небольшой колокольчик и позвонил.

На пороге появилась скрытая в тени фигура, помедлила и шагнула в комнату.

— Атр, это Рий, мой слуга.

Стоящий на пороге человек держал в руках огромную плоскую корзину, доверху наполненную фруктами. Он был высок ростом, выше самого Гена, а его крупный выпуклый череп выглядел так, словно его сделали из отполированной слоновой кости. Слуга был облачен в мешковатую темно-синюю хламиду, подпоясанную синим шнуром. Его глаза невольно приковывали взгляд — глаза без век, похожие на крупные яйца с большими пятнами зрачков.

Атр повернулся к отцу, не зная, как себя вести, и, когда Ген не подал ему никакого знака, кивнул и произнес:

— Я рад познакомиться с тобой, Рий.

— Бесплезно пытаться вовлечь Рия в беседу, Атр, он немой. Таким он родился и таким умрет. Но приказы он понимает отлично. Если тебе что-нибудь понадобится, попроси Рия.

Атр смутился снова и кивнул.

— Ну, мальчик, чего же ты ждешь? Ты ведь голоден.

Атр поднялся и, ощущая на себе немигающий взгляд слуги, подошел к нему. В корзине оказалось не меньше дюжины видов фруктов — только несколько из них Атр знал, да и то потому, что видел у купцов. Крохотные капельки влаги переливались на яркой гладкой коже фруктов, придавая особое очарование их странной форме.

Атр оглянулся на Гена.

— Неужели они растут здесь, отец?

— В каком-то смысле— да.

Атр задумался над выбором, почти опасаясь коснуться фруктов — такими совершенными они выглядели. Затем он взял вытянутый, желтый, овальный плод, привлеченный его пятигранной поверхностью.

Плод оказался гнилым. Он развалился в руках у Атра, обнажив бурую внутренность. Атр изумленно оглянулся на отца.

Ген нетерпеливо махнул рукой Рию.

— Унеси их прочь.— Повернувшись к Атру, он пристально взглянул на него.— Итак, Атр, пришло время приступить к делу. Тебе давно уже пора узнать, зачем я привел тебя сюда, в Д'ни.

Винтовая лестница привела их к широкому коридору с высоким потолком, который упирался в балкон над террасой. В углу балкона, глубоко в каменной нише, помещалась массивная железная дверь, иссиня-черную поверхность которой украшали те же затейливые узоры, как и на Внутренних Вратах. Остановившись перед дверью, Ген вынул из-под одежды большой ключ, вставил его в замок, дважды повернул и вынул.

Он отступил. Послышался негромкий скрежет, и дверь начала подниматься, плавно и бесшумно уходя вверх, в камень, открывая темный проем. Шесть ступеней вели вниз, в просторную комнату, освещенную сверху огромной лампой в форме звезды. В центре ком-

наты находился помост, окруженный тремя выступами, напоминающими ступени. Верх помоста занимали пять широких каменных пюпитров. Атр огляделся, изумляясь всему увиденному. Стены комнаты были увешаны прочными полками, сделанными из толстых каменных пластов, а на полках стояли сотни, даже тысячи переплетенных в кожу книг, похожих на те, что бабушка хранила у себя в мастерской.

Ген повернулся к сыну.

— Как видишь, это библиотека. Сюда ты будешь приходить на уроки каждый день.— Он указал на низкий каменный стол в углу.— Здесь ты будешь сидеть. Но прежде, чем мы начнем, я хочу объяснить, зачем привел тебя сюда и почему тебе так важно научиться обычаям Д'ни.

Подняв правую руку, он подозвал Атра, а затем, когда сын подошел, взял его за локоть и повел по ступеням на помост.

В центре помоста, врезанный в его желтовато-белый мраморный пол, находился круглый бассейн, окруженный пятью мраморными пюпитрами.

Ген остановился перед сыном.

— Выбери книгу. Любую книгу на этих полках.

— Что?

— Выбери книгу.

Атр направился к полкам, пробегая взглядом по толстым переплетам. Ни на одной из книг не оказалось заглавия.

Атр нерешительно повернулся к отцу.

— Выбери книгу, — вновь последовал приказ.

Атр снял с полки одну из книг, и аромат ее светло-зеленой обложки неожиданно опьянил его, вызывая возбуждение.

Протянув руку, Ген забрал книгу у сына, быстро пролистал ее и кивнул. Перевернув книгу, Ген бережно возложил ее на пюпитр, не сводя глаз с Атра.

Атр подступил ближе, глядя на открытые страницы. Левая страница была чистой, а на правой...

Он задохнулся, изумленный отчетливостью рисунка в узкой прямоугольной рамке. Кажется, он выглянул в окно.

Причудливый, ржаво-красный конический холм заполнял передний план рисунка, напоминая Атру гигантский термитник. Он возвышался на фоне сочной, изумрудного цвета зелени, сверху виднелся краешек безоблачного неба.

Пока Атр смотрел, изображение на странице постепенно менялось, смещалось вправо, словно взгляд пытался рассмотреть нечто, скрытое за рамкой. Холм постепенно исчезал и вскоре сменился стремительно мчащимся ручьем, который пробивался между камнями и каскадом падал в хрустально чистый пруд. Но изображение не застыло — оно снова покачнулось, сместилось, и вскоре на его месте появилась долина, заросшая низкими, как кустарник, деревьями, усыпанными яркими

спелыми плодами. За деревьями промелькнул длинный чистый пруд с заросшими травой берегами, отдаленные вершины со снеговыми шапками, а потом вновь появился ржаво-красный термитник.

Ген шагнул ближе.

— Дай руку. Теперь ты будешь жить, как Д'ни, — это было суждено тебе с рождения.

Атр ощутил, как его ладонь пронзил слабый электрический разряд и пробежал вверх к плечу. Рука его сама потянулась к изображению на странице, словно притянутая им. Некоторое время ничего не менялось, но вдруг с мгновенной, головокружительной дрожью Атр ощутил, как его затягивает в рисунок — или скорее рисунок рос, ширился, становился огромным, охватывал Атра, окружал его. В этот момент он почувствовал нечто странное: он словно таял, его хрупкая оболочка взрывалась, исчезала, впуская внутрь мрак.

И когда наконец Атр сдался этому мраку, он снова очутился в собственном теле. Он стоял на траве перед холмом, свежий бриз обдувал его лицо, ручей журчал неподалеку, слышался шум водопада, впереди расстилалась долина.

Исчезли заставленные книгами полки, твердый каменный потолок над головой. Атр протянул руку, словно желая коснуться исчезнувших предметов, но рука скользнула в пустоту.

Перемещение потрясло Атра. пышные белые облака лениво плыли в лазурном, как на детском рисунке, небе. Вокруг гудели крошечные насекомые, воздух был наполнен медвяным запахом плодов и цветов.

Атр пошатнулся и упал на колени. Это было волшебство! Рядом с ним материализовался Ген.

— Поднимайся, мальчик,— негромко, но твердо приказал он.

Атр с трудом встал на ноги и повернулся к отцу, не в силах поверить тому, что происходило.

— Где... где мы?

Ген прошел мимо, остановился возле ручья, касаясь носками сапог воды у пологого берега, и долго вглядывался в сторону водопада.

Когда Атр подошел, Ген взглянул на сына.

— Некогда Д'ни царили в миллионах миров, благодаря их богатствам они одевались и кормились. Так было во времена величия этого народа.— Он покачал головой.— Но эти времена давно миновали. Нас осталось всего двое — я и ты, Атр. Мы и миры, которые нам предстоит сотворить.

— Сотворить?!

Ген окинул взглядом расстилающуюся вокруг землю и кивнул, и когда он заговорил, в его голосе прозвучала неукротимая гордость.

— Да, Атр, я сотворил этот мир. Я сделал камень, на котором мы стоим, и воздух, которым мы дышим. Я сотворил траву и деревья,

насекомых и птиц. Я посадил здесь цветы и создал землю, на которой они растут. По моей воле здесь возникли горы и ручьи. Все, что ты видишь, создал я.

Повернувшись лицом к Атру, Ген положил руки на плечи сына. Его глаза горели от возбуждения.

— Я хочу, чтобы ты стал моим помощником, Атр, моим подмастерьем, чтобы ты узнал все, что есть в этих книгах. Ты согласен?

Глядя в глаза отцу, Атр вдруг вспомнил, как Ген выступил из белоснежной завесы в кратере вулкана, и вновь затрепетал при виде силы и величия этого человека.

— Да, отец,— решительно произнес он.— Я согласен.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

— Эта фраза... где же я мог ее видеть? — Ген воткнул перо в мраморную чернильницу, а затем, потянувшись через стол, взял вторую из высокой стопки толстых книг в кожаных переплетах. Закрыв лежащую перед ним книгу, он придвинул ближе древний фолиант, открыл его и начал листать, пока не дошел до места, заложенного тонкой полоской голубой бумаги.

— А, вот она! Это должно подействовать,

Он поднял голову, на краткий миг уйдя в себя, словно размышляя, что еще ему может понадобиться. Близился полдень, а в кабинете Гена царила вечная ночь. Тени этой похожей на пещеру комнаты разгонял лишь свет маленького масляного светильника, пристроенного на углу тяжелого деревянного стола.

Ген вновь перечел строку, ведя по ней указательным пальцем, и прищурился, вглядываясь в страницу.

— Пожалуй, она излишне перегружена...

уберем эти два эпитета — ненужные украшения, вот что это такое.

Он кивнул, довольный собой, а затем, поместив первую книгу рядом с древней, начал переписывать фразу Д'ни, пропустив два слова, которые он считал бесполезными.

— Вот так,— негромко заключил он, поднимая голову и впервые за прошедшие три часа окидывая взглядом комнату.

Каждая поверхность в этой громадной, похожей на пещеру комнате была заполнена книгами. Полки высились от пола до потолка, не оставляя места для другой мебели. Напротив Гена чернел древний очаг. Разумеется, в комнате имелась дверь, но больше — ничего, кроме полок. Даже на полу были разложены стопки книг — и новых, и ветхих. Некоторые из стоп покосились и рассыпались, да так и остались лежать. Их заплесневелые от старости переплеты подернулись толстым слоем пыли, словно склон вулкана — пеплом.

Напротив стола, за которым сидел Ген, между двумя высокими стеллажами, содержащими дневники Гена, втиснулся стол поменьше с разложенными по нему перьями, чернилами и стопками толстых тетрадей, вроде тех, которыми пользовался его сын.

Едва Ген взглянул на тетради, он вздрогнул, будто пробудившись, и схватил таймер, лежащий слева на столе.

— Да сохранит меня Кераф! — пробормотал он, засовывая таймер в карман и понимая, что безнадежно опоздал.

Он метнулся вон из комнаты, на ходу нашаривая длинный серебряный ключ в связке, прикрепленной к поясу. Отперев нужную дверь, он вошел в комнату и запер за собой дверь, а затем спустился по узким каменным ступеням.

Он оказался в библиотеке. Повернувшись, Ген сразу увидел, что Атр сидит за своим столом в дальнем углу, сложив руки перед собой на разложенной на столе тетради.

— Что-нибудь случилось, отец?

Не извиняясь за опоздание, Ген подошел поближе, выбрал в чашке длинный кусок мела, повернул огромную грифельную доску и начал выписывать на ней слово Д'ни, усердно трудясь над каждой линией.

Повернувшись, он заметил, с каким вниманием наблюдает за ним сын. В такие минуты Ген еле сдерживал раздражение при виде полнейшей безмятежности мальчика. Разумеется, это качество было достойно похвалы у слуги или человека, но у Д'ни оно выглядело нелепо. Секунду-другую Ген был уверен, что поставленная им задача неосуществима.

Не подозревая об этом, Атр работал, медленно переписывая слово с доски. Зажав зубами кончик языка, он старательно подражал движениям отцовской руки, вырисовывая линии и завитки слова Д'ни.

— Атр!

Мальчик вскинул голову.

— Что, отец?

— Ты должен научиться концентрировать

внимание. Знаю, это нелегко — мне понадобилось тридцать лет, чтобы овладеть этим искусством. Но ты должен его освоить, Атр. Ты ничего не достигнешь, если не сумеешь впрячься в ярмо учения.

Потупившись и глядя в стол, Атр кивнул.

— Да, отец.

— Хорошо,— заключил Ген, довольный смирением мальчика, его желанием исполнять наставления и пытливостью ума. Затем, придумав способ помочь делу, он снял с одной из полок огромный, необычайно толстый фолиант и понес его к столу.

— Вот,— сказал он, кладя книгу рядом с открытой тетрадью Атра.— Несомненно, теперь учеба будет отнимать у тебя еще больше времени, но поскольку сейчас я не могу надолго отрываться от своих дел, пожалуй, мы испробуем несколько иной метод...

Атр устремил на отца вдруг загоревшиеся глаза.

— Да, Атр, это совершенно особая книга. Она называется «Рехевкор». Некогда в каждой школе Д'ни было по несколько экземпляров этой книги. Благодаря ей ученики обрели умение писать слова Д'ни, составляющие основной словарный запас нашего народа. Полагаю, ее действительно можно назвать словарем, но не все так просто.

Ген взял книгу и открыл ее, а затем указал на подробные схемы на развернутом листе.

— Как видишь, на каждом развороте объясняется написание единственного слова Д'ни:

здесь показано, как следует вести перо, в каком порядке выводить линии. От тебя, Атр, требуется выучить «Рехевкор» от корки до корки, для начала — по двадцать слов в день. У тебя будет сколько угодно тетрадей, но обещай, что будешь упражняться в написании слов до тех пор, пока они не станут твоей плотью и кровью. До тех пор, пока не сможешь повторить их, даже встав среди ночи. Ты понял меня, Атр?

— Да, понял.

— Отлично.— Ген закрыл книгу и повернулся, собираясь уходить.

— Отец!..

— Что тебе, Атр?

— Это древняя книга?

— «Рехевкор»? — Ген обернулся.— Ей не меньше десяти тысяч лет, а может, и больше.

Увидев отражение благоговейного трепета в глазах сына, Ген улыбнулся про себя. Рвение Атра, его преклонение перед величием Д'ни были самыми ценными находками для Гена.

— И еще, отец...

Ген вздохнул, подавив искушение сорваться, закричать на мальчика и приказать ему прекратить бесконечные расспросы. Но затем, поняв, что лишь терпением сможет устранить вред, причиненный Анной, он ответил:

— Что, Атр?

— Я только хотел узнать, почему море стало менее ярким, чем раньше.

Ген расслабился.

— Ну, это очень просто объяснить. У планктона существует тридцатичасовой цикл, соответствующий циклу Д'ни. Он спит, когда мы спим, и проявляет наибольшую активность в часы, когда бодрствуем мы. Таким образом, у нас здесь существуют день и ночь, отличающиеся оранжевым и черным цветом планктона.

Если это и была шутка, то либо чрезвычайно плоская, либо затрагивающая нечто недоступное пониманию Атра, однако Ген, по-видимому, счел ее забавной, ибо долго смеялся, а Атр, с удовольствием обнаружив, что его отцу не чуждо чувство юмора, смеялся вместе с ним.

Позднее, когда Атр вернулся к себе, Ген поднялся на помост и, застыв на мраморном полу, оглядел книги, разложенные на пюпитрах.

Время от времени пользуясь случаем побеседовать с Атром, он вдруг понял, как не доставало ему за все эти годы возможности поговорить.

Он был так одинок — не в эмоциональном смысле, ибо он считал себя в этом отношении настолько самодостаточным, каким только может быть человек, а в интеллектуальном. Ему не хватало жарких споров, возможности продемонстрировать широту своих познаний. И хотя мальчик пока годился только в слушатели, в нем ощущались неисчерпаемые возможности.

Да, но разве мог он знать, что мальчик еще существует на свете? Трудно вообразить, чтобы кто-нибудь сумел выжить в жалкой расщелине на склоне вулкана!

«Терпение... Я должен быть терпелив с ним, и тогда, со временем...»

Но острее всего он ощущал сейчас нехватку времени. За прошедшие несколько недель ряд опытов Гена вдруг завершился непредсказуемыми неудачами, и он был вынужден тратить все больше времени на поиск решения возникших трудностей. Уделять Атру столько внимания, сколько он заслуживает... нет, это невысказано.

Однако Атр — послушный ученик. Ген видел, что мальчик старается изо всех сил. Возможно, несколько занятий по «Рехевкору» помогут ему подняться выше уровня беспомощного царпанья в тетради. Время покажет.

А пока его внимания требовали другие дела. Пройдя по помосту, Ген остановился над одной из открытых книг, глядя на рисунок. Затем он положил поверх него ладонь. Мгновение спустя Ген исчез.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

За последующие несколько недель Атр всецело поддался чарам отца. По утрам он работал, восстанавливая стены дома и дорожки острова. Днем, после купания и обеда, сидел за столом в библиотеке, а Ген преподавал ему азы культуры Д'ни.

Многое из того, чему учил его Ген, было знакомо Атру по книгам и легендам Анны, но еще больше он слышал впервые и поэтому хранил молчание. Кроме того, теперь Атр знал, что каждая легенда Анны — быль; понимал — если что-то вокруг и преобразилось, то лишь потому, что эти вещи — реальность.

Несколько дней он размышлял над вопросом, почему в воде у северной оконечности острова нет светящегося планктона, и обнаружил, что туда сливаются воды из трубы, ведущей от мастерской отца. Взяв пробы этой воды, Атр обнаружил в них свинец и кадмий — должно быть, именно эти элементы губили планктон. Не имея под рукой материалов,

чтобы изготовить хороший фильтр, он решил, что поскольку из трубы вытекает лишь тонкая струйка, то самым лучшим будет полностью перекрыть ее. Именно этим он и занимался однажды утром, стоя на ступенях у берега и подгоняя собственноручно вытесанную каменную крышку к концу трубы. За этим делом и застал его Ген.

— Атр!

Он повернулся. Отец стоял на верхней ступени лестницы в плаще и дорожных сапогах, глядя через море на скалу и город на ней.

— Что, отец?

— Для тебя есть новое дело.

Атр выпрямился, сложил инструменты в мешок и подождал, когда отец объяснится.

Ген провел пятерней по своим пепельно-белым волосам и пристально взглянул на него.

— Я хочу, чтобы ты отправился со мной в город, Атр. Ты сможешь мне найти кое-какие книги.

— В город? Мы поплывем в город?

Ген кивнул.

— Да, так что беги и переоденься. Тебе понадобятся сапоги. И прихвати с собой суму.

После минутного замешательства Атр коротко кивнул отцу, подхватил мешок и заторопился вверх по ступеням.

— Я спущусь на пристань и приготовлю лодку,— сказал Ген, посторонившись, чтобы пропустить сына.— Там и встретимся. Только поспеши, я хочу вернуться домой до темноты.

Ген стоял на корме лодки, держась за веревку, когда Атр вбежал по каменной лестни-

це в грот с низким потолком, где разместился причал.

Со дня прибытия на К'вир Атр не покидал острова. Но не проходило и дня, чтобы он не смотрел подолгу на отдаленный город Д'ни, мечтая побывать там.

Прыгнув в лодку, он повернулся к отцу, ожидая приказа.

— Сядь вот здесь,— велел Ген, указывая на узкую скамью, разделяющую надвое суденышко с невысокими бортами.— И не наклоняйся через борт — не хочу вылавливать тебя из воды.

Атр кивнул, уязвленный словами отца.

Ген оттолкнулся от причала, развернул лодку и направил ее к узкому выходу из грота, а Атр повернулся на скамье, глядя на оранжевую равнину моря, россыпь мелких островков и столицу Д'ни, вновь отмечая, как застроенные домами террасы взбираются по стене пещеры, скрываясь во мраке.

Древность этого города невозможно было вообразить.

Когда лодка вышла из грота, Атр повернулся в другую сторону, наблюдая, как исчезает вдалеке остров, ставший приютом Гена. В день прибытия Атр был слишком изможден, чтобы заметить все подробности, и вот теперь смотрел как зачарованный, впервые сумев как следует разглядеть К'вир.

К этому времени он уже изучил каждую комнату и коридор, лестницу и террасу особняка со множеством уровней, однако только

сейчас, рассматривая его издалека, он мог увязать все подробности, понять их смысл, уяснить, что спиралевидная форма дома обусловлена скалой, на которой он был построен,

С расстояния в четверть мили его темные каменные стены — местами обвалившиеся, кое-где укрепленные подпорками — металлически поблескивали, подсвеченные со стороны моря.

Это видение было странным, неземным, но не более, чем другие, представшие здесь глазам Атра. Кроме того, он обнаружил, что оранжевый свет ласкает взор, кажется почти естественным. Возможно, его глаза были слабыми именно благодаря принадлежности к народу Д'ни. Атр знал наверняка: здесь ему не понадобятся линзы, разве что в тех случаях, когда надо рассмотреть что-нибудь вдалеке.

Атр взглянул на отца, впервые осознав, как увлекся своими мыслями. Он даже не заметил настроения отца. Как раз в эту минуту Ген сделал гримасу, словно какая-то неприятная мысль пронзила его мозг, а затем сильнее налег на весла, посылая лодку вперед по воде.

Атр повернулся, вновь устремив взгляд в сторону города. Крошечные островки попадались там и сям, на каждом из них виднелся темный спиралевидный особняк, форма каждого из древних строений была своеобразна, уникальна, но больше половины этих особняков давно обветшали и разрушились.

На одном из островков покрупнее угловатая, странного вида крепость была построена

высоко на стене утеса. Ее словно врезали в камень, а она вырывалась оттуда шпилями, башнями и укрепленными стенами.

Атр испустил глубокий вздох, пораженный безмолвным величием этого места.

Пока они плыли через последний из узких проливов, ведущий в открытое море, Атр взглянул вправо, привлеченный кругами на воде на расстоянии четверти мили. Над водой поднималась дымка, нечто вроде песчаного фонтанчика, поднятого пустынным ветром, и бросала неровную тень на оранжевые воды. Атр вглядывался в нее, а дымка приближалась — возможно, привлеченная тихим скольжением лодки по богатой планктоном воде.

Когда расстояние между лодкой и странным паром над водой сократилось до пятидесяти ярдов, Атр поднялся с приоткрытым ртом, а затем повернулся к Гену, но его отец, казалось, ничего не замечал.

— Что это? — заинтригованный, спросил Атр, видя мелькающие в облаке крошечные поблескивающие тени.

Ген оглянулся.

— А, это... мушки-красотки. Они питаются насекомыми, обитающими в планктоне.

Атр кивнул, с любопытством наблюдая, как облако мушек прошло у самой кормы лодки, не в состоянии остановиться. Он уже хотел отвернуться, когда вдруг вода под облаком забурлила, и длинный, тонкий нос высунулся из нее, втягивая воздух. А спустя минуту целая стая пестрых рыб повыскакивала из воды, ловя добычу.

Не прошло и тридцати секунд, как облако исчезло, а круги на воде утикли.

— А это что такое? — почти прошептал Атр.

— Рыбы,— с непонятным отвращением отозвался Ген.— Здесь, за островами, море гораздо глубже. Обычно они живут у самого дна, но время от времени охотятся на поверхности.

— Понятно...— негромко пробормотал Атр с тревожной ноткой в голосе, замечая, как под оранжевой чистой водой скользят темные гибкие тени.

Обеспокоенный, он отвернулся, пытаясь чем-нибудь отвлечься.

Книги... Отец сказал, что они должны найти какие-то книги. Но у самого Гена полно книг. Зачем ему понадобилось еще?

— Сколько времени нам потребуется, чтобы доплыть до города? — спросил Атр.

— Немного,— кратко ответил Ген, неутомимо и равномерно работая веслами.

Атр кивнул. Некоторое время он бездумно наматывал на палец лямку своей сумы, а затем повернулся к отцу.

Ген наблюдал за ним из-под наброшенного на голову капюшона.

— Ну, что тебе еще, Атр?

Проглотив ком в горле, Атр задал вопрос, о котором думал уже некоторое время.

— Эти книги... Что в них особенного? Ты сказал, что больше таких не делают. Ничего не понимаю.

Лицо Гена осталось бесстрастным.

— Всею свое время. Единственное, что ты должен сделать сейчас,— отыскать их для меня.

Атр задремал, а затем внезапно проснулся и с удивлением обнаружил, что находится в плывущей лодке. Зевая, он потянулся и повернулся к отцу.

Ген сухо улыбнулся.

— Наконец-то ты пробудился. Оглянись и смотри. Ты чуть было не пропустил самое интересное.

Атр встал, обернулся и обнаружил, что город словно нависает над ним, заполняя весь горизонт. Древние строения вздымались на террасах. А прямо перед ним высилась арка — самая большая из всех, какие только Атру доводилось видеть во время подземного путешествия. По сравнению с другими образцами архитектуры Д'ни, уже знакомыми Атру, она казалась примитивной, была сделана из гладких блоков, но каждый блок размером превышал дом. В высоту арка поднималась на десять блоков, а вход в нее был так велик, что в него можно было бы без труда протаскать самый крупный из островов.

— Арка Керафа,— с гордостью сказал Ген, глядя на нее.

— Кераф...— прошептал Атр, ощущая трепет при одном упоминании имени героя сказок своего детства.

— Все монархи Д'ни проплывали под этой

аркой,— продолжал Ген.— Их отсылали на южные острова учиться искусству властвовать, а потом, через год, привозили обратно, чтобы короновать прямо в гавани, перед Казначейством. Миллионы человек видели эту церемонию, а после нее празднества растягивались на целый месяц.

«Однако арку назвали в честь Керафа,— подумал Атр.— Потому что он был величайшим из властителей».

Пока лодка медленно проплывала под аркой, Атр видел, что каменные блоки, составляющие ее, покрылись пятнами и щербинами, постарели, но не так, как стареют пустынные камни от песка и ветра, а подобно коже, постепенно покрывающейся морщинами.

«Эта арка простояла здесь бесчисленное количество лет»,— думал Атр, вспоминая легенду о Керафе, вернувшемся в Д'ни верхом на гигантском ящере. Теперь, разумеется, мысленный образ несколько изменился: Атр представлял себе Керафа возвращающимся не по пустыне, а по морю, и ящер, возможно, мирно сидел рядом с ним в лодке.

Эта мысль заставила его нахмуриться. В чем еще он мог ошибиться? К примеру, Тре'-Меркти, Земля ядовитых вод,— существует ли еще она? Он обернулся к отцу, но прежде, чем успел задать вопрос, Ген сам заговорил с ним:

— Первое время, Атр, ты должен держаться ко мне поближе и никуда не отходить. Сегодня нам надо завершить поиски только в одном из кварталов города.

Ген указал вправо, на кварталы города, ближайшие к гавани.

— Там мы и будем искать, в округе Й'Та-эри. Если повезет, мы найдем то, что ищем, в Публичной библиотеке.

Атр кивнул и пересел на нос, наблюдая, как медленно приближается город. Прямо перед ним массивные стены из потрескавшегося белого мрамора располагались тремя ярусами, похожими на гигантские ступени над гаванью.

На передней из них некогда помещалось несколько огромных статуй, каждая во много раз превышала человеческий рост. Из статуй уцелело всего две, но и они потрескались и могли обрушиться в любой момент. Остальные упали с пьедесталов и теперь либо лежали в виде горы мраморных обломков, либо покоились на дне гавани. Их простертые руки размером с колонну выступали над мерцающей поверхностью воды.

За статуями, на другом конце огромной площади, сохранилось нечто вроде храма с портиком — пятнадцать белых каменных колонн, поддерживающих остатки массивного купола. За храмом вверх взбирался террасами город — ярусы, здания, мощеные тротуары и изогнутые арки.

Издалека город выглядел беспорядочной грудой камня, но вблизи взгляду представало поразительное разнообразие и изящество строений. Даже цвет камня менялся — глаз отмечал это, путешествуя по мешанине стилей и

форм: на нижних ярусах преобладал грифельно-серый, тускло-красный и бурый, а на верхних — черный с красными прожилками. Из такого же камня были выстроены особняки на островах и Внутренние Врата.

Но, помимо всего прочего, вблизи было отчетливо видно, какому опустошению подверглась столица Д'ни. Куда бы ни взглянул Атр, он замечал руины. Здесь и впрямь не оказалось ни одного уцелевшего здания.

Он отвел глаза, уставившись в прозрачную воду. Глубоко внизу он разглядел остатки целого флота купеческих судов, некогда стоящего в гавани. На такой глубине суда казались иллюзией, игрой воображения.

— Этот народ погиб от землетрясения? — спросил Атр у отца.

Ген не ответил ему, подводя лодку к одной из толстых каменных колонн, поддерживающих причал. Он остановил легкое суденышко у самой колонны. С причала свисала веревочная лестница.

Обернувшись к Атру, он подал знак подняться вверх по лестнице и взялся за нижнюю ступень, придерживая ее. Затем, когда Атр оказался на причале, отец привязал лодку и поднялся по лестнице сам.

Атр сделал несколько робких шагов по причалу, ошеломленный размерами окружающих его строений еще больше, чем когда разглядывал их, приближаясь к гавани. Он повернулся к арке Керафа, величественно возвышающейся над чашей гавани, а затем снова огляделся.

В эту минуту на причал выбрался Ген.

— Идем, Атр, не будем терять времени,— он указал через площадь в сторону полуразрушенного купола.— Нам вон туда.

Должно быть, когда-то эту площадь содержали в безукоризненной чистоте, но теперь ее усеивали обломки камня, упавшие с верхних ярусов. Местами мраморные плиты были прошиты зигзагообразными трещинами, кое-где попадались воронки.

Здание Казначейства было неопровержимым свидетельством запустения. Две трети гигантского купола исчезли, только три из пятнадцати пролетов крыши остались на месте, прочные двери сорвались с петель. Очевидно, комнаты и коридоры изнутри пострадали от пожара задолго до того, как обрушился купол. Над головой на фоне неба выделялись обугленные балки.

Атр повернулся к отцу, недоумевая, что им понадобилось среди этих руин, но Ген шагал вперед не оглядываясь, решительно пересек главный коридор и повернул направо, в небольшую заднюю комнату здания.

Комната напоминала кухню.

Атр наблюдал, как Ген подошел к одной из полок и, подняв руку, потянул на себя какой-то странный предмет. Послышался негромкий скрежет, словно что-то раздвинулось внизу, под полом комнаты.

На миг улыбка осветила лицо Гена. Он пересек комнату и, встав рядом с длинной каменной скамьей, положил обе ладони на

стену, двигая ими туда-сюда, словно что-то искал.

Наконец с возгласом удовлетворения он напрягся и толкнул стену, и сразу же целая плита подалась вглубь и отъехала в сторону, скрывшись в каменной нише.

На месте плиты открылся неосвещенный коридор, уходящий в каменную толщу.

Все это произошло так быстро, что некоторое время Атр стоял как вкопанный, недоверчиво покачивая головой.

Повернувшись, Ген поманил его.

— Иди же скорее, Атр! Чего ты ждешь?

Атр шагнул в проем и тут же остановился в крошечной темноте.

— Вот.— Ген вложил ему в руки фонарь и огненный шарик.

Атр наклонился, пристроил фонарь на колене, поднес к нему огненный шарик и, дождавшись, когда фитиль разгорится, снова выпрямился. Повернувшись, он посмотрел, как отец разжигает свой фонарь.

В ядовито-синем отблеске глаза Гена казались огромными и зловещими. Глядя в них, Атр понял, каким чужим человеком остался для него отец даже после нескольких недель, проведенных вместе. Он до сих пор почти ничего не знал о Гене.

— Я пойду вперед,— заявил Ген, по-видимому не подозревая, какие мысли одолевают его сына.— А ты не отставай, Атр. Эти туннели — настоящий лабиринт. Если ты отстаешь и потеряешь меня из виду, тебе никогда не выбраться отсюда самому.

Атр беспокойно кивнул и, когда отец протиснулся мимо него и начал путь по наклонному изгибающемуся туннелю, торопливо последовал за ним.

Позади прозвучал скрежет камня — плита встала на место. Тупой, краткий звук глухим эхом разнесся по туннелю.

Коридоры разбегались во все стороны — некоторые из них поднимались, некоторые уходили вглубь, но Ген уверенно шагал вперед. Прошло добрых десять минут, прежде чем он остановился и, повернувшись, убедился, что Атр еще следует за ним. Ген указал на узкую лестницу.

— Подниматься придется долго,— объяснил он,— но все-таки это быстрее, чем пробираться по улицам.

Ступени уходили вверх, сначала поворачивая направо, а затем — налево. Наконец лестница привела путников в узкую комнату с балконом и каменными скамьями у стен, а затем вновь начала подниматься, становясь все круче.

— Теперь уже недалеко,— объявил Ген, когда ступени закончились и они вышли в сравнительно ровный коридор.

— Кто прорубил эти туннели? — спросил Атр, заметив, что на стенах вокруг него вырезаны различные слова и узоры.

— А вот это,— отозвался Ген,— неразрешимая загадка. Ибо когда люди живут в одном месте так долго, как Д'ни — здесь, то многое делается по причинам, которые либо

неизвестны, либо затеряны в глубине веков. По-моему, эти туннели существовали здесь изначально. Некоторые ученые, и среди них великий Йеваси, утверждали: стена пещеры настолько изрыта туннелями, что стоит добавить к ним еще несколько — и все сооружение рухнет!

Атр прищурился, представляя себе эту катастрофу.

Впереди показался отблеск оранжевого света. Свет нарастал, и Атр заметил, что перед ними появились очертания выхода из туннеля.

Они вышли в узкую пустую комнату без потолка. Атр уже знал — таков обычай Д'ни. Отсюда можно было взглянуть прямо на свод гигантской пещеры. Только у немногих из зданий Д'ни — в том числе в резиденциях правителей и в Казначействе — имелись крыши, остальные же потолков не имели. В конце концов, какой прок от крыши, если здесь никогда не бывает дождя и перепадов температур?

Комната была с небольшим балконом, а справа от него узкая лестница выходила на еще более узкую улочку. Атр подошел к перилам, окидывая взглядом улицы, замороженный рядами серых каменных зданий, паутиной аллей, лестниц и мощеных тротуаров.

Они направились дальше, подошвы сапог постукивали по выщербленным плитам. Улочка повернула влево и начала медленно подниматься между высокими стенами, кое-где обвалившимися и покрытыми трещинами. За

стенами возвышались внушительного вида особняки, на вид почти не пострадавшие, и Атр решил, что они строились с двойным запасом прочности.

Это было необычное место, исполненное странного очарования, и пока Атр шагал, знакомый голос звучал у него в голове, задавая давно ставший привычным вопрос.

Что ты видишь, Атр?

Смутившись, он начал мысленно отвечать.

Я вижу поблекшую роспись на стенах. Вижу картины в окнах и груды давным-давно не убиравшегося мусора. Я вижу... ветхий и заброшенный город. Вижу место, уже не пригодное для жилья. Вижу забытые паланкины с истлевшими остатками занавесей.

Отлично. Какие же мысли приходят тебе в голову?

Оглядевшись вокруг, он снова ответил Анне.

Особняки вокруг величественны и стары: возможно, когда-то этот квартал считался респектабельным, даже богатым, но в последние времена его населяли бедняки. Здесь царила ужасающая бедность, а потом землетрясение довершило работу времени.

Хорошо. Тогда почему же твой отец пришел сюда? Что могло ему понадобиться в таком месте?

Книги, молча ответил Атр. Но причина показалась ему не слишком убедительной. Зачем они нужны отцу, когда у него и без того множество книг?

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

В конце широкой, некогда трехрядной аллеи, вдоль которой возвышались огромные дома, находились ворота, ведущие в другую часть города. Эти ворота были, как и все вокруг, чудовищно массивными, приземистыми, угловатыми, с двумя башенками и двустворчатой дверью под аркой. На толстой доске над дверью глубоко в камень были врезаны два слова Д'ни. Посмотрев на них, Атр мысленно перевел: «Округ Й'Таэри».

Шагнув к левой створке двери, Ген напрягся и толкнул ее плечом, но, несмотря на силу удара, створка не поддавалась. Ген огляделся вокруг и нырнул в сад возле одного из домов, а через минуту вернулся с тяжелым металлическим предметом — очевидно, трубой от фонтана.

Встав перед дверью, Ген вскинул трубу и ударил ею по дереву, целясь в замок. Послышался треск, во все стороны полетели щепки, но дверь еще держалась. Издав недовольное

ворчание, Ген принялся колотить по двери, каждый раз выбивая из нее все больше щепок. Наконец с седьмого или восьмого удара замок поддался.

Ген отбросил трубу и, прислонившись к двери, отдышался, расслабляя напряженные мускулы, а затем опять навалился плечом. Массивные створки начали медленно приоткрываться.

Они вошли в Й'Таэри.

Дома тут были размером поменьше, но сохранились лучше, чем в предыдущем квартале, однако пыль веков чувствовалась и здесь. Местами плиты тротуаров были настолько истерты, что в центре были заметны углубления, заполненные веществом, напоминающим воск — это сходство подчеркивалось темно-красным оттенком камня.

Приблизившись к большому перекрестку — месту, где пересекались мощеные эстакады, а туннели уходили глубоко под землю, — Ген остановился, вытащил из кармана книжку в кожаном переплете и углубился в записи.

Атр часто замечал, что Ген заглядывает в эту книжку — казалось, она содержит сведения решительно обо всем. Однако Атру еще ни разу не доводилось видеть, как отец что-нибудь пишет в ней.

«Возможно, он занимается этим по ночам, когда меня нет рядом, — решил Атр, вспомнив о собственном дневнике. — А может, это ему ни к чему. Должно быть, он уже составил подробный план города».

Откровенно говоря, он преклонялся перед познаниями отца. По-видимому, Ген знал каждую улицу, каждое крупное здание Д'ни. И даже если он что-нибудь забывал, он всегда находил в книжке нужные сведения.

Захлопнув книжку, Ген указал влево.

— Нам надо вон туда. Главная площадь находится в десяти минутах ходьбы отсюда.

Атр дождался, когда Ген уберет книжку, и молча последовал за отцом, поминутно оглядываясь по сторонам.

Дома в округе Й'Таэри были богато отделаны, на многих из них красовались большие пятиугольные каменные щиты с символами, напоминающими те, что были на тунике Гена в ту ночь, когда он пришел за Атром.

Атр спросил Гена, что означают эти символы, и узнал, что это знаки отличия Гильдии и что те, кто жил в домах, украшенных щитами, были старшими членами Гильдии.

Значит, Й'Таэри считался округом для тех, кто принадлежал к Гильдии.

Некоторые из них напоминали Атру рисунки, которые он замечал на стенах пещер по пути в Д'ни,— своими очертаниями они повторяли причудливые линии каменных скал, башни поднимались из стен, подобно сталагмитам, входные арки были отделаны похожим на кружево камнем. Другие же дома, которых здесь было большинство, напоминали скорее каменные глыбы, три-четыре этажа в них помещались друг над другом подобно слоям пород, но Атр нигде

не заметил никакого признака дверей или окон.

Особенно выделялись два огромных дома — но не из-за своего внушительного вида, а потому что они были сложены из иссиня-черного с красными прожилками камня. Атр уже заметил, что такой материал использовался главным образом на самых верхних ярусах города, и спросил Гена, что это значит.

— Эти дома принадлежали влиятельным людям,— рассеянно ответил Ген.— Только самые богатые могли позволить себе строить дома из таких материалов.

Улица привела к широкой площади, окруженной высокими каменными стенами. В дальней части площади находилось здание, чем-то напоминающее Казначейство. Шесть широких беломраморных ступеней вели к мрачному портику. Странно, но фасад здания почти не пострадал от землетрясения.

На верхней ступеньке Атр обернулся, глядя на лабиринт стен и крыш, на гавань внизу, арку, закрывающую горизонт — сейчас он был почти на одном уровне с вершиной арки. Помедлив, он шагнул в прохладную тень входа в Публичную библиотеку.

За колоннами, поддерживающими портик, находился небольшой холл с мозаичным полом. Извилистая трещина рассекала его надвое, но рисунок уцелел. Он изображал мужчину, стоящего на кафедре, на которой лежала открытая книга — в точности как те книги, что стояли на пюпитрах в библиотеке отца

на К'вире. Ладонь мужчины застыла над изображением на странице.

В холл выходило две двери — слева и справа. Над левой дверью символами Д'ни было вырезано слово «Вход», а над правой то же слово дополнялось кругом, из которого исходили семь коротких, клиновидных лучей, как у звезды. Вспомнив уроки Анны, Атр понял, что этот круг с лучами означает запрет. Значит, надпись гласила: «Не входить».

Атр направился к левой двери. Она вела в длинный коридор со стенами из переплетенных бронзовых и железных прутьев. За ними оказался более широкий и наклонный коридор, потрескавшиеся стены которого были покрыты резьбой, изображающей поля и яркое солнце, мужчин и женщин в линзах — Атр с изумлением увидел, что линзы у них точь-в-точь как у него самого. Люди на картинах смотрели в безграничные, незнакомые небеса.

В конце коридор был перегорожен барьером. Ген без труда перемахнул через него и направился в галерею с высоким сводчатым потолком, где вдалеке виднелся массивный каменный экран. За ним находились три высокие черные двери.

— Там за дверями — Комната Книг, — объяснил Ген. — Оттуда простые жители Д'ни могли совершать путешествия в Эпохи.

Он взглянул на Атра, гордясь достижениями своего народа.

— Значит, здесь мог бывать каждый?

Ген покачал головой.

— Нет. Она предназначалась для просто-народья, для рабочего люда Д'ни. У знати были собственные книги и свои Эпохи. Над ними осуществляла строгий надзор Гильдия, однако эти Эпохи могли увидеть лишь немногие. Проникнуть в них можно было лишь с разрешения своего рода.

Атр нахмурился.

— А миры, богатства которых использовали Д'ни?

— Эти миры принадлежали Гильдиям. Им приходилось постоянно принимать большие грузы из других Эпох.

Ген указал на двери.

— Войдем внутрь.

Следуя за отцом, Атр обогнул экран и через центральную дверь проник в длинный зал, разделенный проходом. На огромном, вытянутом беломраморном помосте расположились пюпитры. Сохранилось не более половины пюпитров, помост потрескался. В зале отсутствовал потолок, но его окружал балкон с балюстрадой, которая частично обрушилась. Оглядываясь, Атр представлял себе, как члены Гильдии в плащах стояли на этом балконе, подобно божествам, бесстрастно созерцая то, что творилось внизу.

Атр шагнул вслед за отцом. На ближайшем пюпитре лежала открытая книга, прикованная толстой золотой цепью.

— Это она и есть? — спросил Атр.

Ген покачал головой.

— Нет, эта книга нам ни к чему.

Атр нахмурился, ничего не понимая. Ген наклонился и принялся изучать поверхность одного из затейливо украшенных пюпитров, проводя по ней ладонью. С разочарованным восклицанием он выпрямился, быстро перешел к соседнему пюпитру, повторил те же действия и получил такой же результат.

Пока он обходил один пюпитр за другим, Атр встал перед первым и взглянул на изображение на правой странице.

На странице виднелся лишь смутный, едва различимый силуэт. Внезапно Атр понял: толстый слой пыли, покрывший страницу, мешает рассмотреть рисунок.

Он уже вознамерился смахнуть пыль, но Ген, который как раз в эту минуту поднял голову, бросился к сыну, схватил его за руку и оттащил в сторону. Стиснув Атру ладонь, он с дрожью проговорил:

— Никогда не смей этого делать, Атр! Никогда, слышишь? Эта Эпоха давно погибла, уничтожена каким-то бедствием. Тебя могло затянуть в безвоздушную пустоту.

— Прости,— еле слышно пробормотал Атр.

Ген вздохнул и отпустил его.

— Наше Искусство таит в себе немало опасностей, Атр. Вот почему Д'ни так бдительно охраняли эти книги и следили, чтобы с ними обращались осторожно.

— Что значит «обращались осторожно»? Но Ген уже отошел, продолжая поиски. Он

склонился, изучая край одного из пюпитров во втором ряду.

— Атр, подойди сюда.

Атр исполнил приказ, встав рядом с отцом.

— Осмотри все пюпитры — где-то здесь спрятан секрет.

— Секрет?

Ген указал на дверь в дальнем конце зала.

— Нам надо открыть ее. Где-то здесь должна быть кнопка или замок, позволяющий войти.

Атр принялся за работу, осматривая пюпитры один за другим, пока наконец с возгласом радости не обнаружил крохотную медную полусферу, почти незаметную среди резьбы.

Он нажал на полусферу, и дверь в дальнем конце комнаты скользнула в сторону.

— Отлично! — Ген выпрямился и направился к двери.

— Это и есть наша цель? — спросил Атр, останавливаясь на пороге и разочарованно оглядывая пустой коридор, в который не выходило ни единой двери.

— Нет.— Ген вернулся в зал.— Комната Книг находится внизу. Я надеялся, что вход в нее откроется, но, похоже, нам придется пробиваться туда силой.

Атр последовал за отцом, заметив большую квадратную каменную плиту, висящую, подобно картине, слева на стене.

Остановившись перед ней, Атр нахмурился. На гладкой поверхности плиты были вы-

резаны ряды геометрических фигур — полуокружностей, треугольников, квадратов и других, более замысловатых узоров, выстроенных в некоем порядке.

Атр прищурился, стараясь понять, что это означает. Узор был явно наполнен смыслом. Нет, не узор, а... прогрессия. Каждый символ имел математическую величину, и зная каждую из них...

Карта! Это была карта!

Ген прошел мимо, волоча кусок развалившегося пюпитра. Он напрягал все силы, удерживая тяжелую и неровную мраморную глыбу на плече.

— С дороги! — выдохнул он, а затем, подняв каменную глыбу обеими руками, обрушил ее в середину плиты.

— Отец, но я...

— Отойди подальше, Атр,— перебил Ген, снова поднимая свое орудие и ударяя им о плиту.

«Но ведь я мог решить загадку»,— мысленно возразил Атр. Отец наконец отбросил мраморную глыбу. За плитой оказалась металлическая пластина с переплетением проводов и кнопок.

Атр наблюдал, как его отец перебирает и дергает провода, пытаясь заставить сработать механизм, открывающий дверь. Наконец послышался лязг, словно какая-то металлическая деталь встала на место.

— Стой у двери, Атр,— приказал Ген, продолжая разбираться в путанице проводов.

Атр выполнил приказ, глядя, как отец напрягся и дернул плечом.

В зале раздалось шипение гидравлического подъемника и низкий скрежещущий звук. Спустя мгновение прямоугольная плита пола площадью в несколько метров начала с гулким шипением опускаться, открывая лестницу.

Атр последовал за отцом в большую светлую комнату, заполненную длинными рабочими столами, сдвинутыми попарно. Стен комнаты ему не удалось рассмотреть — их скрывали полки. Восемь скелетов в плащах восседали в креслах, склонившись над работой. Еще один скелет — может, старший? — лежал у дальней стены, там, где его застигла смерть.

— Что это такое? — спросил Атр, пригнувшись к запаху тления и замечая, что сидящие скелеты прикованы цепями к столам.

— Это главная Комната Книг,— ответил Ген.

Однако в комнате не было видно ни единой книги. Полки были заполнены коробками, бутылками, стопами бумаги, папками, инструментами для резьбы по камню, перьями и чернильницами, но только не книгами. По крайней мере, не теми из них, которые разыскивал Ген. А книги, что они обнаружили наверху, Гену были явно не нужны.

Атр в замешательстве уставился на отца. Но Ген внимательно осматривался, а затем принялся рыться на ближайшей из полок так

тщательно, словно надеялся отыскать там сокровище.

— Что надо искать? — помедлив минуту, спросил Атр.

Ген удивленно обернулся, словно только что вспомнив о существовании Атра, и указал на дверь в дальней стене комнаты, под лестницей, по которой они спустились.

— Посмотри вон там, Атр. Там должен быть узкий коридор с четырьмя или пятью дверями. За одной из них помещается хранилище книг. Если дверь заперта, крикни мне. Но она должна быть открыта — у них просто не хватило времени запереть ее.

Атр только теперь начинал понимать, как стремительно свершилась катастрофа в Д'ни. Это произошло ночью, как-то сказал ему отец, в то время, когда большинство жителей города спали.

Ген отвернулся, дрожа, рыться на полке. Он остановился, взял причудливого вида стеклянный сосуд, встряхнул его и отшвырнул в сторону.

Понаблюдав за отцом еще минуту, Атр направился к двери и обнаружил именно то, о чем сказал Ген. Коридор имел в длину всего *восемь шагов, по две двери выходили в него справа и слева, а еще одна была в конце коридора. Атр толкнул одну из дверей, заметив на ней слово «Книга», вырезанное в центре. Замысловатый узор отчетливо выделялся на полированном дереве.

Дверь бесшумно повернулась на петлях. За ней оказалась самая крохотная из комнат, раз-

мером не больше шкафа, с широкими полками, поднимающимися до самого потолка.

Большинство полок были пусты, но на одной из самых верхних стояло семь или восемь толстых книг в кожаных переплетах.

Атр потянулся и вытащил один из томов в красной обложке, изумившись его тяжести: казалось, книга сделана не из бумаги. Присев на колени, он положил том на пол перед собой и открыл его.

И ничего не увидел. Страницы были белыми. Разочарованный, Атр захлопнул книгу, поставил ее на место и вытащил другую — на этот раз в обложке из бледно-зеленой кожи. В ней все страницы тоже оказались чистыми. Одну за другой Атр доставал с полки книги, надеясь отыскать хоть слово в какой-нибудь из них, но поиски закончились неудачей.

Расстроенный, он взял под мышку одну из книг и уныло побрел к двери.

Ген уже успел расчистить место на одном из столов и склонился над предметом, который напоминал деревянный поднос, заставленный десятком чернильниц цвета янтаря. Спустя минуту он выпрямился, поднеся к глазам один из больших, пятигранных кристаллов. Густо-янтарный отблеск падал на бледное лицо Гена. Заметив, что Атр наблюдает за ним, Ген оторвался от своего занятия.

— Ну, нашел что-нибудь?

— Ничего хорошего, — ответил Атр, готовясь к тому, что отец вспылит. — В них ничего нет.

Поставив чернильницу на место, Ген подошел и взял книгу из рук Атра.

— Дай-ка я посмотрю.

Открыв книгу, он перелистал ее и поднял голову.

— Замечательно, как раз то, что мне и нужно. Там есть еще книги?

Атр кивнул, совершенно растерявшись.

— Но я думал... я думал, ты ищешь книги с Эпохами. А это... просто чистые листы бумаги.

Ген рассмеялся.

— Нет, Атр, это не просто листы бумаги. Книги эти называются Корти'нэа — белые книги, ждущие, когда их заполнят.

Атр недоуменно уставился на отца.

Ген открыл сумку и сунул туда книгу, а затем вновь повернулся к Атру.

— Сколько книг еще есть в хранилище?

— Восемь.

— Отлично. Принеси их сюда. Вот эти чернила,— добавил он, указывая на янтарные чернильницы,— и перья нам тоже понадобятся. Поторопись, мальчик. К ужину мы сможем вернуться домой!

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

— Атр!

Атр оторвался от тетради. Ген стоял в дальнем конце библиотеки.

— Что, отец? — спросил он, откладывая перо и стараясь не посадить кляксу.

— Идем со мной.

Атр нерешительно поднялся, а затем, обогнув помост в центре комнаты, нагнал отца у подножия лестницы.

После экспедиции в город прошло уже две недели, и Атр начинал думать, что отец забыл про свое обещание, но сейчас Ген улыбался.

— Так ты готов, Атр?

— К чему, отец?

— К тому, чтобы начать работу. Пришло время тебе научиться Искусству писать.

Атр последовал за отцом в комнату, которая, несмотря на просторные размеры, казалась тесной. Поначалу Атр не понимал, почему так происходит, но затем понял: комнату вырубали в камне, ее потолок низко нависал

над головами — по сути дела, это была пещера в пещере.

Книги теснились на простых каменных полках, лежали повсюду на полу, а в центре комнаты стоял широкий стол, освещенный лампой причудливой формы — единственным источником света в этом мрачном месте. Перед большим столом помещался второй, поменьше.

Ген подвел сына к столу, уселся в кресло, открыл один из ящиков и вытащил оттуда поднос с большим пером и несколькими янтарными чернильницами, найденными во время похода в город.

Поставив поднос сбоку на стол, Ген подвинул к себе одну из больших книг в кожаном переплете — ее бурая обложка была покрыта белыми прожилками, — а затем открыл ее на первой странице.

Страница была пуста.

Ген устремил на Атра внимательный взгляд.

— Ты потратил уже шесть недель, копируя слова Д'ни, и успел, наверное, заметить, как сложна и прекрасна эта письменность. Но, кроме всего прочего, эти слова имеют свое значение, Атр, — многие из них для тебя совершенно непонятны, так как принадлежат не только этому миру. Их создавали десятками тысяч лет для особой задачи — для описания Эпох... и сотворения других миров. Эти слова не похожи на те, которыми мы пользуемся при разговоре, ими нельзя пользоваться, чтобы писать простые книги. Письмена Д'ни —

не только Искусство, но и наука. Наука точных описаний.

Он перевел взгляд на чистую страницу.

— Начиная писать, мы видим перед собой пустоту. Здесь еще ничего не сотворено. Но как только будет написано первое слово — даже первый его символ, когда по бумаге протянется первая линия, тогда возникнет связь с вновь созданным миром, появится мост, соединяющий нас с этим миром.

Атр нахмурился.

— Куда же он ведет, этот мост?

— Куда угодно, — ответил Ген, снимая крышку с чернильницы, выточенной из куска янтаря. — Д'ни называют этот мост Терох-Йеруф, Великое древо возможностей.

Атр рассмеялся.

— Все это похоже на магию!

— Так оно и есть. Но мы — Д'ни, и потому я могу поделиться с тобой одной тайной. Мы — не простые смертные, Атр, мы — божества!

— Божества? — Атр ошеломленно воззрился на отца.

— Да, — с жаром подтвердил Ген, и его глаза загорелись страстью, какой Атр никогда не замечал. — Простолюдины грезят во сне и забывают о своих грезах, просыпаясь. А мы можем оживить свои грезы. В неких пределах — пределах, которые лучшие умы Д'ни старательно определяли тысячелетиями, — мы можем создать все, что представляем себе. С помощью слов мы вызываем к жизни новые миры.

У Атра открылся рот.

— Да что говорить! Я могу показать тебе такие щедрые, такие богатые миры, что это заставит тебя вспылать восхищением к их творцам! Миры такой роскоши и величия, что по сравнению с ними наш чудесный мир покажется примитивным и заурядным!

Ген рассмеялся и протянул Атру чернильницу. Внутри толстых, прозрачных, как стекло, желтых стенок была заключена черная жидкость.

— Что ты видишь, Атр?

Атр вскинул голову и в упор взглянул на отца, на мгновение изумленный эхом знакомых слов, столько раз слышанных от Анны.

— Чернила?

— Да... но это не простые чернила. Они обладают особыми свойствами — как и страницы этой книги. Они сделаны из бумаги, состав которой — величайшая тайна Гильдии.

— А перо? — спросил Атр, указывая на него. — Оно тоже магическое?

Ген улыбнулся.

— Нет, перо самое обычное. Но если кто-нибудь другой попытается совершить то, что хотим сейчас сделать мы, — любой человек, в котором нет крови Д'ни, — он потерпит неудачу. У него ничего не выйдет.

Повернувшись к книге, Ген поставил чернильницу, обмакнул в нее металлическое острие пера и начал писать.

На бумаге медленно появлялся символ Д'ни — Атр узнал в нем первую из букв слова

«остров». Густая чернота букв, казалось, прожигала девственную белизну бумаги.

Ген изобразил на странице еще десяток знаков, затем поднял перо и взглянул на Атра.

— Получилось? — спросил Атр, удивленный тем, что видит лишь черные узоры на белой странице. Он ожидал увидеть по меньшей мере извержение вулкана или разверзшиеся небеса. — Ты уже создал новую Эпоху?

Ген усмехнулся.

— Да, она существует... но пока она очень примитивна. Создание Эпохи — долгий, утомительный труд. Существуют особые формулы, которым надо следовать, законы, которым надо подчиняться. Как я уже говорил, это не просто Искусство, а наука — наука точных описаний.

Он указал на открытую книгу.

— А пока я просто записал основные элементы моего нового мира. Впереди непочатый край сложной работы. Надо всесторонне описать Эпоху, и не просто описать, но и гармонично вписать в нее каждый новый элемент. Но и это еще не все.

Потянувшись через стол, Ген взял еще одну книгу, поменьше, из угловой стопки и протянул ее Атру.

— Как только создание Эпохи завершено, следует непременно — слышишь, непременно! — сотворить Книгу Уз.

Атр взял книгу и открыл ее, сразу заметив, как мало в ней страниц. Все они были пустыми.

— Да,— продолжал Ген,— отправляясь во вновь сотворенную Эпоху, не забывай брать с собой Книгу Уз, иначе ты рискуешь остаться там навсегда безо всяких надежд вернуться обратно.

Атр поднял на отца широко раскрытые глаза.

— Что же должно быть в Книге Уз?

Ген забрал у него книгу.

— Каждая Книга Уз относится к одной из больших книг с описаниями — строго в определенном порядке. Можно сказать, что она содержит сущность большой книги — определенные фразы и слова, связующие ее именно с этой книгой и ни с какой другой. Но и это еще не все. Чтобы Книга Уз действовала, она должна включать точное описание места, которое необходимо соединить с определенной Эпохой. Для этого мы пользуемся особым символом Д'ни — Гэро-эрти. Кроме того, Книга Уз должна быть дописана в Эпохе. В некотором смысле Книга Уз заменяет книгу описаний.

Поразмыслив минуту, Атр спросил:

— Значит, для каждой книги описаний может существовать всего одна Книга Уз?

— Вовсе нет,— ответил Ген, радуясь заинтересованности сына. Положив тонкую книгу на место, он добавил: — Можно создать сколько угодно Книг Уз, но ни в коем случае не меньше одной. Это первая заповедь, которую нельзя забывать.

Атр кивнул.

— А если изменить Эпоху? Что будет, если вдруг захочется занести в книгу описаний что-нибудь еще? Значит, тогда Книга Уз потеряет силу?

— Нет. Если книга описаний изменилась, тогда все Книги Уз, связанные с ней, будут соединять тебя с изменившимся миром.

У Атра загорелись глаза, едва он осознал, какую сложность и мощь таят в себе письмена Д'ни.

— Это... невообразимо!

— Да,— кивнул Ген, устремив на сына пронизательный взгляд.— Так и есть, Атр, ты прав.

Этим же вечером Атр решил поговорить с отцом, напомнить ему, что приближается время навестить Анну.

Ободренный хорошим настроением Гена за ужином, Атр дождался, когда отец раскурит трубку и усядется в кресло в углу кухни.

— Отец...

Ген выпрямил ноги и уставился на свои сапоги.

-Да?

— Когда мы отправимся обратно?

Ген медленно поднял голову.

— Обратно? Куда это?

— В расщелину.

К его удивлению, Ген расхохотался.

— А, вон куда! И тебе хочется туда вернуться?

— Да,— тихо подтвердил Атр,— ты ведь говорил...

— Я говорил, что попробую. Я сказал...— Ген выпрямился и отложил трубку.— Я сказал это, чтобы успокоить твою бабушку, но никогда всерьез не думал...— Он пожал плечами, затем начал снова: — Послушай, Атр, дорога туда займет в лучшем случае четыре-пять дней и еще столько же — обратно. Ради чего я должен терять время?

— Разве нельзя написать книгу о расщелине и принести ее сюда?

— И каким же образом ты собираешься ее писать? Этот мир уже создан.

— Тогда разве нельзя написать Книгу Уз?

Атр осекся, поняв, что это невозможно. Чтобы написать такую книгу, надо сначала попасть в расщелину.

Наблюдая за ним, Ген дождался, когда Атр сам все поймет, а затем негромко заметил:

— Вероятно, мне следовало объяснить: нельзя соединиться с другим местом из Эпохи, в которой ты находишься. Это невозможно.

Минуту Атр молчал.

— Но ты же обещал, что отведешь меня обратно.

— Атр, ну что за детские капризы! Куда ты стремишься? К пустому месту?

Атр потупился.

— Но ведь ты обещал. Ты сказал...

Ген поднялся.

— На это у меня просто нет времени, но даже если бы оно было, я не стал бы тратить его зря. Это место — западня, Атр, в буквальном смысле слова. Женщина, оставшаяся там,

коварна. Разве ты этого еще не понял? Мне просто пришлось увести тебя оттуда.

— Ты ошибаешься,— спокойно возразил Атр.

Но Ген просто покачал головой и указал на стул.

— Садись, я кое-что расскажу тебе, и тогда ты сам увидишь, ошибаюсь я или нет.

Атр сел, сдерживая гнев и обиду, не желая смотреть отцу в глаза.

— Почти тридцать лет назад, когда я был еще четырехлетним ребенком, началась война. Развязал ее юноша по имени Веовис. Он был сыном благородного человека, единственным наследником огромного состояния. Спустя некоторое время ему предстояло стать членом Совета, творцом закона. Однако ему было мало того, что он имел, мало уверенности в будущем. Веовис нарушил закон Д'ни. Он злоупотребил своими привилегиями.

— Каким образом?

— Он совершил гнусные, недостойные упоминания преступления. Он превратился в раковую опухоль, которую следовало вырезать, дабы избавить от нее культуру Д'ни. В конце концов его схватили, и, несмотря на заступничество отца, он предстал перед судом Пяти Властелинов. Двадцать дней подряд свидетели давали показания. Наконец Пятеро приняли решение. Веовису предстояло закончить свои дни в заточении в таком месте, побег откуда невозможен. Но прежде чем приговор Пятерых был приведен в исполнение, несколь-

ко друзей Веовиса помогли ему бежать из Д'ни.

Полгода о Веовисе никто не слышал, но затем поползли слухи о том, что он взял себе другое имя, что его видели в тавернах в нижнем городе, что вокруг него собирались недвольные.

Сначала слухи оставались только слухами, но затем время от времени стали происходить странные, тревожные события: был заколот кинжалом старейшина одной из Гильдий, взорвана чернильная мастерская, осквернена книга.

Атр нахмурился, ничего не понимая, но его отец смотрел в сторону, захваченный воспоминаниями.

— Когда произошло последнее из событий, был созван Совет. Наконец члены Совета решили действовать, но было уже слишком поздно. Веовис действительно обретался в нижнем городе, более того — он подстрекал к мятежу толпы простолюдинов. Но никто из членов Совета даже не подозревал, как глубоко укоренилось недовольство, не предполагал, что Веовис коснулся обнаженного нерва. Через два дня после заседания Совета в одном из районов нижнего города начался мятеж. Еще до наступления темноты нижний город загудел, подобно улью, толпы запрудили улицы, убивая всех, кто пытался образумить их.

Ген замолчал и повернулся к Атру.

— Как я уже говорил, в то время я был ребенком. Я находился в одном из замков Гиль-

дии в верхних кварталах. Мой дом был в нескольких милях оттуда, на громадном выступе скалы. Помню, я простоял у окна весь день, слыша доносящиеся снизу рев толпы и вопли умирающих, и гадал, когда же придет конец беспорядкам. В это страшное время я смертельно боялся за своих родных. Разумеется, обитатели замков Гильдии были в безопасности: при первом же признаке мятежа Совет приказал закрыть ворота в верхний город и усилить охрану. Но жители предместий пострадали, стали жертвами собственных слуг — мужчин и женщин, которым они доверили свою жизнь.

Прошло целых шесть недель, прежде чем последние вспышки мятежа были подавлены, а Веовис схвачен при попытке прорваться из города по нижним туннелям.

На этот раз Совет оказался единодушен в своем решении: Веовису предстояло умереть. Его должны были казнить прямо на ступенях Большой Библиотеки.

Ген отвернулся, очевидно вспомнив пережитую боль, и заговорил глуше:

— Это было мудрое решение, но прежде чем его скрепили печатью, придав силу закона, один из свидетелей попросил слова, умоляя разрешить ему выступить в защиту преступника.

Ти'ана, понял Атр, вспоминая рассказы Анны.

Ген заговорил еще медленнее, глядя поверх головы Атра.

— Этим свидетелем была женщина по имени Ти'ана.

Атр открыл было рот, желая закончить историю — показать отцу, что она ему известна,— но Ген не обратил на него внимания. Он говорил глухо и размеренно, и в его голосе звенела горечь.

— Ти'ана пользовалась уважением Пятых, и поэтому ей дали слово. На ее взгляд, опасность миновала. Веовис уже совершил самое страшное, но с Д'ни ничего не случилось. Более того, утверждала она: если бы не Веовис, то какой-нибудь другой смутьян взбодоражил бы толпу, ибо недовольными были не десяток человек, а целый класс. В таких обстоятельствах, говорила она, покоряя своим красноречием Совет, незачем исполнять принятое решение.

Подойдя к ступеням, Ген сделал несколько шагов и, глубоко вздохнув, оглянулся на сына.

— Так и получилось, Атр. Веовиса заточили в темницу, из которой нельзя убежать.

Он помедлил, не сводя глаз с Атра.

— Но три дня спустя побег все же состоялся. Разумеется, стражники проверяли каждое утро и вечер, на месте ли пленник, но вечером третьего дня посланный в темницу стражник не вернулся. Еще двое рассказали, что темница пуста — в ней не оказалось никаких следов ни Веовиса, ни стражника.

Членам Совета следовало понять, какую серьезную ошибку они совершают, но уроки прошли для них впустую. И когда Веовис исчез,

все решили, что это к лучшему, что он б[^]жал неизвестно куда и больше не вернется. Но Веовис был мстительным человеком, тем более что ему дважды за один год пришлось потерпеть поражение. Только глупец мог решить, что он сбежит зализывать раны. Только глупец...

Атр заморгал, изумленный внезапным гневом в голосе отца.

— И Веовис действительно вернулся — на этот раз не с толпой неуправляемых оборванцев, а во главе маленького, но хорошо вооруженного отряда фанатиков, преследующих единственную цель: уничтожить Д'ни. Как видишь, Ти'ана ошиблась. Опасность не миновала, Веовис еще не совершил самого страшного.

— Но ведь она этого не знала.

— Не знала? — Ген покачал головой, и на его лице отразилось глубокое разочарование.— Эта глупая женщина вечно лезла не в свое дело. А мой отец оказался еще глупее, послушав ее.

— Твой отец?

— Да,— кивнул Ген, подходя к окну и глядя на руины города.— Или этого она тебе не говорила?

— Кто?

— Анна. Твоя бабушка.

— Я... я ничего не понимаю. При чем тут она?

Ген невесело рассмеялся.

— Так ты ничего не знаешь?

— Что я должен знать?

Ген обернулся к нему с застывшим от гнева лицом.

— Она и есть Ти'ана. Таково было ее имя Д'ни, дарованное ей моим отцом, твоим дедом, когда он женился на ней.

Атр потрясенно уставился на него.

— Нет... Нет! Этого не может быть! Она сказала бы мне!

— Это правда,— горько повторил Ген.— Нас погубили ее слова... и ее упрямство. Иначе все было бы кончено сразу: Веовис бы умер, а вместе с ним — и опасность, но нет, ей понадобилось вмешаться... Она, видите ли, не могла поступить иначе. Будто она хоть что-то смыслила! Она никогда не прислушивалась к чужим словам, никогда!

Атр замотал головой, не в силах поверить отцу.

— Рассказывала ли она когда-нибудь обо мне, Атр? Вспомни как следует. Нет? Ну конечно! Так подумай, не скрыла ли она от тебя что-нибудь еще?

— Но она не могла так поступить! — не сдержавшись, выпалил Атр.— Только не она!

— Да? — Ген взгляделся в его лицо.— Напрасно ты позволяешь чувствам ослепить тебя, Атр. Мы живем в суровом мире, сентиментальность здесь губит так же верно, как обвал. Этот урок твоей бабушке так и не удалось усвоить. Вот почему я не могу отпустить тебя к ней. Я делаю это ради твоего же блага.

Атр помолчал, а когда заговорил, его голос звучал негромко, в нем уже не слышалось вызывающей убежденности, как несколько минут назад.

— Анна была добра ко мне. Благодаря ее заботам нам не приходилось голодать. И потом, она учила меня.

— Учила тебя? — издевательски расхохотался Ген.— Чему она могла тебя учить? Как выжить в жалкой трещине? Как глотать пыль и мечтать о дожде?

— Нет! — вскрикнул Атр, наполняясь гневом и обидой. Такого гнева он еще никогда не испытывал.— Она дала мне больше знаний, чем ты!

Смех Гена оборвался. Шагнув вперед, он остановился перед Атром и с холодной угрозой наклонился к нему.

— Что ты сказал?

Атр отвел взгляд, напуганный угрожающим тоном отца.

— Я сказал, что она дала мне больше знаний, чем ты.

Правой рукой Ген взял его за подбородок и заставил смотреть себе в глаза.

— Говори правду, Атр. Чему могла научить тебя эта женщина?

Атр отвернулся.

— Она научила меня языку Д'ни, вот чему!

Ген с хохотом покачал головой.

— Скорее уж она научила тебя лгать!

Атр вскинул голову и твердо взглянул в глаза отцу, а затем заговорил медленно и спокойно:

— Она учила меня добру, тому, что следует ценить, непреходящим и неизменным истинам.

Насмешливая ухмылка медленно сползла с губ Гена.

— Так ты знал? — холодно переспросил он.— Все это время ты знал? — Его глаза стали ледяными. В нем вновь появилась опасная, пугающая решимость.— И сидел здесь, притворяясь, что ничего не понимаешь? Ты издевался надо мной?

— Нет,— возразил Атр, желая объясниться, но Ген не слушал его. Схватив Атра за плечи обеими руками, он поднял его со стула и встряхнул.

— Лживый, неблагодарный мальчишка! Ты получил бы по заслугам, если бы я отвел тебя обратно и оставил гнить в жалкой дыре! Ведь она этого хотела, верно? Вот потому-то мы и не вернемся туда — ни сейчас, ни в другое время. Никогда!

— Но так нельзя! — воскликнул Атр, придя в отчаяние при этой мысли.— Она будет тревожиться! Если мы не вернемся...

Схватив Атра за воротник, Ген выволок его из кухни и швырнул в комнату, а затем с треском захлопнул дверь и запер ее снаружи.

— Подожди! — закричал Атр, вскакивая и бросаясь на дверь всем телом.— Отец, прошу тебя! Ты должен выслушать!

Ген вернулся лишь через три дня и возвестил о своем прибытии громким стуком в дверь комнаты Атра.

— Атр!

Атр сидел в большом стенном шкафу — здесь он чувствовал себя уютнее, чем в постели,— и читал книгу Д'ни, держа в руке надкушенное яблоко. Внезапный стук заставил его подскочить. Спрятав яблоко и книгу, он бросился к кровати и скользнул под шелковое покрывало.

— Атр! — снова послышался голос Гена: на этот раз он говорил на Д'ни.— Ты спишь? Нам надо поговорить.

Атр хотел было попросить отца уйти, но его гнев уже прошел. И потом он хотел знать, что скажет ему отец.

— Хорошо,— с притворным равнодушием ответил он.

В замке повернулся ключ, и Ген ступил на порог. Он выглядел смертельно уставшим, его глаза покраснели от недосыпания, одежда была измята — та самая одежда, которую Атр видел на нем в день ссоры.

Атр сел, прислонившись спиной к резному изголовью и всмотрелся в силуэт Гена.

— Я много думал...— начал он.

Но Ген остановил его, подняв руку.

— Отныне мы будем говорить только на Д'ни.

Атр заговорил вновь, перейдя на язык Д'ни.

— Я много думал, пытался поставить себя на твое место, и, кажется, я тебя понял.

Ген шагнул поближе.

— И к какому же заключению ты пришел?

Атр смутился.

— Кажется, я понял, почему ты питаешь такие чувства к Анне. Почему так ненавидишь ее.

Ген рассмеялся, но его лицо скривилось, словно от боли.

— Нет, Атр, это не ненависть. Иначе все было бы слишком просто. Я всего лишь осуждаю ее. Я осуждаю ее за то, что она сделала с Д'ни, и за то, что бросила здесь моего отца, зная, что он погибнет.

— Не вижу разницы.

— Не видишь? — Ген шагнул еще ближе.— Иногда мне самому бывает трудно объяснить, какие чувства я к ней испытываю. Она моя мать и потому должна любить меня. Это ее долг. Но она недолюбливала меня — честно признаться, я никогда ей не нравился.— Он покачал головой, а затем продолжал: •— То же самое было с Веовисом: он не нравился Анне. Она считала его негодяем с дурными манерами и вспыльчивым нравом. Но когда дело дошло до суда, она решила, что ее долг — возлюбить Веовиса и спасти его.

Ген тяжело вздохнул.

— Она всегда была лицемеркой. Она никогда никому не уступала, даже если знала, что не права. И эта слабость уничтожила расу богов!

— Но ведь вы вдвоем уцелели,— спокойно напомнил Атр.— Она спасла тебя и вывела из Д'ни.

— Да,— подтвердил Ген, уставившись в темный угол комнаты.— Иногда я подолгу гадаю, зачем ей это понадобилось. Иной раз задаю себе вопрос, не был ли этот поступок проявлением слабости. Разве не лучше было бы, если бы мы оба погибли здесь и история Д'ни завершилась? И вправду лучше...

Атр смотрел на отца во время затянувшейся паузы, внимательно вглядываясь в его лицо. В нем было нечто, заслуживающее восхищения,— решимость восстановить и заново создать культуру Д'ни своими руками. Достойная похвалы, но недостижимая цель.

— Значит, я могу навестить Анну?

Ген даже не взглянул на него.

— Нет, Атр, я уже принял решение. Это было бы слишком опасно, а я не могу позволить себе рисковать.

— Но она будет тревожиться, если я не вернусь...

— Тише, мальчик! Я сказал нет — значит, нет! И хватит об этом! Я отправлю Рия с запиской, чтобы известить твою бабушку, что ты жив и здоров, и объяснить, почему вы с ней больше не увидите. И я запрещаю тебе встречаться с ней.

Атр дернулся, как от удара. Мысль о том, что он больше никогда не увидится с Анной, повергла его в тоску.

— А что касается твоего обмана,— продол-

жал Ген, не подозревая, какое воздействие произвело на сына его решение, — должен признаться, я жестоко разочаровался в тебе, Атр. Мне следовало сразу во всем разобраться, и это принесло бы нам обоим немалую пользу. Я сберег бы уйму времени и сил, но, с другой стороны, теперь успеха следует ожидать скорее, чем я рассчитывал. Пожалуй, ты даже сможешь сам начать писать книгу.

Атр вскинул голову.

— Книгу?

— Да, но ты должен мне кое-что пообещать.

Ген склонился над ним, и на лице его появилось властное, непреклонное выражение.

— Пообещай мне, что никогда — слышишь, никогда! — не ослушаешься меня и не будешь действовать за моей спиной. Ни в коем случае этого не делай, Атр. Повелитель здесь — я, и мое слово — закон.

Атр смотрел на отца, понимая его в этот миг лучше, чем когда-либо прежде. Осознав, что у него нет выбора, Атр кивнул.

— Обещаю.

— Вот и хорошо. А тепеоб пойдем перекусим. Должно быть, ты проголодался.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

— Где это мы? — спросил Атр, оглядывая пещеру, в которую они перенеслись, и постепенно привыкая к темноте.

Ген прошел мимо него, привстал на цыпочки и дотянулся до узкого выступа под сводом пещеры.

— В одном из моих последних миров, — ответил он, снимая с выступа плоскую коробку. Внутри лежала Книга Уз, с помощью которой они могли вернуться в Д'ни. Убедившись, что книга не пострадала, Ген вновь сунул коробку в трещину камня, а затем повернулся к Атру. — Это моя Тридцать Седьмая Эпоха.

— А, вот как... — произнес Атр, чтобы что-то сказать. Самому ему не понадобилось бы много времени и сил, чтобы придумать название для Эпохи — что-нибудь мистическое или романтическое, — но Ген становился упрямым прагматиком, когда дело касалось его собственных творений.

Уже три года Атр сопровождал отца в путешествиях по Эпохам, и ни разу Ген не удо-

сужился дать им название. Только номера. Ген питал склонность к номерам.

Впереди узкий туннель поворачивал влево, постепенно поднимаясь все выше. Запахнув плащ, Атр поспешил за отцом, гадая, каким окажется его очередной мир.

Наверху уже наступила ночь. Они шагнули из пещеры на круглую, заросшую травой поляну, окруженную с трех сторон голыми каменистыми холмами. Вдалеке, под черно-синим небом, в котором висели две маленькие луны — красная и белая,— виднелся остров. Середину острова занимало овальное озеро.

Атр стоял неподвижно, очарованный живописным видом невысоких холмов, образовавших естественную чашу вокруг озера. Вода в нем была темной и неподвижной, в ее глади отражались звезды, а окружающее остров море излучало яркое мерцающее сияние.

Вглядываясь в окружающий пейзаж, Атр, по обыкновению, задавался вопросами, гадая, с помощью каких слов и фраз отец придал, например, такую скульптурную форму холмам. Из каких пород они сложены? Известняка, а может, глины? А эти деревья справа — что это, естественная разновидность или Гену пришлось создавать их отдельно?

Со стороны озера дул прохладный ветерок, напоенный ароматами трав и цветов.

— Здесь очень красиво,— наконец произнес Атр, повернувшись к отцу, но Ген только фыркнул, окидывая пренебрежительным взглядом творение своих рук.

— У меня бывали миры и получше,— от-

ветил он, взбираясь на холм и спускаясь по другую сторону.— В каком-то смысле это самый неудачный из моих опытов. Я старался сделать этот мир как можно более простым и, вероятно, переборщил с простотой.

Атр поднялся на холм, догоняя отца. За прошедшие три года он повидал немало Эпох — сам он еще не пытался что-нибудь создать,— но так и не перестал удивляться тому, каким образом простые слова способны порождать такую яркую и осязаемую реальность.

Между разбросанными в траве валунами вилась тропа, и через десяток шагов она привела их на ровный склон, заросший высокой травой. Внизу, на расстоянии примерно мили, сгрудившись на левом берегу озера, виднелась кучка низких прямоугольных строений странного вида, будто наполовину сделанных из камня. Строений было не меньше сорока, их освещали лампы, висящие над дверями и вдоль берега. Подвесные мосты соединяли строения. На террасе ближайшей из хижин можно было рассмотреть несколько темных фигурок.

Атр в изумлении повернулся к отцу:

— Значит, этот мир обитаем?

— Да, только на многое не рассчитывай, Атр. Жители этого мира — простой, бесхитростный народ, можно сказать, первобытный. Они умудряются выжить, промышляя ловлей рыбы и примитивным земледелием, но что касается культуры — увы...

Ген издал пренебрежительный смешок. Несмотря ни на что, Атр ощутил трепет восторга в предвкушении встречи с жителями этого

мира. Хотя Ген время от времени приводил в Д'ни работников из какой-нибудь Эпохи, он никогда не брал с собой Атра в населенные миры. Никогда— до сегодняшнего дня.

Они зашагали вниз по склону, скользя по траве. Сначала Атр думал, что они приблизятся к островитянам незамеченными, но когда они оказались на расстоянии сотни ярдов от деревни, послышались крики. Кто-то заметил их. Раздался гул голосов, появились признаки лихорадочной деятельности.

Ген коснулся руки сына, веля ему остановиться.

Атр с тревогой взглянул на него.

— Это опасно?

Ген покачал головой.

— Наберись терпения, Атр. Ты явился сюда, чтобы наблюдать,— вот и наблюдай.

Атр замолчал, глядя, как десять высоких мужчин бегут к ним по склону с пылающими факелами в руках.

На расстоянии десяти шагов островитяне остановились, пали на колени и склонили головы перед Геном. Один из них, самый высокий, вскоре поднялся, шагнул вперед, не поднимая головы, и протянул гирлянду желтых цветов, пробормотав на ломаном Д'ни:

— Добро пожаловать, повелитель. Твое жилище готово.

В трепещущем свете факелов Атр разглядел, во что одет островитянин — в грубое, сотканное вручную подобие плаща Гильдии!

— Хорошо.— Ген наклонился, позволяя мужчине повесить ему на шею гирлянду. За-

тем, выпрямившись, приказал: — Собери жителей деревни. Я буду говорить с ними.

— Слушаюсь, повелитель! — Островитянин с любопытством взглянул на Атра темными блестящими глазами.

— А теперь веди нас,— повелительным и суровым тоном потребовал Ген.

Они зашагали по узкой улочке между низких, но просторных хижин с островерхими тростниковыми крышами. Деревянные стены хижин поднимались на фундаментах из больших, обтесанных каменных глыб. Искусно сплетенные мосты с деревянными настилами слегка покачивались над их головами. Достигнув озера, Атр увидел, что по земле здесь протянулись дощатые тротуары, в камне вырублены ступени, ведущие вниз, к причалу. Опорой ему служили сотни длинных свай, врытых в дно озера. У причала покачивались крепкие на вид рыбацьи лодки с убранными мачтами и свернутыми парусами.

Люди сбегались отовсюду — мужчины, женщины, дети. Все они были бледнокожими, коренастыми, закутанными в бурые плащи. Волосы у них были светлыми и прямыми, напомнившими Атру солому.

Чуть дальше в камне был прорублен канал, соединяющий озеро с открытым морем. Канал был неширок — по нему едва могла проплыть одна лодка. Через него островитяне перекинули крепкий деревянный мост.

На другом берегу вновь начался подъем. На вершине узкого гребня, за которым возвышался склон более высокого холма, находи-

лось нечто вроде хижины для собраний размером гораздо больше, чем остальные строения деревни. Пока они перебирались через канал по мосту и поднимались на склон, Атр видел, как впереди один за другим вспыхивают огоньки, освещая гирлянды, подвешенные между деревянными столбами перед хижинами.

Позади молча следовали жители деревни, факелы в руках освещали путь.

Приблизившись к хижине, Ген повернулся лицом к толпе, числом не менее двух сотен человек.

— Люди Тридцать Седьмой Эпохи! — громко произнес он, и эхо на тысячу ладов повторило его голос.— Перед вами мой сын Атр. Я решил, что мы некоторое время побудем с вами. Пока Атр здесь, вы должны оказывать ему такой же почет, как и мне.

Атр удивленно покосился на него. Впервые он слышал от отца подобные слова. Но Ген продолжал:

— Вы должны давать ему все, что он пожелает, выполнять все, что он прикажет. Понятно?

— Понятно! — в один голос ответили островитяне.

— Вот и хорошо,— заключил Ген и повелительным жестом поднял левую руку, отпуская людей, а затем повернулся к Атру: — Идем со мной.

Атр замешкался, глядя, как рассеиваются в темноте, спускаясь вниз по склону, жители деревни, а затем вошел вслед за отцом в хижину.

Внутреннее убранство хижины оказалось знакомым: оно напоминало молельни, которые он видел в нескольких богатых домах в Д'ни. Гобелены, расшитые различными символами, висели на стенах — Атр догадался, что эти искусно сотканые шелковые полотнища доставлены сюда из Д'ни. Пол устилали ковры, а справа, на низком столике, помещались золотые кубки и чаши — большие, инкрустированные драгоценными камнями, предметы, по видимому, опять-таки принесенные из Д'ни. Но царил в комнате огромный деревянный стол, напоминающий стол в кабинете Гена.

Атр заметил, что Ген с насмешливой гримасой наблюдает за ним.

— Хочешь узнать, зачем я привел тебя сюда?

Помедлив, Атр кивнул.

Ген прошел к столу и сел в кресло, а затем взял в руки длинную узкую книгу, лежащую среди других книг.

— Дело в том, Атр, что я привел тебя сюда по множеству причин, но главным образом — чтобы ответить на твои настойчивые вопросы о том, как создавать Эпохи. Мне хотелось испытать на практике твои теоретические познания. Здесь будет храниться твоя записная книжка — в нее ты занесешь все наблюдения об этом мире.— И он протянул книжку Атру.— И кроме того, я хочу, чтобы ты многое испытал сам и научился рассуждать непредвзято. Я хочу, чтобы ты собственными глазами увидел благоговейный страх, с каким к нам относятся жители Эпох.

— Благоговейный страх?

— Да, Атр, страх. Так и должно быть, разве мы не божества? Разве эти люди не обязаны нам своим существованием? Скажи, неужели они оказались бы здесь, если бы я не испещрил словами чистые листы бумаги?

Ген помолчал.

— Некоторое время ты побудешь здесь и понаблюдаешь за этой Эпохой, постарайся увидеть как можно больше. Это поможет тебе, когда ты начнешь творить сам. Ты будешь жить у одной из местных жительниц — у старухи, муж которой умер несколько лет назад. Будь с ней вежлив, но соблюдай дистанцию. Ты понял?

— Да, понял.

Ген откинулся на спинку кресла.

— Хорошо. Тогда иди. Мой слуга ждет снаружи, он проводит тебя.

Слуга молча шагал впереди Атра, высоко подняв церемониальный факел с вырезанными на рукоятке символами Д'ни. Островитяне падали на колени и склоняли головы, когда Атр проходил мимо, а влед ему летел негромкий боязливый шепот.

Они прошли по тропинке через деревню, а затем свернули налево и поднялись по узкой лестнице между двумя хижинами с островерхими крышами. Впереди виднелся лишь темный, освещенный луной склон холма.

Проводник шагал медленно и торжественно, словно возглавлял пышное шествие.

Атр оглянулся на озеро, отыскал мост, а за ним, в темноте,— хижину отца. Позади нее, освещенный фонарем изнутри, стоял низкий длинный шатер. Пока Атр рассматривал шатер, из хижины появился Ген и вошел под полотняный навес.

Атр отвернулся. Впереди, чуть левее, у вершины холма, появился огонек. По мере того как путники приближались к нему, огонек рос, освещая силуэт хижины, примостившейся на склоне у самой вершины. Свет исходил из открытой двери.

В освещенном прямоугольнике двери появилась фигура, мгновение постояла на пороге и шагнула вперед, растворившись в темноте.

Свет факела проводника упал на крыльцо хижины и осветил старуху. Как и остальные жители деревни, она была облачена в простую одежду из грубой домотканой материи. Ее волосы густыми седыми прядями обрамляли морщинистое лицо, светясь подобно нимбу. Такой старой женщины Атру еще не доводилось видеть.

Она неловко поклонилась и отступила, жестом приглашая его войти в хижину.

Поколебавшись, Атр наклонился и шагнул в невысокую дверь. Он оказался в чистой, теплой комнате, наполненной сильным и пряным ароматом трав. Оглядевшись, он сразу увидел, откуда исходит запах: справа на стене, над двумя узкими полками с кухонной утварью, на деревянных крюках висели пучки трав.

Пол в хижине был дощатым, низкую кры-

шу устилал тростник, положенный поверх деревянных балок. Комнату разделяла синяя занавеска.

— Хочешь есть? — спросила старуха, чувствуя себя явно неловко в присутствии Атра. На языке Д'ни она говорила еще хуже, чем слуга Гена.

Атр покачал головой.

— Спасибо, я не голоден.

— Ага...— Казалось, ее кивок выражает одобрение. Помедлив, она тревожно взглянула Атру в лицо.— А спать?

— Я...— В сущности, Атр не устал. Дома, в Д'ни, только близилось время ужина. Однако он почувствовал, какую неловкость вызывает у старухи, и растерялся.— Да,— подумав, согласился он,— если ты покажешь мне, где можно прилечь.

Старуха слегка качнула головой, но Атр не понял этого жеста. Может быть, она о чем-то сожалеет? Пожав плечами, она провела его за занавеску и указала на дощатый топчан.

Приглядевшись, Атр увидел на топчане набитый соломой матрац.

— Совсем как дома,— негромко произнес он.

Старуха с любопытством вскинула голову.

— Прости, что ты сказал, повелитель?

Он обернулся, чувствуя, что его глаза увлажнились.

— В детстве, когда я жил с бабушкой, у меня был точно такой же матрац.

— Это плохо? — спросила старуха, словно Атр говорил на чужом языке.

— Нет-нет — это чудесно.— Атр улыбнулся, испытывая признательность. Затем, повинаясь внезапному порыву и вспомнив, как радовалась бабушка, когда ей удавалось вкусно накормить его, спросил: — А если я передумаю насчет еды?

— Конечно! — Лицо старухи впервые осветила улыбка.— Я принесу супа и хлеба, ладно?

— Звучит восхитительно!

— Тогда подожди, повелитель, я сейчас вернусь.

Атр посмотрел ей вслед и огляделся, с наслаждением вдыхая запах трав.

Присев на корточки, он положил свою суму и записную книжку на край топчана, снял плащ и свернул его. Едва он успел выпрямиться, как вернулась старуха с деревянным подносом. На нем были глиняная миска с супом, деревянная ложка и половина каравайного хлеба. Атр с благодарностью принял еду и уселся, поставив поднос на колени. Улыбнувшись хозяйке хижины, он отломил кусочек хлеба и обмакнул его в суп.

Атр ел молча, наслаждаясь простым кушаньем, затем поднял глаза на старуху.

— Все в порядке? — спросила она, и беспокойство отразилось на ее лице, прорезанном глубокими морщинами.

Атр засмеялся.

— Просто замечательно! Никогда еще не пробовал еды вкуснее, чем эта!

Он говорил правду — суп и в самом деле оказался замечательным. Если не считать еды,

приготовленной руками Анны, ничего лучше ему никогда не доводилось есть.

От его слов лицо старухи словно осветилось.

— Хочешь еще?

— А можно?

Старуха просияла так, словно он предлагал ей все богатства Д'ни. Она поспешно вышла и через минуту вернулась с наполненной миской и хлебом.

— Вот так,— произнесла она, с улыбкой наблюдая, как ест Атр.— Ты же растешь! Ты должен есть как следует, верно?

Атр проснулся незадолго до рассвета и какое-то время не мог сообразить, где находится. Сильный запах трав в тесном замкнутом помещении за ночь стал слишком удушливым.

Он сел, прислушиваясь, а затем поднялся и быстро вышел из хижины.

Обе луны уже зашли, земля погрузилась в кромешный мрак, а небо казалось на редкость ярким, словно над пустыней по ночам. Но, запрокинув голову, Атр вспомнил: он находится не на земле. Где привычные созвездия? Где Большая Медведица и Орион? Да и есть ли они в этом обширном небе с россыпью звезд — может, он оказался на другой планете? А может, в другой вселенной?

Эта не дающая покоя мысль все чаще приходила ему в голову в последнее время.

«И все-таки чем больше я узнаю о Письме-

нах, тем уверенней могу подвергать сомнению слова отца о том, что мы создаем миры, в которых путешествуем».

Что, если они не столько творят эти миры, сколько соединяют узамы уже существующие?

Сначала он отвергал эту мысль, считая ее нелепой. Разумеется, эти миры созданы ими. Иначе просто не может быть! Откуда еще могли они взяться, и при этом в таком точном и предсказуемом виде? Кроме того, просто невозможно, чтобы бесконечное множество разных миров существовало где-то во вселенной, ожидая, когда их найдут. Однако чем больше размышлял Атр, тем чаще сомневался в объяснениях отца.

Он спустился вниз по склону, пока не достиг камня, вдающегося в озеро. Он наклонился, присел на корточки и вгляделся в темную воду.

Теперь, после захода лун, было почти невозможно отличить, где кончается вода и начинается земля. Атру казалось, что он заглянул в кратер вулкана в безлунную ночь: ничего не видя, можно было вообразить себе что угодно. Такова сущность мрака— он дает простор воображению, не позволяя отсутствовать, когда ты этого хочешь. В отличие от снега, который Атр видел в других Эпохах Гена, мрак принимал различные формы — тысячи форм, ибо он был всемогущим.

За спиной Атра над гребнем холма занималась заря. Свет медленно вливался в чашу, образованную холмами вокруг озера, тени на противоположном берегу становились резче.

Атр внимательно наблюдал за этим явлением, разглядывал сияющую дугу, которая выступала над вершиной холма.

Повернувшись, он заметил какое-то движение совсем рядом, на берегу озера.

Сначала он думал, что видит морское животное — может быть, тюленя,— но затем существо выпрямилось, и он отчетливо разглядел его силуэт в утреннем свете.

Девушка! Это была девушка.

Пока Атр наблюдал, она снова нагнулась к воде. Атр недоуменно наморщил лоб. Чем это она занимается, во имя Керафа? Внезапно он понял: девушка стирала! Темный холмик рядом с ней оказался корзиной, полной мокрой одежды.

Не сдержавшись, Атр рассмеялся. Девушка застыла на месте и оглянулась, словно застигнутый врасплох зверек.

Подхватив корзину, она заторопилась вверх по склону холма и вскоре достигла вершины. Ее тоненькая фигурка отчетливо вырисовалась на фоне солнечного полукруга. Удивленный ее поступком, Атр долго стоял на месте. Солнце уже почти взошло. В его ярком свете он разглядел тростниковую крышу хижины, ее темные стены, словно вросшие в еще более темную поверхность склона.

Атр повернулся, раскинув руки и вдыхая чистый утренний воздух. Затем, решив пораньше приступить к работе, он торопливо взбежал по склону холма к хижине.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

— Молодой хозяин!

Атр повернулся на бок, с удивлением глядя вокруг. Травы, пряный запах трав... да— он в хижине старухи. В Тридцать Седьмой Эпохе Гена, где уже наступило утро.

Он сел, протирая глаза, и взглянул на старуху, которая стояла на пороге.

— Прости, молодой хозяин,— робко произнесла она,— но повелитель Ген хочет видеть тебя.

Атр встал и потянулся. Который теперь час? Сколько он проспал? Казалось, здесь его сон стал крепче и глубже — возможно, причиной тому был чистый воздух.

Зевнув, он вспомнил, что отец не любит ждать, и поспешил вон из хижины.

Надвинув линзы, он осмотрелся.

Склон перед ним был рыжевато-коричневым, взъерошенным, точно шерсть на спине зверя, а еще дальше холмы и долины, окружающие озеро, пестрели всеми оттенками зеле-

ных и бурых цветов. У Атра перехватило дух при виде этого многообразия. А какой причудливый рельеф! Он медленно взобрался на гребень. Высокие деревья с темными стволами, с кронами, усыпанными почти черными листьями, покрывали левый склон ближайшего холма, а за ними виднелась издали кажущаяся гладкой изумрудно-зеленая лужайка. Атр рассмеялся.

— Почему ты смеешься, хозяин?

Атр повернулся. Он даже не заметил, как приблизился островитянин.

— Я смеялся, заметив вон тот холм. Он напомнил мне... наполовину обритую голову. Лес там образует совершенно ровную линию!

Слуга Гена, который был деревенским жрецом, задумался, взглянул на холм и кивнул, но на его лице не появилось и следа улыбки. С поклоном обернувшись к Атру, он произнес:

— Твой отец ждет тебя, господин.

Атр подавил вздох. Он пробыл на острове уже четыре дня, а этот человек по-прежнему держался с ним отчужденно.

Молча спускаясь с холма, Атр задумался, скользя взглядом по окрестным равнинам и возвышенностям. Как только вдаль показались деревня, он некоторое время разглядывал ее, а потом обернулся к жрецу:

— Как тебя зовут?

— Меня? — Простой вопрос привел жреца в полное недоумение.

— Да, я хочу знать твое имя.

— Меня зовут... Один.

— Один? — Атр издал краткий смешок.— Ты хочешь сказать, номер один?

Мужчина кивнул, отводя взгляд.

— Так звали тебя всегда?

Смутившись, жрец покачал головой.

— При рождении мне дали имя Коэна.

— Коэна...— повторил Атр. Он шел, вглядываясь в причудливые формы тростниковых крыш, рассматривая висячие мосты, любуясь контрастом синевы озерной воды с яркой зеленью окружающих ее склонов.

— «Один» — так назвал тебя мой отец?

Коэна кивнул.

Слабая улыбка тронула уголки губ Атра: ну разумеется, ему следовало догадаться. Он исподтишка оглядел спутника: простоватые черты его лица нравились Атру.

— И давно ты помогаешь моему отцу?

— Тысячу дней.

Значит, эта Эпоха и впрямь была создана Геном недавно — самое большее три года назад. Но что же было раньше? Существовал ли этот мир в какой-либо иной форме? Сохранились ли у жителей деревни воспоминания о собственной жизни до появления повелителя Гена? И если да, то были ли эти воспоминания реальными или их опять-таки сотворил Ген?

По собственному опыту Атр знал, что описать что-либо подобное невозможно. При сотворении Эпохи во всей ее сложности и многообразии возникают причинно-следственные связи, и даже у новой, недавно созданной Эпохи имеется своего рода «история». Конечно, не

реальная история, да и мог ли этот мир иметь реальное прошлое? Но в памяти его обитателей такое прошлое, казалось, существовало. Для них прошлое было настолько же реальным, как прошлое самого Атра или Гена.

По крайней мере, так утверждал Ген, хотя сам Атр уже сомневался в правоте его слов.

Резкий, пронзительный крик откуда-то слева заставил Атра вздрогнуть. Послышался странный хлопающий звук, у ног Атра мелькнула какая-то тень. Он повернулся как раз вовремя: невиданное существо с круглым пушистым тельцем устремилось в воздух.

Коэна удивленно уставился на спутника.

— Хозяин, с вами все хорошо? — с беспокойством спросил он.

— Что это? — спросил Атр, указывая на незнакомое существо.— Что это за животное?

— Это? Птица, хозяин.

Приоткрыв рот, Атр наблюдал, как «птица» описывает круг над озером. Хлопающий звук издавали длинные конечности, с помощью которых существо держалось в воздухе. Внезапно оно спикировало вниз и нырнуло в воду.

— Поразительно! — воскликнул Атр.— Никогда еще такого не видел!

Теперь пришла очередь Коэны уставиться на него с разинутым ртом.

Атр покачал головой. В других Эпохах он повидал много разных птиц, но ни одна из них не была похожа на этот каприз природы. Существо напоминало скорее грызуна, чем пти-

цу, казалось слишком тяжелым для полета, а его поросшие шерстью конечности невозможно было представить в роли крыльев.

«Как же отец описал ее? — гадал Атр.— Зачем ему понадобилось создавать этот гибрид? Или он был вынужден так поступить?

Он взглянул на Коэну.

— Идем,— произнес он, не в силах отделиться от мысли, что отец намеренно сотворил нелепое существо.— Давай спускаться. Отец рассердится, если мы заставим его ждать.

Ген заканчивал завтрак, восседая за столом, покрытым плотной алой скатертью с золотыми кистями. Он ел из золотого блюда, рядом высился золотой кубок. За его спиной стоял на подставке шелковый стяг с символом Д'ни, резко чернеющим на белоснежном фоне. Атр шагнул в шатер и огляделся, отмечая повсюду показную роскошь. В дальнем углу шатра помещалось массивное деревянное ложе с резным изголовьем — творение здешних мастеров. Рядом стояла ширма Д'ни, расписанная золотыми, синими и красными узорами.

Атр шагнул вперед.

— Ты звал меня, отец?

— А, это ты, Атр...— протянул Ген, вытирая губы шелковой салфеткой и небрежно отбрасывая ее в сторону.— По-моему, тебе следует продолжить учебу, Атр.

— Что я должен делать, отец?

Ген помолчал, затем поднялся, взял сына за руку и подвел к низкому столику в углу

шатра, на котором была расстелена большая карта острова.

Протянув руку, Атр коснулся указательным пальцем нижнего левого угла карты.

— Где это место?

— Исчезло,— странно покосившись на него, ответил Ген.

— А вот это? — Атр указал еще на один островок, поменьше, сразу за проливом.

— Он исчез.

Атр поднял голову.

— Как же это произошло?

Ген пожал плечами.

— Значит...— Атр потрянул головой.— Значит, вот чем я должен заняться? Тем, что исчезает?

— Нет, Атр. Я хочу, чтобы ты просто наблюдал.

Атр снова перевел взгляд на карту. Все остальные ее детали, вплоть до самых мельчайших, в точности совпадали с его наблюдениями, сделанными во время прогулок по острову.

Ген отошел к своему столу и, открыв кожаный футляр, принесенный из Д'ни, достал оттуда тонкий блокнот и протянул его Атру.

— Возьми.

Атр открыл блокнот, недоуменно взгляделся в строки и повернулся к отцу.

— Что это?

— Ты видишь перед собой несколько фраз из книги Тридцать Седьмой Эпохи. Я хочу, Атр, чтобы ты попытался установить, с каки-

ми приметам этой Эпохи они соотносятся, как и почему создают характерные для них последствия.

— Ты хочешь, чтобы я проанализировал эти последствия?

— Нет, Атр. Я хочу, чтобы ты проследил связь между словами, записанными на странице, и сложной реальностью — живой, материальной Эпохой, которую они создают. Видишь ли, наше Искусство отличается достаточной точностью, но его последствия часто бывают поразительными — благодаря сложности взаимоотношений, возникающих между предметами и явлениями. Значение одной фразы может быть изменено, стоит добавить в книгу несколько других фраз — часто эти изменения становятся настолько глубокими, что прежнее описание не находит связи с реальностью. Вот почему Д'ни с таким вниманием относятся к противоречиям и расхождениям. Несоответствия способны погубить Эпоху. Слишком часто она просто разваливается, не выносит напряжения, возникающего при попытке совместить противоречивые приказы.

Атр кивнул.

— Но если ты говоришь правду, как я могу судить, связаны ли предметы моих наблюдений с какими-либо из фраз в этой книге? Что, если конечный результат исказили другие фразы?

— Это ты и должен выяснить.

— Но в моем распоряжении всего-навсего несколько фраз...

Ген уставился на него, приподняв бровь, словно давая понять, что его сын должен сам во всем разобраться.

— Ты хочешь сказать, я должен догадаться?

— Не догадаться, Атр, а предположить. Я хочу, чтобы ты попробовал разгадать тайну этого мира. Перейти от реального мира к словам и попробовать понять, почему возникают те или иные явления. В конце концов ты поймешь: каждая мелочь здесь не менее важна, как малейший завиток в начертании слов Д'ни. По правде говоря, многие из моих опытов за долгие годы касались вот этих самых фраз. Наблюдая, я многому научился, Атр, и теперь мой опыт должен усвоить ты.

— Да, отец.

— Тогда ступай. Если хочешь, возьми карту — мне она больше не нужна.

Атр сидел на лугу над озером со сложенной картой и отцовским блокнотом. Высокая трава окружала его, скрывая из виду, — заметить Атра мог лишь тот, кто работал на склонах на другом берегу озера, но сейчас, в полдень, жители деревни обедали в своих хижинах.

Он начал с простейшей из двадцати фраз, переписанных для него отцом, — той, что была связана с составом здешней почвы. По своему опыту Атр знал, как важно, чтобы почва соответствовала Эпохе. Тучная, богатая питательными веществами и минералами земля

давала щедрые урожаи, и это позволяло жителям Эпохи тратить меньше времени на утомительную культивацию. Состав почвы был жизненно важен: у народа, которому не приходится гнуть спину от зари до зари, чтобы иметь кусок хлеба, быстро развивается культура, ибо культура в понимании Атра — результат достатка.

Он часто припоминал время, проведенное в расщелине, и понимал, насколько прав в своем предположении. Если бы Анна родилась и выросла в пустыне, они вряд ли сумели бы выжить. Будь они всего-навсего земледельцами, им никогда не хватало бы еды, ибо в расщелине не доставало места, семян, воды — не доставало того, что обеспечивает выживание. Но Анна была талантливым художником и скульптором, и по иронии судьбы именно эти ее способности помогли им остаться в живых: на свои изделия Анна выменивала соль, семена, муку, керосин и те безделушки, которые помогали им скрасить жизнь. Иначе они давно бы погибли.

Однако он выжил и вырос в этом сухом пустынном месте. Ум и способности Анны питали его, помогали созреть.

Только теперь Атр понял это.

Почва... значит, все сводится к почве. Рост начинается не на свету, а во мраке, в глубине земли.

Атр улыбнулся и снова заглянул в книжку, перечитывая фразу Д'ни. По всем признакам почва здесь должна быть щедрой и плодород-

ной, однако собственные наблюдения помогли ему установить: что-то влияет на ее состав. Повышенная кислотность также наводила на размышления.

Он пожалел, что отец не дал ему всей книги описаний, ограничившись самыми общими фразами. Атр знал, как бдительно отец следит за своими книгами.

Он уже собирался обдумать возникшие вопросы, как вдруг услышал где-то позади сдавленный крик. Отбросив карту, Атр вскочил и оглядел луг.

И ничего не увидел — по крайней мере, поблизости. Он сделал несколько шагов вперед. Не почудился ли ему этот крик?

Но звук раздался вновь — чей-то голос звал на помощь.

Атр бросился в том направлении, откуда раздавался крик, и остановился в изумлении. Прямо перед ним в густой траве чернел узкий провал шести футов в поперечнике и пятнадцати в длину. Еще несколько минут назад здесь не было никакого провала.

Он осторожно ступил на край, опасаясь свалиться вниз, и взгляделся в темноту. В провал угодила девушка — та самая, которую Атр видел в первое утро после прибытия. Она стояла по колено в рыхлой черной земле на глубине восьми — десяти футов.

— Не бойся, я вытащу тебя, — сказал Атр.

Он огляделся, понимая, что ему не обойтись без веревки, длинной ветки или чего-нибудь подобного, чтобы вытащить пленницу

из ямы. Пока он стоял, слышался негромкий шорох — земля струйками скатывалась с краев провала.

Опушка ближайшего леса находится на расстоянии пятидесяти ярдов отсюда. Пока он добежит туда, сломает ветку и вернется, девушка может оказаться засыпанной землей.

Оставался только один выход.

Атр присел на край провала, а затем начал спускаться, на ощупь находя опору для ног.

— Хватайся! — крикнул он девушке. — Постарайся ухватиться за ногу!

Он ощутил, как что-то коснулось его сапога. Слишком высоко. Он спустился ниже и почувствовал, как руки девушки обхватили его щиколотку.

— Молодец! — воскликнул Атр, радуясь тому, что девушка оказалась легкой как перышко. — Вот так. Теперь держись крепче и не дергайся, иначе мы оба свалимся вниз!

Напрягая все силы, Атр подтянулся к краю провала, лег на него грудью, осторожно повернулся и схватил девушку за запястья, помогая ей преодолеть последние несколько футов.

Дрожа, она упала рядом с ним на траву, не отводя испуганных глаз от черной раны в земле, которая едва не поглотила ее.

— С тобой все в порядке? — спустя несколько минут спросил Атр.

Девушка сделала движение, словно собираясь кивнуть, но тут же отрицательно покачала головой.

Некоторое время Атр смотрел на нее, затем

принес карту, книжку и плащ, который набросил на плечи девушки.

Она благодарно взглянула на него и снова посмотрела в сторону провала.

— Что это? — дрожащим шепотом спросила она.

— Не знаю, — отозвался Атр задумчиво, вспомнив исчезнувшие острова на карте. И добавил про себя: «Но, возможно, знает мой отец».

Ген снял с шеи крохотный ключик на тонкой цепочке, подвинул к себе большой кожаный футляр и отпер его.

— Я ухожу всего на несколько часов, — объяснил он, взглянув на Атра, стоящего по Другую сторону стола рядом с девушкой. — Она останется здесь со слугой, пока я не вернусь. А ты будешь молчать, понял, Атр? Не хочу, чтобы островитяне начали паниковать. Случившемуся есть объяснение, и я найду его.

Атр кивнул.

— Вот и хорошо, — сказал Ген, убирая в футляр книги и бумаги.

— Отец...

— Что, Атр?

— Сегодня днем я собирался порыбачить и уже договорился с одним из рыбаков. Мне отменить поездку?

Ген задумался.

— Нет. Веди себя так, словно ничего не произошло. Но постарайся не задерживаться

надолго. Ты понадобишься мне сразу по возвращении.

— Хорошо, отец.

— А теперь иди и пришли сюда слугу. — Он повернулся к девушке. — А ты... сядь вон там, в углу. И немедленно сними плащ. Только Д'ни имеют право носить такую одежду!

Атр направился к гавани. Лодка, на которой он собирался выйти в море, принадлежала старому рыбаку по имени Таркук. Его сын Бирили был немногословным коренастым юношей. Он едва удостоил Атра взглядом, когда тот прыгал в лодку, а затем вообще перестал замечать его.

По каналу, прорубленному в камне, они вышли в открытое море, где на лодку сразу же налетел ветер, и она закачалась на волнах. Таркук сидел на корме, положив на руль бронзовую от загара руку и зажав в желтых зубах короткую глиняную трубку, Бирили ставил мачту и разворачивал парус.

Атр наблюдал, как парусиновое полотнище наполнилось ветром и округлилось, вырывая веревку из рук Бирили. Лодка развернулась и медленно начала набирать скорость, ныряя с волны на волну и обходя выступающий мыс острова.

Перегнувшись через борт, Атр взгляделся в чистую, прозрачную воду. Вблизи острова сквозь водную толщу еще можно было рассмотреть морское дно — ровное, покрытое

слоем водорослей, придающих ему вид заросшей лесом равнины.

Где-то поблизости находился второй из мелких островков — впрочем, достаточно большой, чтобы Ген счел необходимым отметить его на карте. А теперь островок исчез.

Что же это значит? Что происходит здесь, в Тридцать Седьмой Эпохе?

Атр вдохнул воздух, чувствуя острый запах морской соли. Жители деревни брали пресную воду из родников на окрестных холмах и из единственного колодца, находящегося как раз позади шатра Гена.

На последнее они осмеливались лишь в отсутствие Гена.

Остров медленно удалялся, еще заслоня собой линию горизонта. Впереди простиралось море. У самого горизонта его застилала дымка.

— Что там? — спросил Атр, указывая вперед.

— Где? — спросил Таркук, наклоняясь вперед и пытаясь заглянуть за парус, словно на воде и впрямь могло оказаться нечто странное.

— Это туман...

Старик некоторое время смотрел вдаль, а затем отвернулся и сплюнул за борт.

— Просто туман. Там кончается море.

Атр нахмурился.

— Но ведь там, за туманом, должно что-то быть.

Таркук промолчал.

Когда они подплыли поближе, Атр разгля-

дел этот плотный барьер, образующий изогнутую стену вокруг острова.

«Непонятно... — задумался Атр. — Судя по виду, море там и вправду заканчивается».

Когда они обогнули остров, то увидели другие лодки, стоящие на якорях в миле от берега.

Таркук присоединился к ним, велел сыну убрать парус и занять свое место в овальном строю.

Распутывая мелкаячеистую сеть, старый рыбац оглянулся.

— Хочешь порыбачить, хозяин?

— Нет, спасибо, я только посмотрю.

Кивнув сыну, Таркук умелым движением рук забросил сеть в море, ухватив рукой только завязанный узлом конец веревки. Сеть медленно отошла вправо. Едва веревка натянулась, Таркук дернул ее на себя. В это время Бирили забросил свою сеть по другую сторону лодки. Его поза и движения настолько напоминали отцовские, что Атр едва сдержал смех.

Старик подтянул сеть к борту, нагнулся и начал вытягивать ее из воды.

Широко раскрыв глаза, Атр подался вперед. Среди тускло-серых нитей сверкало живое, колышущееся серебро. Сеть наполняли сотни серебристых рыбешек длиной не больше ладони Атра. Едва Таркук вытащил на палубу всю сеть, Бирили с другой стороны начал подтягивать свою.

Это так просто, думал Атр, наблюдая, как Таркук принес с носа лодки одну из больших прямоугольных плетеных корзин, а затем,

встав на колени, принялся горстями зачерпывать рыбу из сети и бросать ее в корзину.

Стараясь не мешать ему, Атр шагнул ближе и заглянул в корзину. Казалось, перед ним сундук, полный серебра — только серебро это было живым.

Он накрыл ладонью одну из бьющихся рыбок, желая рассмотреть ее вблизи, но обнаружил, что его пальцы сжимают пустоту. Рыбка ускользнула.

Атр поднес пальцы к носу и принюхался, скривив губы от незнакомого запаха. Он и не подозревал, что рыба может быть такой скользкой.

Прервавшись, Таркук с любопытством наблюдал за ним. Атр заметил его взгляд и улыбнулся, но старик лишь дернул уголком рта, а потом отвернулся, вновь взявшись за дело.

— Похоже, здесь хватит рыбы, чтобы накормить всю деревню,— произнес Атр.

— Ты думаешь? — Старик пожал плечами.— Если не считать головы, костей и чешуи, в этой рыбе почти нечего есть. Чтобы хоть немного заморить червячка, понадобится несколько десятков такой мелюзги. И потом, мы не только едим рыбу — мы делаем из нее жир для светильников.

Атр кивнул.

— А из чего сделана ваша одежда?

— Из льна.

— Что такое лен?

— Трава, что растет на острове. Мы собираем ее, сушим, а потом ткем.

Атр видел это растение, но не подозревал,

как островитяне используют его, и теперь еще один осколок мозаики в его голове встал на свое место. Рыбьим жиром заправляют светильники, из волокон льна ткут одежду. Не забыть в книге описать рыбу и лен!

Он ощутил прилив восхищения Генном: устройство этого мира оказалось простым, но разумным.

— Мы можем заплывать еще дальше?

— Дальше? — Казалось, вопрос удивил старика.

— Да, туда, где начинается туман.

Таркук уставился на него. Его лицо вдруг напряглось, губы сжались.

— Зачем?

— Я хочу увидеть этот туман,— терпеливо объяснил Атр, стараясь сдержать раздражение из-за ответа рыбака.

Он заметил, что и Бирили перестал тянуть сеть и удивленно обернулся к ним.

— Там слишком быстрое течение,— заявил Таркук и отвернулся, словно считая вопрос решенным.

— Ерунда! — выпалил Атр, вдруг поняв, в чем дело. Они попросту боялись тумана, испытывали перед ним суеверный страх.

Он смотрел, как Таркук и его сын выбирают улов из сетей. Когда корзины были наполнены, а сети свернуты и уложены под скамью, Бирили поднял якорь и крепко взялся за веревку, едва парус наполнился ветром.

Пока они плыли между другими лодками, Атр замечал недоуменные взгляды других рыбаков.

Не обращая внимания на пронизывающий взгляд Таркука, он подошел к борту лодки и опустил ладонь в воду, отметив, какая она теплая. Ветер утих, но лодка по-прежнему подсакивала на мелких волнах.

Спереди приближалась стена тумана.

Атр опять сунул ладонь в воду и вдруг резко выдернул ее.

Вода оказалась ледяной!

Он присмотрелся. Здесь вода была более темной, разглядеть дно сквозь нее не удавалось. Атр испытал внезапный прилив страха при мысли, что они плывут над бездной не меньше мили в глубину.

Атр перевел взгляд на парус. Ветер совершенно утих. По всем правилам лодка должна была остановиться, но теперь она двигалась быстрее, чем прежде.

Течение, подумал Атр. Он оглянулся на рыбаков — и Таркук, и его сын с закрытыми глазами стояли на коленях, по-видимому молясь.

Стена тумана медленно приближалась, заполняя все небо. Воздух стал холодным. Внезапно лодка развернулась параллельно огромной белой стене и заскользила вдоль нее.

Атр схватил старого рыбака за руку.

— Таркук, послушай! Надо что-то делать!

Таркук открыл глаза и уставился на Атра, словно не узнавая его.

— Делать?

— Да! — выкрикнул Атр, огляделся и указал на весла, лежащие на дне лодки. — Берись за весла! Мы еще сможем спастись!

Таркук медленно покачал головой, но Атр не позволил ему поддаться страху. Схватив рыбака за плечи, он с силой встряхнул его.

— Очнись, я приказываю! Начинай грести!

Придя в себя, Таркук взглянул в глаза Атру и наклонил голову.

— Как будет угодно хозяину.

Он неловко поднялся и, повысив голос, начал отдавать приказы сыну. Сначала Бирили слушал их нехотя, словно душой и телом уже смирился с гибелью в пучине. Затем, двигаясь как лунатик, он взялся за весла и сел.

— Я помогу,— предложил Атр, садясь рядом.

Ему часто приходилось плавать в лодке отца, чтобы научиться грести, и Атр понимал: если они не приложат все силы, надеяться на спасение нечего.

— Навалились! — крикнул он, пытаясь взбодрить спутников.— Гребите, если хотите остаться живыми!

Они налегли на весла, борясь с течением и стараясь повернуть лодку к острову. Некоторое время всем троим казалось, что течение непреодолимо, что все их усилия тщетны, но постепенно стена тумана начала удаляться.

Напрягая все силы, они гребли, продвигаясь дюйм за дюймом по темной поверхности воды, а стена тумана уходила все дальше, пока наконец едва живые от усталости гребцы не заметили, что вновь оказались в спокойных водах.

Атр выпрямился и запрокинул голову, глядя в небо. Каждый мускул его тела неми-

лосердно ныл, однако чувство победы пересиливало боль.

— Отличная работа! — произнес он, рассмеявшись. Но Таркук и его сын молчали, и это молчание было странным и многозначительным.

— В чем дело? — спросил Атр спустя минуту, коснувшись руки Таркука. Тот вздрогнул от его прикосновения, как от удара.

Атр заморгал. Что произошло? Разве он чего-нибудь не заметил? Разумеется, он совершил ошибку, но ведь они выжили! Он заставил своих спутников бороться за жизнь, заставил их грести, когда они уже были готовы сдаться.

Он встряхнул рыбака за плечо.

— В чем дело? Отвечай! Я должен знать!

Коротко взглянув на Атра, Таркук отвел глаза.

— Мы обманули Туман.

— Обманули? — Атр недоверчиво рассмеялся.— О чем это ты?

Но старик ничего не ответил. Бирили медленно поднялся и, поправив парус, развернул лодку к острову.

Обратный путь прошел в молчании.

Когда они выбрались из лодки и стали подниматься по ступеням, Атр снова попытался заговорить с Таркуком, но старик вел себя так, словно не узнавал его.

Атр раздраженно дернул подбородком. Да что произошло? Неужели он что-то упустил?

Он был обязан выяснить, в чем дело, пока не вернулся отец.

Атр торопливо перешел через мост, беспокойно поглядывая на сгущающиеся над головой тучи, а затем побежал вверх по склону к шатру отца.

Удивленный внезапным появлением Атра, Коэна поспешно поднялся и слегка поклонился, еще не решив, как вести себя с сыном Гена.

— Молодой хозяин, с тобой все хорошо?

Девушка сидела поблизости на земле, уставившись на Атра.

— Нет,— бросил Атр, проходя мимо Коэны и усаживаясь в кресло отца.

— Что случилось, хозяин? — Коэна подошел и остановился перед ним.— Снова появились провалы?

— Нет. Но я хочу кое-что понять.

— Что же, хозяин?

Помедлив, Атр произнес:

— Случилось нечто важное, когда я был в море. Старик сказал, что мы обманули Туман.

— Значит, ты был там! — выдохнул Коэна.

— Где это «там»?— спросил Атр, заранее зная ответ, но желая услышать его из уст слуги.

— У Стены Тумана.

Атр кивнул.

— Да, мы попали в быстрое течение, но вырвались из него.

У Коэны отвалилась челюсть.

— Не может быть...— тихо пробормотал он.

— В чем же дело? — потребовал Атр.—
Что случилось? Или я чего-то не понимаю?

Коэна умоляюще уставился на Атра.

— Говори же,— велел Атр,— или тебе прикажет говорить мой отец!

Слуга вздохнул и нехотя произнес:

— Этот Туман... он был нашим повелителем, пока не появился твой отец.

И он замолчал. В тишине послышался отдаленный раскат грома.

Атр тоже некоторое время молчал, собирая воедино новые сведения, а затем снова вскинул голову, пристально глядя на Коэну.

— И мой отец ничего об этом не знает?

— Ничего.

— А старик и его сын... что теперь будет с ними?

Коэна потупился, явно не желая ничего объяснять, но Атр был настойчив.

— Пожалуйста, скажи мне. Это очень важно.

Пожав плечами, слуга произнес:

— Они погибнут — так же наверняка, как если бы остались там.

Атр потупил голову. Теперь, когда он все понял, нелепые суеверия Коэны вызвали в нем холодный гнев. Гнев придал ему силы. Атр вскочил. Теперь он знал, что должен делать.

— Слушай меня,— с отцовской повелительностью в голосе приказал он.— Пойди и приведи жителей деревни. Вели им собраться возле хижины моего отца. Пришло время поговорить с ними.

Тучи быстро заволакивали небо. Атр поднялся по ступеням хижины и повернулся лицом к ждущей толпе. В землю ударили первые капли дождя. Перед хижинной собрались все жители острова — кроме Таркука и Бирили. Атр нервно глотнул и, подняв руки, как делал отец, заговорил, стараясь, чтобы его голос, лишенный мощи и властности Гена, звучал так же внушительно.

— Сегодня днем мы были у Стены Тумана. Мы попали в течение и вернулись...

В толпе поднялся недоверчивый ропот. Люди переглядывались в глубоком волнении.

— Нам удалось обмануть Туман, и именно потому я позвал вас сюда.

Он сделал паузу и огляделся, надеясь, что выполнить его обещание для Гена не составит труда.

— Я понимаю ваши опасения,— продолжал он,— но хочу доказать, что власть Тумана иссякает. Разве не подплыл я к самой Стене и не вернулся? Разве Туман сумел завладеть мною? Нет! Когда мой отец, а ваш повелитель вернется, мы отправимся с ним за Стену Тумана.

Эти слова были встречены общим возгласом недоверия и ужаса.

— Это невозможно,— ответил Коэна от имени всех собравшихся.

— Ты мне не веришь? — Атр шагнул вниз и встал вплотную к говорившему.

Тот замолчал и опустил голову. В небе раздался первый негромкий раскат грома. Черные тучи отбрасывали на холмы резкие тени.

Атр взглянул в небеса и сказал:

— Все будет хорошо.

В этот момент молния прошила тучи над головами, а затем ослепительная голубовато-белая вспышка появилась над соседним холмом. Атр перевел взгляд на толпу и увидел, что жители деревни в ужасе попадали на землю.

— Не бойтесь! — воскликнул Атр, повышая голос.— Это просто гроза!

Словно в ответ на его слова последовала новая слепящая вспышка, и одно из деревьев на дальнем берегу озера рухнуло, объятые пламенем.

— Туман недоволен! — крикнул кто-то из толпы.— Он ищет тебя!

Атр сердито повернулся. Надо сразу пресечь подобные мысли!

— Чепуха! — ответил он.— Это всего-навсего гроза!

Но его никто не слушал. Островитяне рвали на себе волосы и выли, словно предчувствуя, что сейчас случится нечто ужасное.

И когда очередная вспышка пронзила темное небо, наполняя сырой мрак электрическим шипением, Атр увидел, что по улочке между хижинами быстрым шагом идет Ген, направляясь к мосту.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Атр стоял перед отцом. Дождь что есть силы барабанил по холсту шатра над их головами. Перепуганные островитяне разбежались по хижинам, но Ген был не в настроении удерживать или успокаивать их. Он восседал в кресле и в упор смотрел на сына, вцепившись обеими руками в край стола.

— Ты говоришь, в деревне возникли беспорядки. Чем они были вызваны?

— Мне захотелось взглянуть на Стену Тумана, и мы подплыли к ней.

— Ты видел темное течение?

Атр вскинул голову, удивленный тем, что отцу известно о течении. Кивнув, он рассказал отцу обо всем, что произошло в его отсутствие. Дослушав, Ген задумчиво уставился на него, разжал пальцы и откинулся на спинку кресла.

— Жаль, конечно, но, похоже, опыт с этим миром не удался. Равновесие здесь оказалось неустойчивым.

— В каком отношении?

— Этот остров — своего рода пьедестал.

Массивный каменный пьедестал, поднимающийся со дна океана, который окружает его со всех сторон — неизмеримо глубокий и холодный.

Атр нахмурился.

— Но вокруг острова вода остается теплой, а на холмах есть пресные ключи.

— Пресная вода поднимается глубоко из-под земли, воду в море согревают геотермальные источники, и они же создают Стену Тумана — там, где горячие воды встречаются с холодными океанскими течениями.— Ген задумчиво кивнул.— Как видишь, это настоящий остров во всех отношениях. Он отрезан от остального мира, как и его жители, однако они ухитряются выживать.

— Но на острове происходят странные события.

— Вот именно. Эта Эпоха медленно разлагается — пока не могу понять почему, но это так. Я всеми силами пытался найти выход, однако без нового описания Эпохи разложение может зайти еще дальше.

— А трещины, отец? Откуда они берутся?

Ген пожал плечами.

— Должно быть, в верхних слоях образуются разломы. Возможно, именно поэтому исчезли два небольших острова.

— Ты сможешь остановить появление разломов?

Ген взглянул на него.

— Разумеется. Если дальше будет еще хуже, я что-нибудь придумаю. А пока у нас

есть немало других дел — например, то, что островитяне называют Стеной Тумана. Давай сначала разберемся с ней, а затем займемся остальным.

Ген склонился у провала на лугу, не замечая ливня.

Он провел много часов, пытаясь найти нужные слова в древних книгах, но по какой-то необъяснимой причине слова не действовали.

Он поднялся, отвел со лба прилипшие волосы. Надо каким-то образом изменить структуру почвы, но как именно, он не знал. Еще досаднее была другая мысль: теперь, когда он считал, что наконец-то все понял, оказывалось, он опять впал в заблуждение — и осознал, что оказался далек от понимания основных незыблемых принципов Д'ни.

Где-то должно быть записано объяснение! Но Мастера из Гильдии были слишком предусмотрительны. Подобные тайны передавались из уст в уста, из поколения в поколение. У Д'ни просто не существовало книги с готовыми формулами. Вот почему Ген постоянно рылся в старых книгах, ловил любые намеки, подолгу изучал фразы, которые наилучшим образом описывали то или иное явление. Но он нигде не находил объяснений, почему одни фразы действуют, а другие — нет.

Ген раздосадованно хмыкнул, повернулся в кресле и только тогда увидел, что его слуга стоит рядом, съездившись в насквозь промокшем плаще.

— Что тебе?

— Я... я только хотел спросить, приготовить ли вам ужин, повелитель.

Поморщившись, Ген отослал слугу нетерпеливым взмахом руки. Он не мог в такую минуту думать о еде.

Ген уставился на просвет между соседними холмами. Если бы ему только удалось уничтожить Стену Тумана!..

Вдруг он негромко рассмеялся. Ну разумеется! Разгадка все это время была у него под носом! Океан! Надо всего лишь согреть океан!

— Эй, Один!

Слуга приблизился и выжидательно застыл перед ним.

— Да, повелитель?

— Передай Атру, что я вернусь через час. А пока пусть жители деревни приготовятся к пиршеству — такому, какого они еще не видели!

Атр стоял у моста, наблюдая за поглощенными работой островитянами и обдумывая слова отца.

Решение Гена отказаться от упорядочивания этой Эпохи стало тяжким ударом для Атра: почему-то он считал себя в ответе за этих людей. Они не виноваты в том, что в почве острова появились разломы. И если этот мир и вправду постепенно разлагался, долг отца и самого Атра, как повелителей Эпохи, позаботиться о благополучии ее обитателей.

Атр вздохнул и побрел прочь, осознавая, как многое изменилось за считанные часы и что островитяне стали иначе к нему относиться. Прежде они всеми силами старались угодить ему, но теперь даже в том, как они накрывали дощатый стол и готовили еду, чувствовалось недовольство, даже враждебность.

Если б только он мог что-нибудь сделать...

Он вдруг застыл на месте, а затем обернулся и взглянул вверх, на хижину старухи у вершины холма. Его неожиданно осенила мысль — способ одновременно вновь завоевать доверие островитян и усовершенствовать свои познания в письменах Д'ни.

Что, если он останется здесь, не вернется на К'вир? Если убедит отца позволить ему продолжить наблюдения за этим миром — и не на несколько дней, а на целые месяцы, может, даже годы? Тогда он мог бы сделать пристройку к хижине и разместить там лабораторию...

Да, но согласится ли Ген?

Атр вынул карту и осмотрел ее, обводя кружок озера кончиками пальцев. Он знал способ убедить отца, но для этого требовалось пойти на риск. Чтобы развеять сомнения Гена, следовало доказать, что он, Атр, не зря провел здесь последние несколько месяцев.

Он испустил длинный, прерывистый вздох. «Все это хорошо, а если отцу не понравится то, чем я занимался? Если он сочтет, что я еще не готов к работе?»

По правде говоря, Атру и самому еще не хотелось показывать Гену Эпоху, которую он

постепенно создавал в книге. Он хотел сам убедиться, что все в ней устроено правильно и подробно, прежде чем приняться за настоящую книгу описаний, но если это означало пренебрежение к судьбам нынешней Эпохи, к судьбам Коэны, незнакомой девушки и старухи, которая присматривала за ним, стоит ли начинать?

Он свернул карту и убрал ее, а затем еще долго стоял, водя по верхней губе кончиком языка.

«Как поступила бы на моем месте Анна?»

Он заранее знал ответ: она осталась бы здесь, попыталась бы помочь этим людям.

Значит, так тому и быть. Остается лишь убедить отца.

Ген вернулся тем же вечером, как и обещал. Он появился на гребне холма на закате. Выделяясь черным силуэтом на фоне кроваво-красного светила, он поднял руку и велел островитянам собраться внизу, у холма. Его голос гулко разнесся над безмолвным озером.

— Смотрите! — сказал он, указывая вдаль, за холмы.— Стена Тумана исчезла! Тумана больше нет!

Островитяне столпились на холме. В оранжевом свете заката перед ними открылся безбрежный океан. Повернувшись к Гену, они с ропотом благоговения бросились к нему и повалились на колени, не осмеливаясь поднять глаза. Ген направился к ним.

Атр наблюдал эту сцену со ступеней хижины.

Когда отсутствие отца затянулось на несколько часов, он встревожился, но затем все понял. Ген делал новую запись в Книге Тридцать Седьмой Эпохи, описывал нечто незримое, таинственное, чтобы избавиться от Стены Тумана.

Спустившись, чтобы встретить отца в гавани, где шли приготовления к пиршеству, Атр ощутил холодок в животе. Он решил сегодня же просить у Гена разрешения остаться здесь, чтобы разобраться во всем как можно тщательнее.

Атр вздохнул, проходя по мосту. Если Ген откажет ему, значит, так тому и быть. Он не имеет права послушаться отца.

Никем не замеченный, Атр вышел на берег гавани. Взгляды островитян были устремлены в сторону холма. Они наблюдали, как Ген спускается к ним в пышных одеяниях из бархата и кожи.

Когда Ген появился перед расступившейся толпой, его слуга Коэна вышел вперед, чтобы поприветствовать своего господина. Он низко поклонился и рассыпал горсть крошечных желтых лепестков у ног Гена.

Ген смерил его холодным и властным взглядом, а затем, заметив Атра, жестом подозвал его.

— Что, отец? — тихо спросил Атр, замечая странное выражение на лице Гена, но тот ничего не ответил. Повернувшись к толпе, он снова поднял руку.

— Отныне не смейте упоминать про Стену или Туман. С этого часа запрещены оба этих слова! А теперь давайте веселиться. Будем праздновать новый отсчет времени!

Атр уставился в спину отцу, удивляясь, что он хотел сказать этим.

Когда островитяне рассаживались за длинными столами, Атр заметил, с каким трепетом они поглядывают на Гена, не смея еще верить в свершившееся чудо.

Было уже поздно, когда жители деревни наконец разбрелись по домам. Расправляя свою постель в углу шатра, Атр видел, как его отец вышагивает туда-сюда у входа, а огонек его трубки светит сквозь плотные шелковые полотнища. С тех пор как Ген вернулся, им так и не удалось поговорить, а у Атра уже накопилась добрая дюжина вопросов, однако он чувствовал: время задать их еще не пришло. Кроме того, он устал, и разговор мог подождать до утра.

Едва он улегся, повернувшись лицом к стене шатра, как почувствовал острый аромат дыма из трубки Гена. Приподнявшись, Атр увидел, что отец стоит над ним.

— Завтра мы должны уйти отсюда.

— Уйти?

— Да, у меня есть немало дел в других местах. Очень важных дел.

Атр помедлил, а затем сел, взглядываясь в полутьме в лицо отца.

— Я хотел спросить тебя...

— Спрашивай.

— Я думал, что мог бы помочь тебе... если бы провел длительные наблюдения на этом острове. Возможно, островитяне согласились бы построить для меня хижину. Я бы перенес сюда свои вещи с К'вира, устроил бы лабораторию...

— Нет.

— Нет? Но ведь...

— Никаких «но», Атр.— Ген круто повернулся.— О том, чтобы ты остался здесь один, без присмотра, не может быть и речи. Безрасудство не входит в мои планы.

— Но если мы сможем понять, почему здесь происходят эти странные события...

— Не к чему, Атр, так что не настаивай. У меня есть дела поважнее этой жалкой Эпохи.

— Тогда зачем же ты дал мне фразы из Книги описаний? Почему убрал Стену Тумана, если решил просто покинуть эту Эпоху?

— Ты сомневаешься в целесообразности моих действий, Атр?

— Нет, если мы сможем понять, что здесь происходит, мы избежим подобного в другом месте.

Атр услышал, как отец недовольно фыркнул, но вместо ожидаемого гневного взрыва последовало молчание.

Атр выпрямился. Белая луна еще висела в небе, но ее свет почти не проникал сквозь плотную ткань шатра. Единственным источником света служил огонек трубки Гена, бросающий голубоватый отблеск на его лицо.

— Отец...

Ген слегка повернул голову, но не ответил. Атр выжидательно замер. Спустя минуту отец подошел к нему поближе.

— Твои слова не лишены смысла, Атр, и они соответствуют моим первоначальным намерениям. Даже если разрушение этой Эпохи пойдет слишком далеко, оно может оказаться полезным в исследовании подобных случаев. Строительство здесь особого помещения для опытов — хорошая мысль, при условии, конечно, что в нем не будут храниться книги или дневники. И все-таки я не могу оставить тебя здесь одного, Атр. Это слишком опасно. Кроме того, ты должен продолжать учебу, а я — посещать другие Эпохи. Я не могу вечно торчать здесь. Вот так-то. Ты останешься на К'вире, но мы время от времени будем появляться в этой Эпохе, и этих посещений тебе хватит, чтобы продолжить наблюдения.

Атр надеялся на большее, однако такому решению отца можно было только радоваться. Его догадка оказалась верной. Ген собирался бросить эту Эпоху на произвол судьбы. Теперь, по крайней мере, у Атра был шанс принести ей хоть какую-то пользу. И если он выяснит, что здесь происходит, возможно, отец начнет доверять ему и предоставит большую свободу.

Но все это впереди. Лежа в постели, он вспоминал изумленное и благоговейное выражение на лицах островитян. Уже погружаясь в дремоту, Атр успел поймать еще одну осевшую его мысль.

Ген нагрел воду в океане...

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Ген отошел на несколько шагов, наблюдая, как Атр вонзил лопату глубоко в заросшую травой землю луга, надавил на нее подошвой сапога, а затем налег на рукоятку, выворачивая пласт дерна и обнажая кусок сырой плодородной земли.

Отбросив лопату, Атр присел на колени рядом с вырытой ямкой. Вынув из кармана кусок темно-синей ткани, он расстелил его и начал выкладывать необходимые инструменты — лопаточки, пипетки, плоские стекла и четыре небольших сосуда с крышками, содержащие различные химические вещества.

Из внутреннего кармана он извлек плоский черный футляр, вытащил четыре длинные стеклянные пробирки и положил рядом с инструментами. Покончив с этим, он сквозь линзы взглянул на Гена.

— Я готов, отец.

Ген вздернул подбородок. На его линзы были опущены матовые фильтры.

— Посмотрим, что у нас получилось.

Атр принялся за работу. Поддев лопаточкой землю, он насыпал понемногу в каждую из пробирок. Затем с помощью пипетки он набрал чистой янтарной жидкости из сосуда и влил ее в первую пробирку, взбалтывая смесь.

Поднеся пробирку к глазам и посмотрев на свет, он плотно ее закупорил.

Во вторую пробирку он добавил немного светло-голубого порошка из другого сосуда и перемешал содержимое.

Он дважды повторил свои действия, пока все четыре пробирки не оказались заполненными и закупоренными. Довольный, Атр снова взглянул на Гена.

— Кажется, должно получиться.

— Тебе кажется?

Атр потупился.

— Я уверен в этом, но хотел бы повторить опыт еще раз, в лаборатории.

Ген кивнул и отвернулся, запахиваясь в плащ.

— Тогда я загляну к тебе попозже.

С минуту Атр смотрел вслед отцу, а затем начал собирать инструменты. Он ожидал от Гена большего — может быть, улыбки, может, какого-нибудь знака одобрения словом или жестом, но так ничего и не дождался.

Атр заметил, что Салар, деревенская девчушка, наблюдает за ним издалека, и улыбнулся. Он по-братски любил Салар, но сейчас предпочел бы общество кого-нибудь постарше. Из его объяснений девочка ничего бы не поняла.

Но ему не хотелось показаться нелюдимым — по крайней мере, сегодня. Ибо если сегодня его дальнейшие опыты окажутся удачными, он добьется интересных результатов.

Отцу следовало бы гордиться сыном, нашедшим столь изысканное решение проблемы, но Ген оставался Геном. Прошла неделя, прежде чем Ген удосужился прочитать краткую фразу, записанную Атром для Тридцать Седьмой Эпохи.

Пожав плечами, Атр поднялся и огляделся, проверяя, не забыл ли он что-нибудь, а потом, помахав рукой Салар, направился к дому.

Жители деревни выстроили новый дом рядом с хижиной старухи. В нем имелась отдельная комната, где Атр проводил опыты. Ген ждал его, уже разложив собственные инструменты.

— Давай сюда пробы,— велел он Атру.— Я сам проведу анализ.

— Да, отец,— кивнул Атр, протягивая ему футляр.

Когда Атр впервые высказал свою идею, Ген поднял его на смех:

— Такую фразу я искал чуть ли не двадцать лет! А ты утверждаешь, что уже сумел ее найти?

Но дело обстояло несколько иначе. Атр не нашел фразу в книге, а составил ее сам — после восьмимесячного изучения основных принципов. Но Ген не желал слушать объяснений. Его интересовало только — подействует фраза или нет.

Теперь пришла очередь Атра наблюдать, как Ген берет пробы земли и, поместив их на отдельные стекла, рассматривает под большим прибором в золотой оправе, принесенном из Д'ни.

Десять томительных минут Ген почти не шевелился, если не считать легких движений пальцев на винтах прибора, а затем отвел глаза от длинной трубки с линзами внутри и оглянулся на Атра.

— Бактерии изменились.

— Но не все.

Ген молча смотрел на сына, словно ожидая продолжения. Не дождавшись, он поместил второе стекло под объектив прибора.

Атр наблюдал за ним, сдерживая улыбку. Добавление смеси различных бактерий было завершающим штрихом, который оказался решающим. Много лет назад, еще в расщелине, он пытался найти гораздо более простое решение подобной проблемы и потерпел неудачу. А теперь он рассмотрел всю картину в целом, изучил химический и бактериологический состав почвы и добился успеха.

Однако решение было найдено лишь для одной части задачи, и хотя Атр с удвоенной осторожностью предложил его отцу, чтобы не показаться назойливым критиканом чужой Эпохи, все-таки начало было положено. Возможно, после этого отец станет доверять ему, позволит внести в Эпоху и другие изменения.

Атр сгорал от желания увидеть Книгу Тридцать Седьмой Эпохи и подтвердить свою ги-

потезу, обсудить ее с отцом, но помнил, как болезненно относится к подобным разговорам Ген.

Он вздохнул, вспоминая бесконечные часы, которые потратил на изучение проблемы. Пока он не составил представления о качествах почвы, он не понимал всей сложности задачи. Но теперь его знания преобразились в стройную систему. Создавать миры следовало в определенном порядке, и начинать надо было с того, что находилось под почвой.

Ген хмыкнул, снова взглянул в объектив и одобрительно кивнул.

— Неплохо. Ты должен показать мне книгу, в которой нашел эту фразу. Возможно, там есть и другие полезные советы.

Атр потупился. Может, Ген забудет о своей просьбе, отвлекшись чем-нибудь другим?

— Ну хорошо.— Ген оторвался от прибора и начал укладывать его.— Пора возвращаться в Д'ни. На время работа здесь завершена.

— Завершена?

Ген кивнул и захлопнул крышку футляра.

— Пожалуй, мы предоставим эту Эпоху самой себе на пару недель, а потом посмотрим, как здесь развиваются события. К тому времени побочные эффекты уже должны проявиться.

— Какие побочные эффекты?

Но Гену не терпелось вернуться домой.

— Давай, Атр, укладывай свои вещи. Через час мы должны быть дома.

За два дня, прошедших со времени возвращения из Тридцать Седьмой Эпохи, Атр ни разу не виделся с отцом.

Разумеется, он знал, где находится Ген, ибо в ту же минуту, как они материализовались в библиотеке, Ген бросился по лестнице к себе в кабинет и заперся изнутри.

Атр надеялся, что отец выйдет к ужину, но тот не появился ни в этот день, ни на следующий.

К исходу второго дня Атр все еще понятия не имел, чем занят его отец.

Войдя к себе в комнату, Атр вынул из ящика стола дневник и, устроившись на балконе, раскрыл его в самом начале, читая запись, сделанную в девятилетнем возрасте:

«Анна говорит, что расщелина— это «окружающая среда», и среда эта состоит из множества различных элементов, оказывающих влияние друг на друга. Она говорит, что хотя некоторые из элементов находятся не в самой расщелине — скажем, солнце,— однако их влияние следует учитывать, когда мы выращиваем растения. При избытке солнечного света они погибнут, при недостатке — не вырастут. Тогда я спросил ее: как же мы вообще ухитряемся жить здесь?»

Атр присел на балюстраду. Оглядываясь в прошлое, он понимал: они с Анной выжили чудом. Но только сейчас он начинал постигать всю глубину этого чуда.

«Я проделал долгий путь,— думал он,— но

еще не успел узнать и половины того, что знает она».

Атр хотел было присесть к столу и записать в дневник несколько строчек, как вдруг заметил, что посреди комнаты стоит Рий и глядит на него.

Атр уже давно привык к немому слуге и его внезапным появлениям, однако по-прежнему с любопытством размышлял, что известно этому человеку, какие тайны он скрывает.

Убрав дневник в ящик, Атр подошел к слуге:

— У тебя есть записка для меня, Рий?

Рий кивнул и протянул свернутый лист бумаги.

«Наконец-то! — мысленно воскликнул Атр, догадываясь, что отец зовет его к себе.— Что он задумал на этот раз?»

Развернув записку, он быстро пробежал ее глазами. Записка оказалась лаконичной и сухой.

«Немедленно приходи в кабинет».

Атр кивнул слуге, отпуская его, а сам тщательно запер ящик стола, в котором хранил дневник, и поспешил прочь из комнаты.

Ген ждал его в кабинете, расположившись за столом. Возле его локтя возвышалась стопа тетрадей, а еще пять были разложены перед ним.

Атр вздрогнул, узнав тетради — их заполнял он сам!

— Атр! — Ген вскинул голову, не переставая вносить записи в открытую книгу.— Подойди и сядь напротив.

Атр занял стул напротив отца, тем временем Ген закончил фразу и отложил перо.

Посмотрев на сына, Ген указал на тетради.

— Как видишь, я прочел записи во всех твоих тетрадях и отобрал из них пять, на мой взгляд заслуживающих внимания.

Атр ждал в напряженном молчании.

— Я хочу, чтобы ты выбрал одну из них.

— Зачем, отец?

— Пока это всего лишь исписанные словами листы бумаги. Я даю тебе шанс сделать одну из этих тетрадей реальностью.

Атр заморгал.

— Да, я дам тебе чистую книгу Корти'нэа. Выбери одну из тетрадей и как следует перепиши ее в Корти'нэа.

Об этой минуте Атр мечтал уже очень давно, но оказался не готов к ней.

— Ну, так что? — поторопил Ген, нахмурившись.— Которую ты выбираешь?

Атр склонился над тетрадями, отмеченными отцом. Выбор двух из них его искренне изумил. Но главная тетрадь была среди пяти остальных. Атр коснулся ее ладонью.

— Вот эту.

Ген кивнул.

— Неплохой выбор.— Повернувшись в кресле, он взял из стопы за своей спиной одну из больших книг в кожаном переплете и протянул ее Атру.

Атр принял отцовский дар с бьющимся сердцем. У него вдруг пересохло во рту. Книга! Отец дал ему Книгу!

— Будь осторожен, Атр: любая ошибка отразится на Эпохе. Проверь каждое слово, каждую фразу после того, как перепишешь ее. А потом проверь всю Книгу заново. И если ты все-таки ошибешься, сразу же принеси Книгу мне.

Атр склонил голову.

— Да, отец.

— Вот и хорошо. А теперь забирай свою тетрадь и ступай. И еще, Атр...

— Что, отец?

— Можешь добавить в Книгу недавно найденную тобой фразу насчет почвы. Она не причинит вреда твоей Эпохе.

Ген положил Книгу на стол перед Атром и открыл ее в том месте, где на правой странице была пустая рамка. До установления связи рамка оставалась белой — или почти белой, ибо в ней можно было различить хаотическое движение частиц, подобное снегопаду, но едва он проникнет в новую Эпоху, на странице, как по волшебству, появится изображение.

— Хочешь, чтобы я отправился туда первым? — спросил Ген.— Или рискнешь сам?

Несмотря на то что Атр уже много раз уходил в другие миры — так часто, что этот процесс стал для него обыденным,— на этот раз он испугался, потому что эту Эпоху сотворил он сам.

— Ну, так что же? — Ген ждал ответа.

— Я пойду первым,— произнес Атр, глубоко вздохнув и положив правую ладонь на пустую страницу.

Он ощутил треск электрического разряда, словно сквозь его ладонь прошел слабый ток. Вещество страницы втягивало в себя ладонь, и Атр почувствовал, как уходит в быстро разрастающуюся белую поверхность.

На мгновение у него возникло ощущение, что его тело растворяется — так всегда бывало при уходе в Эпоху. А затем с внезапностью, к которой Атру так и не удалось привыкнуть, его окружил мрак.

И, уже сдаваясь этому мраку, он вновь ощутил свое тело и обнаружил себя стоящим на холодной влажной земле внутри пещеры с низким сводом.

Атр с облегчением встряхнулся и отступил в сторону, вспомнив, что отец должен прийти в Эпоху сразу же после него.

Он ждал, что Ген появится в любую секунду, ибо воздух неподалеку приобрел ту самую тягучую плотность, как бывает там, где должен кто-то материализоваться.

Воздух задрожал, и в пещере появился отец.

Ген окинул стены пещеры критическим взглядом.

— Недурно,— подытожил он и сделал глубокий вдох.— Воздух здесь очень свежий.

Атр наблюдал за отцом, понимая, что сейчас ему предстоит выдержать своего рода экзаме́н.

— Полагаю, Книга Уз у тебя с собой?

У Атра отвалилась челюсть. Книга Уз! В волнении он начисто позабыл про нее. Он так привык путешествовать по Эпохам, где Книги Уз уже находились на месте, что даже не подумал взять ее с собой.

Он застонал, чувствуя, как кровь отхлынула от лица.

Ген с усмешкой протянул ему Книгу.

— Ты про нее забыл, но, к счастью, не забыл я.

Атр закрыл глаза. Мысль о том, что по его вине они могли навсегда остаться в Эпохе, заставила его задрожать.

— Мне очень жаль...— начал он, но Ген прервал сына резким жестом, и глаза его яростно блеснули.

— Незачем объяснять мне это, Атр. Жалость — удел идиотов, не способных мыслить. Я был о тебе лучшего мнения, но эта возмутительная небрежность — свидетельство твоей незрелости. Тебе следовало помнить только об одной, самой важной вещи, но как раз ее ты и забыл! — Ген раздраженно фыркнул и потряс Книгой перед лицом Атра.— А если бы я не захватил с собой Книгу Уз? Что тогда? Что было бы с нами?

«Мы остались бы здесь,— мысленно ответил Атр.— Навсегда».

Ген сунул Книгу ему в руки и отвернулся, разыскивая вход.

Атр последовал за отцом.

— Ну что же,— произнес с расстановкой

Ген, давая возможность Атру догнать его.— Показывай, что ты создал.

Атр повел отца по узкому каменному туннелю, который оказался совсем иным, чем он представлял себе, каким мыслил его, выводя символы в Книге. Туннель вывел их к открытому каменному колодцу, залитому солнцем. Неподалеку блестел пруд, окруженный сочной травой и несколькими валунами.

Выйдя на солнечный свет, Ген опустил на глаза линзы. Долгое время он молчал, словно не одобряя увиденное, но когда заговорил, в его голосе отчетливо слышалось удивление.

— А ведь неплохо, Атр. Ты хорошо подобрал элементы — они идеально дополняют друг друга.— Он повернулся и взглянул на сына, по-прежнему стоящего в тени.— В каких книгах ты их нашел?

Как и прежде, Ген считал, что его сын выбирает различные элементы для своей Эпохи из древних книг — как поступал он сам. Но Атр действовал иначе. Этот мир принадлежал ему, и только ему. Сложнее всего оказалось находить нужные слова Д'ни, чтобы выразить свои мысли.

Вот почему создание Эпохи заняло у него столько времени!

— Я... я не помню,— наконец пробормотал он.— Книг было так много...

— Ладно, это не важно,— перебил Ген, искоса взглянул на сына и зашагал дальше.

Обогнув пруд, Ген оглянулся на Атра и начал подниматься по ступеням. Надвинув на глаза линзы, Атр поторопился за ним, удивленный молчанием отца. Неужели увиденное ничего ему не напомнило? Неужели Ген так и не понял, что он пытался создать?

Атр мечтал сотворить расщелину — разумеется, в упрощенном виде, без строений, но ее форму Атр повторил в точности по своим воспоминаниям.

На полпути к ступеням он остановился, оглядывая расщелину и проверяя, получился ли один ее элемент таким, как он задумал. Некоторое время он пребывал в растерянности, но вдруг заметил слабый голубой блеск в густой тени у пруда. Цветы, мелкие голубые цветы с тончайшими лепестками.

Улыбнувшись, он стал подниматься по ступеням вслед за отцом. Ему понадобилось немало времени и сил, чтобы подобрать вид почвы и сбалансировать в ней минералы, но усилия увенчались успехом!

Ген ждал его наверху, почесывая подбородок и озираясь.

Приблизившись, Атр впервые окинул взглядом собственноручно созданный мир.

Перед ним расстилались округлые холмы и ровные долины, широкие луга и густые, темные леса. Реки текли серебряными нитями по этому зеленому раю, там и сям мерцали голубые глаза озер. Слева, в отдалении, виднелись горы — великаны со снеговыми шапками, а по правую руку зеленые холмы переходили в синевато-зеленую равнину моря.

А над всем этим великолепием блистало голубизной безоблачное небо.

Атр стоял как зачарованный, вслушиваясь в пение птиц, но вдруг вздрогнул, широко раскрыв глаза.

«Птицы? Но я не писал о птицах!»

Отец подошел поближе.

— Тебе следовало экспериментировать смелее.

Атр был удивлен замечанием отца, полностью противоречащим собственному стилю Гена.

— Например, ты мог бы создать иное солнце,— продолжал Ген, указывая на светило,— или выбрать другие породы, составляющие эти горы.

— Но...

— В следующий раз избегай привычных элементов, Атр, иначе твои миры получатся слишкомоднообразными.

Атр понурился, задетый словами отца. А как же этот пейзаж? Разве он не чудесен? А воздух — чем плоха его свежесть? Да, Атр понимал, что его мир слишком прост, но все-таки свое время. И потом, этот мир будет существовать вечно...

— И все-таки,— добавил Ген,— не к чему хранить эту Эпоху. Теперь, когда ты знаешь, что способен творить, я дам тебе другие книги. Можешь экспериментировать с ними. А когда ты создашь Эпоху, которой я буду полностью доволен, ты назовешь ее Первой.

— Но я дал этому миру имя.

— Имя? — Ген пренебрежительно рассмеялся.— Ты поторопился! Конечно, я мог бы понять тебя, будь здесь люди, но...

— Я назвал его Исходом.

Ген внимательно посмотрел ему в глаза, а затем отвернулся. Походя он сорвал лист с куста, растер его пальцами, затынутыми в перчатку, поднес к носу и понюхал, прежде чем отшвырнуть.

— Ну ладно. Нам пора обратно.

Атр, который намеревался спуститься по склону, удивленно воззрился на отца.

— Обратно? Так быстро?

Ген даже не посмотрел на него.

— Да.

— Но я думал...— Атр с трудом глотнул.— Я думал, мы побудем здесь подольше. Мне хотелось взять пробы почвы, поймать какое-нибудь животное. Я надеялся...

— Ты слышал, что я сказал, Атр? Тогда идем. Если хочешь, можешь вернуться сюда в другое время, но сейчас нам пора. Нам предстоит долгие приготовления перед Корфа-В'я.

Атр впервые услышал это слово.

— Что это такое?

— Узнаешь завтра в полдень в Тридцать Седьмой Эпохе,— бросил Ген и направился к пещере.

Оказавшись дома в библиотеке Д'ни, Ген закрыл Книгу Атра и, сунув ее под мышку, направился по ступеням, ведущим к кабинету.

— Живее! —махнул он рукой Атру.— Надо подготовить тебя.

Комната не изменилась с тех пор, как Атр побывал здесь в прошлый раз — разве что стала еще более неопрятной, а пол загромодило еще большее количество книг. Небрежно сброшенный плащ Гена висел на спинке кресла у очага, полного пепла.

Атр заморгал, представляя себе, как отец работает здесь по ночам.

— Садись.— Ген указал на кресло у стола.— До утра у нас еще много дел.

Атр сел. Ген положил его Книгу на край стола, снял линзы и сунул их в ящик.

— Отец...

— Что тебе, Атр?

— Что такое Корфа-В'яа?

Не глядя на него, Ген порывлся на столе, нашел Книгу, достал перо, чернильницу и сел в кресло.

— Это церемония появления нового божества,— ответил он, открывая книгу.

Страницы в ней не были пустыми — их покрывали письма. Со своего места Атр видел, что два последних абзаца на странице были добавлены совсем недавно.

— Не понимаю...

Ген кивнул.

— Разумеется, не понимаешь.

Открыв чернильницу, он вскинул голову и пристально посмотрел на сына.

— Теперь ты — истинный Д'ни, Атр. Ты — Мастер. Ты сотворил Эпоху. Это собы-

тие следует отметить. И потом, нельзя допускать панибратства со стороны жителей наших миров. Им следует постоянно напоминать о нашей божественной сущности, а для этого нет ничего лучше обрядов.

— Да, но...

— К этому случаю я подготовил нечто особенное.

Ген помедлил минуту, полузакрыв глаза, а затем окунул перо в чернильницу.

— Что ты делаешь, отец?

— Вношу изменения.

— Изменения?

Ген кивнул.

— Да, совсем незначительные. Такие, которые нельзя увидеть.

— Значит, это...— Атр указал на Книгу,— Книга Тридцать Седьмой Эпохи?

— Ты не ошибся.

Атр похолодел. Ему казалось, что Ген уже закончил вносить изменения в этот мир, считал Эпоху сложившейся.

— Отец...

Ген раздраженно поднял голову.

— Ну что тебе, Атр?

— Ты посоветовал мне избегать привычных элементов, создавая миры. Объясни, что ты имел в виду? Ты хотел сказать, что мне следует почаще рисковать?

Ген отложил перо.

— Не столько рисковать, сколько... Ладно, буду откровенен с тобой, Атр: ты чересчур осторожен, ты слишком долго удержи-

ваешься на деталях. В этих тетрадах едва ли можно найти ценную мысль! Когда я дал тебе пять из них на выбор, я заранее предвидел, которую ты выберешь — в ней одной описание смутно напоминало описание настоящей Эпохи!

Ген поднялся и оперся ладонями о стол.

— Черт возьми, Атр, к этому времени ты должен был создать уже не меньше дюжины Эпох! Экспериментируй смелее, создавай новое, проверяй, окажется ли это новое полезным. Нудные и утомительные опыты со словами — это не для нас, Атр! Для кого угодно, но только не для нас!

Атр уставился на Гена, ошеломленный явным противоречием в его словах. Неужели отец советовал ему создавать непрочные, зыбкие миры? Или причина здесь совсем в другом?

Ген раздраженно фыркнул.

— От тебя не будет никакой пользы, если ты не перестанешь двигаться черепашьям шагом. Мне нужны Эпохи. Десятки, сотни Эпох! Вот наша задача, — Атр. Разве ты этого еще не понял? Это наша святая цель — создавать Эпохи и населять их людьми. Заполнять пустоты. Только миры, принадлежащие нам, миры, которыми мы будем управлять, вернут Д'ни былую славу! Мои внуки должны стать повелителями миллиона миров!

Ген устремил на Атра пронизывающий взгляд и сел, медленно покачивая головой.

— А теперь иди к себе. Когда придет вре-

мя, я пришлю за тобой Рия. Он принесет одежду, в которую ты должен будешь облачиться для церемонии.

Что-то случилось — они поняли это, едва успев шагнуть под темное, затянутое тучами небо Тридцать Седьмой Эпохи. Пока они стояли у пещеры, неприятный горячий ветер обдувал их лица — казалось, он исходит из жерла вулкана. Соленый запах моря сменился какой-то вонью.

Атр взглянул на отца и заметил, как Ген скривился и коснулся языком нёба, словно проверяя ветер на вкус.

— В чем дело?

Ген сосредоточенно застыл на месте, а затем, словно не слыша вопрос Атра, зашагал вперед. Но не успел он сделать и десяти шагов, как замер, приоткрыв рот.

Атр подошел и встал рядом с отцом на гребне холма, глядя на деревню и озеро. Увиденное потрясло его.

Озеро пересохло, его обнажившееся дно покрылось темными трещинами. Два десятка рыбацких лодок лежали на боку в спекшейся грязи.

Атр перевел взгляд на море — и не увидел его. Перед его взором простиралась каменная равнина, сплошь усеянная ракушками и высохшими водорослями.

А за каменным выступом начиналась пустота. Только воздух, и больше ничего.

Ветер донес до них жалобные вопли и стоны. Атр посмотрел в сторону деревни, но деревня была пуста. Внезапно он увидел, что жители столпились по другую сторону моста, перед хижинкой Гена. Они сбились в кучу, испуганно поглядывая то в сторону озера, то на зловещее черное небо. Только Коэна ходил среди толпы, останавливаясь, чтобы поговорить то с одним, то с другим островитянином, пытаясь успокоить их.

— Что здесь произошло? — снова спросил Атр, поворачиваясь к отцу.

Ген пожал плечами, и на его лице появилось недоверчивое выражение.

— Не понимаю,— пробормотал он.— Эти фразы... в них не могло быть ошибки.

Однако что-то все же произошло. По какой-то причине пересохло озеро, а остров поднялся высоко над уровнем океана. Что-то вызвало эти изменения — они не могли произойти сами по себе.

В голове Атра вертелась фраза: «Он нагрел воду в океане...»

Неужели все дело в этом? Неужели такое незначительное изменение противоречило прежним записям? Или же, чтобы добиться своего, Ген уничтожил жизненно важный элемент своей Эпохи? Может, он изменил наклон оси планеты, чтобы подвести ее ближе к солнцу? Или причина тут совсем другая? А если он что-то сделал с океанским дном? Может, дно ослабло, не выдержало давления и уровень воды понизился? Или же Ген просто

скопировал фразу из книги Д'ни, не понимая ее смысла?

Атр понимал: этого он никогда не узнает, если только не сумеет прочесть Книгу Тридцать Седьмой Эпохи, а Ген решительно запретил ему дотрагиваться до своих книг.

Похожие на громадные черные кулаки грозовые тучи собирались в вышине. Слышались близкие раскаты грома.

Оглядевшись и сжав губы, Ген медленно зашагал вниз, к деревне.

— Помоги нам, повелитель! Ты должен нам помочь!

— Должен? — Ген круто развернулся и презрительно окинул взглядом стоящего на коленях человека.— Ты осмелился сказать, что я должен делать?

Со времени прибытия в Эпоху прошел уже час. Ген сидел в шатре, у стола, держа в ладонях тлеющую трубку.

Первым делом Ген отослал островитян обратно в хижины, запретив им высываться наружу. С тех пор он сидел молча, сдвинув брови над переносицей.

Вскоре прибыл Коэна: он боится, что его народ будет брошен на произвол судьбы. Его мир погибал, и спасти положение мог лишь один человек — повелитель Ген.

Стоя позади Коэны, Атр чувствовал, как в нем растет уважение к этому человеку и восхищение его смелостью.

— Прости меня, повелитель,— снова начал Коэна, не решаясь взглянуть на Гена,— но чем мы прогневали тебя? Если так, скажи, чем нам искупить свою вину. Но прошу тебя, умоляю — спаси нас! Верни нам море, наполни водой озеро, повелитель!

Ген швырнул трубку на стол и вскочил.

— Довольно!

Он глубоко вздохнул и медленно обошел вокруг стола, остановившись перед съежившимся Коэной.

— Ты прав,— холодным и презрительным тоном произнес Ген.— Это кара. Вы должны постичь мою безграничную власть.

Сделав паузу, он повернулся спиной к островитянину и начал вышагивать по шатру.

— Я решил показать вам, что случится, если вы хотя бы в мыслях осмелитесь ослушаться меня.

Атр с открытым ртом уставился на отца.

Ген остановился рядом с Атром, не замечая его. Затем, словно продолжая начатый разговор, он спросил у Коэны:

— Приготовления закончены?

— Что, повелитель? — Коленопреклоненный человек поднял голову.

— Приготовления,— терпеливо, будто разговаривая с ребенком, повторил Ген.— Для церемонии.

Коэна заморгал и кивнул, а затем, опомнившись, поспешно склонил голову и ответил:

— Да, повелитель, все готово.

— Тогда начнем церемонию через час. Собери всех островитян перед храмом.

— Перед храмом? — Коэна не сразу понял, что Ген имеет в виду хижину возле своего шатра. Но даже после этих слов Коэна не сдвинулся с места.

— Ну, так что же? — Ген круто повернулся к слуге. — Думаю, для тебя будет лучше пойти и распорядиться.

Лицо Коэны побелело от ужаса, он явно ничего не понимал.

— Ступай немедленно, собери жителей деревни и приготовься к церемонии. И не заставляй меня ждать, слышишь?

Коэна опомнился.

— Но разве... ты не поможешь нам, повелитель? Ведь озеро...

— Вон! — рявкнул Ген, побагровев от ярости. Его рука метнулась к поясу и извлекла оттуда длинный кинжал. — Убирайся, пока я не вспорол тебя, как рыбу!

Коэна вздрогнул, с ужасом глядя на острое как бритва лезвие, а затем, поклонившись, выбежал из шатра.

Атр шагнул к отцу. Но Ген не стал слушать его. Он мрачно уставился на выход, за которым только что скрылся Коэна, и издал недовольное ворчание. Скользя взглядом по Атру, словно по неодушевленному предмету, он сунул кинжал в ножны и отошел к столу.

Взяв трубку, он снова раскурил ее и сел, откинувшись на спинку кресла.

— Отец...

Но Ген не ответил. Приоткрыв рот, он выпустил в потолок длинную струйку дыма.

Корфа-В'яа, церемония коронации божества, состоится через час.

Коэна сумел собрать всех островитян, числом не менее двух сотен, и поставил их на колени перед хижиной Гена. Пять громадных факелов пылали на высоких шестах, врытых в землю. Черные тени плясали в зловещем свете, словно злой дух искал среди толпы одну-единственную душу, дабы подвергнуть ее немислимым пыткам.

Люди молчали, съежившись под затянутым черными тучами небом, и каждый раскат грома вызывал у перепуганной толпы слабый стон.

По заранее условленному сигналу Коэна повернулся и поднял руки, призывая божество сойти на землю. Ген выступил из темноты шатра, величественный в своем длинном, выходящем на ветру черном шелковом плаще, расшитом золотой нитью. На его белых волосах пылал пятиугольный золотой венец, поблескивающий в свете факелов.

— Народ Тридцать Седьмой Эпохи,— провозгласил он, перекрывая шум грозы,— склонись перед своим новым хозяином, повелителем Атром!

Атр нехотя спустился по ступеням и встал рядом с отцом. Он был облачен в плащ и венец, напоминающие отцовские, только сде-

ланные из ярко-алого блестящего материала — казалось, их составляют миллионы крошечных рубинов.

С неподдельным благоговением люди коснулись лбами земли, бормоча слова, которым заранее научил их жрец:

— Повелитель Атр — наш хозяин. Он явился благословить нас.

Ген просиял и подозвал двух мужчин, стоящих у двери храма.

— Служители, подойдите!

Медленно и торжественно двое служителей, выбранных из числа рыбаков, вышли из храма и вынесли на бархатной подушке изумительной красоты ожерелье из драгоценных металлов, камней и тонкого фарфора.

Шагнув вперед, Коэна встал перед двумя служителями и сложил руки над ожерельем благословляющим жестом, как научил его Ген. Почтительно отступив, он повернулся лицом к Атру.

— А теперь,— произнес Ген, голос которого гулко разносился над черным и пустым озером,— смотрите все на повелителя Атра!

И едва Коэна взял ожерелье и надел его на шею Атру, Ген вскинул руку к небу.

В ту же секунду грянул гром, вспышка озарила небо. Заметив удивление на лице отца, Атр понял: случившееся было чистейшим совпадением. Но не прошло и секунды, как лицо Гена изменилось, глаза ярко засверкали.

— Смотрите, это дождь!

Словно по его повелению, небеса разверз-

лись и хлынул ливень — такой яростный, что капли, казалось, отскакивают рикошетом от земли, за считанные секунды пропитывая влагой все вокруг.

Земля задрожала.

Атр встревоженно огляделся. Перед ним на склоне двести человек в благоговейном ужасе запрокинули головы к небу, словно потянувшись к драгоценной влаге.

Коэна неотрывно смотрел на своего повелителя, будто спрашивая, стоит ли продолжать, но ливень не смутил Гена — казалось, так он и задумал.

— Прислужница... где прислужница?

Коэна повернулся и поманил Салар, сжимающую в руках гирлянду, сплетенную из цветов, — точно такую же, какая была подарена Гену, когда он впервые прибыл в Эпоху вместе с Атром. Но Салар не двигалась с места, окаменев от страха.

Ген шагнул к ней, схватил за руку и потащил по грязному склону мимо шипящих факелов к крыльцу хижины.

Видя, как его отец обошелся с девушкой, Атр выступил вперед:

— Отец, отпусти ее!

Ген метнул на него такой свирепый взгляд, что Атр отшатнулся. Подойдя поближе, Ген почти швырнул девушку к ногам Атра.

— Гирлянда! — прорычал он. — Подай повелителю Атру гирлянду!

Атр хотел нагнуться и помочь ей встать, но отец не спускал с него глаз.

Дождь лил без устали.

Салар медленно поднялась с колен. Гирлянда, которую она по-прежнему не выпускала из рук, теперь была безнадежно погублена — перепачкана грязью и порвана в нескольких местах. Салар взглянула на Атра перепуганными и полными слез глазами.

— Повелитель Атр... — начала она едва слышным сквозь грохот и шум дождя голосом.

— Громче! — взревел Ген. — Пусть все тебя слышат!

— Повелитель Атр... — снова повторила она, всеми силами стараясь сдержать дрожь.

Ее прервала очередная вспышка и оглушительный грохот. Девушка вскрикнула и выронила гирлянду.

— Да поможет нам Кераф! — нетерпеливо выкрикнул Ген, грубо толкнул девушку, приказывая убираться, и наклонился, чтобы подобрать запачканную гирлянду. Затем он отшвырнул ее с гримасой отвращения и повернулся к Коэне: — Отпусти их. Церемония закончена!

Но Коэна не слушал его: он неотрывно смотрел на озеро, где драгоценная вода уходила сквозь трещины. Дождь лил не переставая, но проку от этого было мало. Понадобилась бы тысяча лет дождя, чтобы наполнить это озеро, ибо вода из него уходила в море.

Коэна обернулся к Гену:

— Повелитель, ты должен нас спасти! Пожалуйста, повелитель, умоляю тебя!

Но Ген, который видел то же, что и Коэна, попросту отвернулся. Стащив с головы венец, он расстегнул плащ и сбросил его на землю. Затем он вошел в шатер и через минуту появился на пороге со своей сумой.

— Идем,— приказал он Атру,— церемония окончена.

Минуту Атр не двигался с места, а затем бросился вслед за Геном, догнал его и схватил за руку, повернув к себе лицом. Он закричал, перекрывая шум грозы:

— Мы должны вернуться и что-нибудь изменить! Немедленно, пока еще не слишком поздно!

— Не слишком поздно? Да мы уже опоздали! Оглянись! Я же говорил тебе: этот мир обречен!

— Нет! — в отчаянии выкрикнул Атр.— Ты еще можешь помочь. Можешь стереть изменения, которые внес, и все пойдет по-прежнему! Да, ты способен на это, ты сам мне говорил! В конце концов, ты ведь божество!

Последний довод, по-видимому, достиг цели. Ген коротко кивнул, а затем, оттолкнув сына, поспешил через мост и устремился по скользкому от воды склону к пещере. Атр бегом последовал за ним.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Уже час Ген молча сидел за своим столом, глухой к мольбам Атра, и тупо смотрел в стену, посасывая трубку.

— Ты должен что-нибудь сделать! — молил Атр, снова возвращаясь к прежнему разговору.— Ты просто обязан! Они погибают!

Эти слова не вызвали у Гена никакой реакции — он и бровью не повел.

Атр старался не представлять себе страданий тех, кто остался в Тридцать Седьмой Эпохе, пытаясь не думать о старухе и девушке, но это оказалось невозможным.

Он снова взглянул на Гена. Впервые он узнал, что отец способен на нерешительность и чудовищное равнодушие.

— Неужели ты им не сможешь, отец? Ответом ему было молчание.

Атр почувствовал, как в нем что-то сломалось. Шагнув к столу, он протянул руку, намереваясь взять Книгу.

— Если ты не хочешь, тогда позволь мне...

Пальцы Гена впились в его руку, точно стальные клещи. Он сурово взглянул в лицо сына.

— Тебе?

С тех пор как они вернулись домой, это слово стало первым, которое произнес Ген.

Атр высвободился.

— Они гибнут,— уже в который раз повторил он.— Мы должны им помочь. Ты же можешь внести изменения...

Ген невесело рассмеялся.

— Изменения?

— Да, сделать все, как прежде.

Минуту Ген смотрел на сына в упор, а затем отвернулся.

Мысленно Атр вновь представил себе ливень, хлещущий на гигантский каменный выступ, который постепенно поднимался на подушке горячей красной лавы.

— Так, значит, вот в чем дело! — Атра вдруг осенило.— Ты просто ничего не можешь сделать!

Ген выпрямился и с былой надменностью взглянул на Атра.

— Разве я сказал это?

Помедлив еще минуту, Ген открыл Книгу Тридцать Седьмой Эпохи и, обмакнув перо в чернильницу, перечеркнул последние записи в Книге, пользуясь символом Д'ни, обозначающим отмену.

— Вот,— произнес он, показывая Книгу Атру.— Я все исправил.

Атр ошеломленно смотрел на него.

Ген кивнул на Книгу.

— Хочешь убедиться сам?

— А можно?

— Ты ведь этого хочешь, верно?

Атр кивнул.

— Тогда ступай, но не задерживайся надолго. Я и без того потратил слишком много времени на этих неблагодарных!

Воздух в пещере был влажным, но не более, чем в прежние времена. Но самое главное — исчезла отвратительная вонь серы. Одного этого хватило, чтобы Атр воспрянул духом.

«Вот,— снова услышал он слова отца, подающего ему Книгу,— я все исправил».

Ладно, он это проверит.

Атр выбрался из пещеры и остановился на вершине холма, оглядываясь и вдыхая чистый, сладковатый воздух.

Гену и вправду удалось помочь островитянам. В озере поблескивала вода, склоны вновь покрылись травой. Атр слышал пение птиц и шелест ветра в ветвях ближайших деревьев. Внизу, в деревне, островитяне занимались привычными делами.

Рассмеявшись, Атр бросился вниз, сгорая от желания расспросить Салар, что случилось в его отсутствие, но, приблизившись, остановился как вкопанный, изумленный открывшимся перед ним зрелищем.

Тяжело дыша, он обвел взглядом гавань. Лодки были на месте, стояли плотным полу-

кругом, как и прежде, и мост был цел, но за мостом...

Он задохнулся, мгновенно получив подтверждение своей теории. Хижина Гена и шатер за ней исчезли. Их место заняла горстка хижин — таких же, как по другую сторону моста.

Услышав за спиной шум, Атр обернулся и лицом к лицу столкнулся с Коэной, с удивлением заметив на нем обычную деревенскую одежду.

— Коэна!

Мужчина вздрогнул и крепко сжал толстую деревянную дубинку. На его лице отразился ужас.

— Что случилось? — удивленно спросил Атр.

— Усшуа умма иммуни? — спросил Коэна с явной враждебностью.

Атр испуганно заморгал. Что это за язык? Вдруг осознав, что ему грозит опасность, он повернул руки ладонями вверх, показывая, что он безоружен.

— Это же я, Атр. Ты меня не узнаешь?

— Усшуа иллила умава? — переспросил перепуганный островитянин, помахивая дубинкой.

Атр потряс головой, словно желая прояснить мысли. Что здесь произошло? Почему все так изменилось? Невольно он бросился к пещере и вдруг застыл, вспомнив, что там может не оказаться Книги Уз. С тревогой Атр сунул руку в карман и с облегчением вздохнул. Его собственная Книга Уз была на месте.

Коэна по-прежнему наблюдал за ним, настороженно прищурившись. Но, разумеется, это был не Коэна или, во всяком случае, не тот Коэна, которого когда-то знал Атр, и отец никогда не бывал здесь и не брал этого островитянина в слуги. «Да,— мысленно подтвердил Атр,— и меня здесь не было». Ибо он оказался отнюдь не в Тридцать Седьмой Эпохе — по крайней мере, не в той Эпохе, которую создал его отец и в которой жил сам Атр: его окружал совершенно иной мир, хотя и до боли знакомый.

У Атра закружилась голова, словно почва вдруг начала уходить из-под ног. «Я оказался в иной вселенной, в другой Эпохе, которую некогда не успел домыслить мой отец...»

«Нет,— тут же поправил он себя,— неверно: отец не создавал этот мир — он давно существовал здесь в ожидании, пока мы не установим с ним связь».

В этом мире Атр знал все вокруг, но был чужаком. Да, Атр понял, что случилось. Исправления отца в Книге вернули мир к стволу Великого древа возможностей и вместе с тем изменили все ветки до единой.

Атр окинул Эпоху последним долгим взглядом, а затем, понимая, что здесь он никому не нужен, вернулся в пещеру.

В отсутствие Атра Ген развел огонь в очаге и сел в кресло. В таком положении Атр и застал его — Ген сидел обмякнув, бросив труб-

ку на пол рядом с собой, нелепо приоткрыв рот.

Ген не спал, а если это и был сон, то непрочный, очень чуткий: его веки подергивались, время от времени он бормотал и издавал стоны.

Глядя на отца, Атр испытывал такое чувство, словно его предали. Ген обещал, что поможет жителям Эпохи, но не сделал этого. Другой мир, настоящая Тридцать Седьмая Эпоха, был уничтожен — по крайней мере, исчезла связь с ним. И это случилось по вине Гена, поскольку он не понимал, что делает. Атр встал перед отцом, наполняясь презрением к нему.

— Проснись! — крикнул он, встряхнув Гена за плечо.— Нам надо поговорить!

Он уже подумал, что не сможет разбудить Гена, но вскоре тот пошевелился и отбросил его руку.

— Оставь меня в покое! — проворчал он.— Убирайся... уходи к себе, Атр, дай мне побыть одному!

— Нет! — с вызовом вскричал Атр.— Я не уйду до тех пор, пока все не будет решено.

Ген приоткрыл левый глаз, и кривая усмешка приподняла угол его губ.

— Решено?

— Нам надо поговорить,— повторил Атр, решив не отступать От цели, не позволять отцу уклониться от разговора.

— Поговорить? — В голосе Гена явственно прозвучала насмешка.— О чем мне с тобой говорить?

— Об Искусстве. О том, что это такое.

Ген пренебрежительно взглянул на него, выпрямился и потянулся за трубкой.

— Иди проспись, мальчик, и перестань болтать чепуху. Что ты можешь знать об Искусстве?

— Я знаю достаточно, чтобы понять: ты ошибаешься, отец. Твои Эпохи непрочны потому, что ты не понимаешь, что творишь!

Атр мог только догадываться, почему большинство миров Гена непрочны, но, видимо, его слова попали в самую точку, ибо Ген выпрямился, и его без того бледное лицо вдруг стало мертвенно-белым.

— Ложь! — прошипел Ген.— Ты еще мальчишка, что ты можешь знать обо всем этом?

— Мне известно, что Целое недоступно твоему пониманию.

Ген рассмеялся.

— И ты уверен, что знаешь все ответы?

Атр подошел ближе, решив выдержать бой до конца.

— Не все, только некоторые. Но не те, какие хотел бы услышать ты. Ты готов продолжать работу по-старому, ковылять вслепую по Эпохам, бездумно списывать фразы, словно таким способом можно хоть что-то изменить.

Во время этой страстной речи ладони Гена медленно сжимались на подлокотниках кресла. Дослушав сына, он вскочил в порыве гнева. Атр попятился, а Ген закричал ему в лицо, в бешенстве брызгая слюной:

— Как ты посмел сомневаться в моей правоте? Сомневаться во мне — твоим отце, который научил тебя всему! Который вывел тебя из забытой богами трещины! Как ты осмелился даже помыслить, что тебе известны ответы?

Он с силой толкнул Атра в грудь.

— Сколько лет ты, мальчишка, учился, — три года? Или три с половиной? А ты знаешь, сколько изучал Искусство я? Тридцать лет! С четырехлетнего возраста.

Ген презрительно фыркнул.

— Думаешь, если тебе удалось создать одну жалкую Эпоху, ты уже знаешь все на свете? Нет, ошибаешься! Ты еще даже не начинал учиться! Вот, смотри...

Ген повернулся и шагнул к столу. К ужасу Атра, он схватил со стола его Книгу и стал торопливо перелистывать страницы. Минуты две он читал молча.

— Хотя бы вот эта фраза... смотри, сколько в ней ненужных украшений... это стиль новичка, Атр. Ему недостает силы и краткости.— Он схватил перо и окунул его в чернильницу.

Атр со страхом наблюдал за ним, зная, что последует дальше, но не в силах поверить, что отец и впрямь осмелится исковеркать его Эпоху.

Но Ген не замечал его. Он принялся уничтожать символы, ставя знаки отрицания, упрощая фразы, на отшлифовку которых Атр затратил столько труда, — те самые фразы, которые, как понял Атр из древних книг, были

идеальным способом описания элементов мира.

— Не надо! — взмолился Атр.— Каждое из этих слов на своем месте!

— В какой Книге ты откопал вот это? — спросил Ген, ткнув пальцем в одну из фраз.— Вот эту чепуху про голубые цветы?

— Эта фраза не из Книги...

— Ложь! — не скрывая презрения, прервал его Ген.— Бессмысленная ерунда, вот что это такое! Фраза была переписана откуда-то, это несомненно — в ней слишком много ничемных подробностей!

И, не колеблясь, Ген принялся вымарывать абзац про цветы.

— Нет! — крикнул Атр, бросаясь к столу. Ген вскинул голову и строго произнес:

— Не кричи, Атр, дай мне сосредоточиться!

Атр застонал, но Ген, казалось, не понимал, какую боль причиняет сыну. Он перевернул еще страницу и усмехнулся, словно обнаружил нечто несуразное, заслуживающее лишь презрения.

— А это еще что такое? — Он вновь окунул перо в чернильницу и принялся исправлять один за другим тщательно выписанные символы.— Это попросту нелепо, Атр. Это описание... чересчур перегружено деталями.

— Пожалуйста...— Атр сделал еще шаг к столу.— Оставь все, как было. Отец, умоляю тебя...

Но Ген был непреклонен.

— Э нет, так не годится! Это надо исправить. Я имел в виду...— Ген вдруг вскинул голову, и его лицо расплылось в улыбке.— Надеюсь, теперь ты меня понимаешь?

Атр недоуменно уставился на отца.

Глаза Гена стали ледяными — такими Атр еще никогда их не видел.

— Ты должен понять одно, Атр: ответов у тебя быть не может. Ты считаешь, что знаешь их, но ты заблуждаешься. Нельзя постичь тайны Д'ни за столь короткий срок, попросту невозможно.

Атр молчал под суровым взглядом отца.

Ген вздохнул и заговорил снова:

— Кажется, я ошибался насчет тебя, Атр. В тебе есть нечто от твоей бабушки... какое-то упрямство... непонятная настойчивость...

Атр приоткрыл рот, но Ген поднял руку.

— Подожди, дай мне закончить!

Атр вздрогнул, но все же высказал то, что собирался сказать с самого начала, уже не боясь разозлить Гена.

— Ты сказал, что исправил Тридцать Седьмую Эпоху.

Ген улыбнулся.

— Да, я ее исправил.

Атр пристально посмотрел на отца, но Ген спокойно встретил его взгляд.

— В чем же дело?

— Я хотел сказать, что она изменилась. Нет, и озеро, и деревня остались прежними, как и люди. Однако они уже не те, которых я знал. Они меня не узнают.

Ген дернул подбородком.

— Эпоха была исправлена.

— Но мои друзья— Салар, Коэна...

Некоторое время Ген смотрел на раскрытую книгу, а затем поднял ее и повернулся к огню.

Атр робко шагнул к нему.

— Позволь мне поправить дело. Разрешить помочь людям.

Ген пренебрежительно взглянул на него и подступил еще ближе к пылающему в очаге пламени.

— Отец!..

Под правым глазом Гена задергался мускул.

— Эта Книга безнадежно испорчена.

— Нет! — Атр попытался остановить его, вырвать Книгу, но их разделял стол. И кроме того, было уже слишком поздно. Небрежным движением Ген швырнул Книгу в огонь и застыл, глядя, как постепенно сворачиваются края страниц, как они чернеют, как огненные языки слизывают символы один за другим, обращая их в пепел.

Атр в ужасе застыл на месте. Помочь он уже ничем не мог. Мост между Эпохами был уничтожен.

В голубоватом свете фонаря каждый предмет в комнате казался вырубленным из льда — кресла и шкаф, массивная деревянная кровать, стол. В отличие от предметов,

тени в комнате были темными — и не просто темными, а черными, словно налитыми пустотой.

Беспечному наблюдателю могло показаться, что в этой комнате нет ничего реального, что все в ней — просто видимость, творение некоего мрачного, зловещего божества.

Все, кроме юноши, сидящего в кресле посреди комнаты и устало прикрывшего глаза.

Понемногу Атр пришел в себя и огляделся. Атр не помнил, где был и что делал. Он знал лишь, что вновь сидит у себя в комнате, что горит фонарь, а открытый дневник лежит на столе перед ним. Подняв голову, он прочел строку на левой странице.

«Мой отец — безумец».

Он вздрогнул, припомнив, что произошло, даже теперь не в силах поверить в выходку отца. Воспоминание жгло ему мозг. Атр закрывал глаза и вновь видел, как медленно скручиваются страницы, как пляшет на них пламя, словно читая каждую фразу, прежде чем поглотить ее.

«Все это было, если, разумеется, меня не подводит память и я — не одно из «творений» моего отца...»

Однако Атр твердо знал, что такого не может быть. Опыт с Тридцать Седьмой Эпохой подтвердил его предположения. Ген — отнюдь не божество. Нет, он всего лишь человек — слабый, неразумный, суетный и равнодушный. И при всем своем желании возродить славу Д'ни он напрочь забыл, что составляло эту славу.

Забыл, почему империя просуществовала так долго: не благодаря власти Д'ни, не потому, что некогда они повелевали миллионом миров — основой их могущества были сдержанность и поразительное смирение.

Ген говорил, что Атр ничего не смыслит, однако он ошибался. Атр долго изучал историю Д'ни и понял, какую напряженную борьбу вели старейшины, чтобы подавить в народе естественные пороки, чтобы взрастить терпение, смирение и покорность. На протяжении шестидесяти тысяч лет это им удавалось — пока не появился Веовис.

Так куда же бежать? Что делать? Надо ли вернуться к Анне, в расщелину? Или, может, найти убежище в городе?

Как бы там ни было, надо в последний раз зайти к Гену, попрощаться с ним. И сказать, почему он уходит.

Эта мысль встревожила Атра. За последний год он повзрослел, почти сравнявшись в силе с отцом, однако надменность Гена попрежнему пугала его.

Но встреча была неизбежна. Атр не мог просто сбежать, это было недостойно его.

Он вышел из комнаты, долго взбирался по лестницам и извилистым коридорам дома, пока не оказался в библиотеке, на пороге лестницы, ведущей в кабинет отца. Здесь, на площадке, еще горел фонарь, дверь была по-прежнему открыта.

Медленно поднимаясь по ступеням, Атр приготовился выдержать все: гнев отца и его

издевательский смех, вновь превращающий его, Атра, в неразумного ребенка.

Но Атр больше не был ребенком, он давно вырос. И теперь Гену придется смириться с этим — хотя бы перед расставанием.

На пороге Атр помедлил, увидев, что в комнате царит полумрак. Огонь в очаге угас, фонарь на столе едва светился. Но Гена нигде не было видно.

Взяв фонарь с площадки лестницы, Атр ступил в кабинет.

Книги были расшвыряны по всей комнате.

Атр поспешно метнулся к столу, поставив на него свой фонарь, и начал рыться в книгах, но своей среди них не нашел. Он повернулся к очагу, опасаясь самого худшего, и чуть не упал, споткнувшись о тело отца.

Ген лежал на полу, вытянувшись перед очагом.

Минуту Атр думал, что Ген умер — так неподвижно он лежал. Но затем он заметил слабое подергивание правой руки Гена и понял, что это не смерть, а только обморок — признак злоупотребления трубкой.

Сама трубка валялась рядом, огненный шарик отбрасывал на пол пятно тусклого света. Атр нагнулся и поднял трубку, понюхал мундштук и с отвращением сморщил нос.

Он уже собрался уходить, когда заметил рядом с протянутой рукой отца записную книжку в кожаном переплете, в которую так часто заглядывал Ген.

Секунду-другую он стоял неподвижно, под-

чиняясь внутреннему запрету, но затем желание узнать содержание книги возобладало, и Атр склонился, поднял ее и поднес к свету.

Глубоко вздохнув несколько раз, чтобы успокоиться, он открыл первую страницу и прочел: «Книга Атра...»

Атр нахмурился. Неужто он ошибся? Может, он... внезапно он все понял. Надпись была сделана чужим почерком, не похожим ни на его собственный, ни на почерк Гена. Книга принадлежала его деду. Не Атру — сыну Гена, а Атру — отцу Гена.

Атр вскинул голову, чувствуя, как в этот миг разорвалась последняя нить, связующая его с отцом. Он медленно опустился в кресло.

Еще совсем недавно он восхищался отцом, превозносил его за смелость и терпение в поиске Пути в мрачных туннелях Д'ни. А оказалось, что Путь был ясно описан вот здесь, в записной книжке деда. Рисковал не Ген, а его отец.

Атр закрыл книжку, отложил ее и повернулся, глядя на темную фигуру, простертую на полу у его ног.

— Почему ты оказался не таким, каким сначала представлялся мне? — тихо спросил он, испытывая боль от утраченных иллюзий. — Почему ты... так ничтожен?

Ген застонал и пошевелился, но так и не пришел в себя.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Ген очнулся с тупой болью в голове и во всем теле и в первые несколько минут не мог сообразить, что с ним случилось. Но это повторялось уже не в первый раз. Он выругал себя за то, что не запер дверь.

Негромко застонав, он поднялся. Тело немилосердно ныло, но все кости были целы.

— Значит, все в порядке,— подытожил Ген, проковыляв к двери. Придерживаясь за стену, он шагнул через порог и взглянул вниз, прищутив саднящие глаза.

— Атр! Атр, где ты?

Библиотека оказалась пуста. Ген спустился по лестнице и обошел просторную комнату, охваченный смутным предчувствием.

Что-то произошло. Что-то случилось...

Он застыл, припоминая. Вчера он поспорил с мальчишкой.

С трудом преодолев открытую площадку между библиотекой и верхней комнатой, он пинком открыл дверь и побрел через темную

комнату, пока не достиг дверного проема в противоположной стене.

— Атр! — Подождав минуту, он позвал снова, повысив голос: — Атр!

Тишина. Дом был пуст.

Но, возможно, мальчик просто спит...

Ген без стука ворвался в комнату Атра.

— Атр!

В постели никого не оказалось. Обернувшись к большому деревянному шкафу, украшенному резьбой, Ген подошел к нему и распахнул дверцы. Внутри тоже было пусто. Атр исчез, а вместе с ним и все его вещи.

Бросившись к себе в кабинет, он обшарил заваленный книгами стол, но записной книжки там не нашел. Выдвинув сверху второй ящик, он достал оттуда металлическую шкатулку, снял с шеи крохотный ключик на цепочке и отпер ее.

Он взял из шкатулки лист бумаги, свернул его пополам и сунул в карман.

Поставив шкатулку на прежнее место, он открыл дверь и закричал в темноту:

— Рий! Рий! Да где же ты?

Не дожидаясь появления немого слуги, Ген бросился бежать вниз. На последней лестничной площадке он застыл, понимая, что его худшие подозрения подтвердились. Причал был пуст, лодка исчезла.

Ген спиной сполз по голой каменной стене и уронил голову в ладони.

— Будь проклят этот мальчишка! Будь проклята его неблагодарность!

Ген вновь вскинул голову, и боль в висках

на мгновение затуманила его зрение. Когда туман рассеялся, Ген увидел, что Рий стоит перед ним на площадке.

— Мальчик сбежал,— объяснил Ген.— Он забрал лодку. Надо догнать его.

Немой помедлил, обдумывая слова хозяина, а затем спустился вниз и свернул в боковой грот. Там, в тени, была свалена груда ящиков. За ними оказалась старая облупленная дверь. Оглядевшись, Рий снял со стены старый багор. Подсунув острие под дверь, он навалился на ручку. Дверь поддалась и сорвалась с петель, расколовшись при этом надвое.

Ген подошел поближе.

Внутри, в сыром мраке, Рий уже снимал холщовый чехол с какого-то большого предмета. Ген пригляделся: предмет оказался лодкой, старым судном Д'ни.

«Откуда он узнал о ней?» — удивился Ген, взглянув на него.

Не обращая внимания на пульсирующую острую боль в висках, Ген помог Рию спустить лодку к причалу.

Лодка своей изящной формой скорее напоминала каноэ, но, ощупав ее, Ген понял: судно сделано из прочного, на удивление легкого камня.

Ген покачал головой — он даже не подозревал о существовании лодки и впервые задумался, так ли хорошо он изучил собственный дом.

Прыгнув в лодку, Ген дождался, когда Рий последует за ним, и погнал верткое судно к выходу из грота.

Атр поднял фонарь повыше, изучая страницу, а затем закрыл книжку и сунул ее в карман туники.

У следующей развилки надо повернуть налево. Оттуда узкий туннель ведет в небольшую пещеру с низким каменным выступом справа, а в дальнем конце пещеры находятся ступени из известняка.

Он быстро шагал, подняв фонарь, по изгибающемуся туннелю, отчетливо слыша звук собственных шагов в замкнутом пространстве.

Сколько раз ему приходилось останавливаться и прислушиваться, опасаясь погони? Но пока он не слышал ничего, кроме окружающей его тишины.

Впереди туннель расширился и разделился надвое, как было указано на схеме в книжке. Атр свернул налево и пошел еще быстрее, слыша, как в груди колотится сердце.

Если туннель и вправду выводит в пещеру, он сможет передохнуть.

А если он ошибся?..

Атру уже дважды приходилось возвращаться по своим следам, но на этот раз обратный путь был бы слишком долгим.

Беда в том, что у него времени было в избытке, чтобы задуматься о многом. Если бы он брел бездумно, как машина, все было бы в порядке, но у Атра разыгралось воображение.

Тяжелее всего было представлять себе расщелину — заброшенную, засыпанную песком.

Прошло уже почти четыре года с тех пор, как Атр в последний раз видел ее. Четыре года с тех пор, как он слышал голос Анны.

И вот теперь она вновь говорила с ним.

Что ты видишь, Атр?

Я вижу камень, бабушка. И туннели. И мрак со всех сторон, куда ни взгляну.

Но Анна не ответила. Атр слышал лишь звук собственных шагов — спереди и сзади, отдающийся гулким эхом и заполняющий мрак там, куда не достигал свет фонаря.

Атр вновь заглянул в книжку, перевернул страницу, нахмурился. А затем, с дрожью проведя пальцем между страницами, обнаружил неровную кромку вырванной страницы и застонал.

Оглядевшись, он попытался вспомнить Путь, по которому шел несколько лет назад. Каким был туннель? Поднимался или спускался?

Если он ошибется, все пропало.

Тогда, судя по предыдущим страницам, ему придется сделать такой же выбор еще раз пять, а то и шесть, прежде чем он достигнет места, обозначенного на следующей странице, и вновь почувствует себя увереннее.

Атр с горечью понурился, гадая, когда отец успел вырвать страницу из книжки.

— Стало быть, ты решил прогуляться?

Атр застыл на месте, а затем медленно повернулся и оказался стоящим лицом к лицу с отцом, сразу заметив, что его сапоги обмотаны ветошью.

— На этот раз я решил сдержать обещание, данное бабушке.

— Обещание?— Ген зло рассмеялся.— А как насчет обещания, данного мне? И потом, ты кое-что позаимствовал у меня, и я хотел бы получить свою вещь обратно.

— Тогда тебе придется отнять ее у меня.

— Ну, это мы еще посмотрим.— Ген махнул рукой Рию, и тот вышел из темноты.

Увидев немного слугу, Атр понял: у него нет выбора. Если бы ему пришлось бороться только с отцом, он мог рассчитывать на победу, но немой обладал чудовищной силой. Атр сам видел, как Рий поднимал огромные каменные глыбы на дороге и отбрасывал их в сторону.

Атр мгновенно решил, как надо действовать. Выхватив из кармана записную книжку, он подбросил ее, отшвырнул фонарь, повернулся и побежал, стремительно карабкаясь по ступеням.

Он слышал за спиной крик отца — крик гнева и досады — и понял, что Ген не ожидал такой развязки. Ген рассчитывал, что Атр покорно подчинится ему, как бывало прежде. Но прошлое не вернуть. Атр понимал, что не может жить рядом с этим человеком, и готов был на все — даже погибнуть здесь, глубоко под землей.

Он торопливо шагал вперед, ведя ладонью по стене туннеля. Неожиданно оступившись, он закувыркался по наклонному полу туннеля и остановился, ударившись о стену.

Некоторое время он лежал неподвижно, прислушиваясь к крикам отца.

— Атр! Атр! Вернись, мальчик!

Атр застонал и сел у стены, гадая, где очутился, а затем заметил далекий слабый отсвет фонаря в начале туннеля.

Надо уходить, и как можно быстрее.

Заставив себя встать, он пошел с быстротой, на какую только был способен — прочь от приближающегося света.

Внезапно воспоминания, необыкновенно четкие, странным образом вернулись к нему. Атр понял, где очутился. Закрыв глаза, он ясно представил себе путь. Впереди туннель поворачивал вправо и начинал подниматься. Там, где он выходил в пещеру, находился широкий каменный выступ, а за ним — трещина, узкая расщелина, через которую вел крохотный подвесной мост. Если успеть добраться до моста, возможно, у него еще появится шанс. Может, он каким-нибудь образом сумеет задержать преследователей, найдет способ уничтожить мост.

Почувствовав легкое дуновение ветра справа, Атр остановился и повернулся, шаря ладонями по стене, пока не нашел выход. Как он и предполагал, туннель круто поднимался вверх. Атру пришлось ползти по нему на четвереньках, пригибаясь к полу. Впереди показалось серое пятно, и когда Атр достиг выхода из узкого туннеля, он увидел, что находится именно там, где и надеялся очутиться.

Но только каменный выступ был ярко освещен — сбоку от него стоял фонарь, а впереди...

Атр застонал. Отец снова опередил его.

Подвесной мост исчез, из камня сиротливо торчали четыре железные опоры.

Приблизившись к расщелине, Атр остановился, глядя вниз. Она была слишком глубокой и широкой, а может, так только казалось.

Он вздрогнул, услышав, шум за спиной. В туннеле блеснул свет и стал приближаться. Не пройдет и минуты, как его догонят.

Атр вновь повернулся к трещине. Сейчас или никогда... Отступив назад для разбега, он бросился к пропасти.

— Атр!

Он ударился грудью о край пропасти и чуть не упал, но успел ухватиться за железную опору.

Атр повис, прижавшись плечом к камню. Он чувствовал, как постепенно немеют и слабеют пальцы, как скользят по гладкому металлу, как выступает на лбу холодный пот.

Вдруг над ним появилась чья-то тень. Послышалось сдавленное восклицание, а затем кто-то вцепился ему в запястье и потащил вверх.

Изумленный силой чужих рук, Атр запрокинул голову, ожидая увидеть Рия, но на него из полутьмы смотрели побелевшие от гнева глаза Гена.

— Ну и ну! — ворчал он, немилосердно впиваясь пальцами в руку Атра и дюйм за дюймом вытаскивая его на каменный выступ.— Неужели ты и впрямь надеялся перехитрить меня?

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Когда отец ушел, Атр еще долго не двигался с места, ошеломленно глядя на захлопнувшуюся дверь.

Повернувшись, он окинул взглядом огромную комнату с высоким потолком, посередине которой стоял стол. На нем лежала Книга Пятой Эпохи.

«Это ловушка,— понял Атр.— Еще одна дверь, через которую, как он надеется, я попытаюсь ускользнуть. И тогда...»

Он вышел из-под арки у входа. Розоватый свет лампы создавал впечатление болезненного румянца на его лице. Под ногами чередовались черные и белые плиты с кругами на квадратном поле, а центр комнаты украшал огромный мозаичный портрет Ри'Нерефа, самого знаменитого из Мастеров Гильдии, сурового седобородого старца с меланхолическим взглядом, словно устремленным сквозь века.

Некогда отполированный камень покрылся паутиной крошечных трещин, не выдержав бремени лет.

«Тюрьма»,— подумал Атр.

Стены здесь были сложены не из черного камня, как повсюду в доме, а из тускло-серого, с металлическим блеском, покрытого сложными резными узорами, точно кружевом. Пилоны с круглыми выпуклыми капителями поддерживали массивную крышу. Атр знал, что из такого камня сложены самые древние строения города, и понял, что оказался в части дома, построенной раньше прочих.

«Сколько же лет этой комнате? — гадал он.— Десять или двадцать тысяч? Или того больше?» Этого он не знал. Люди строили на века, не зная, что дни их империи уже сочтены.

У северной стены комнаты, под громоздкой аркой, находилась запертая дверь, а по обе стороны от нее возвышались, словно мрачные стражи, кроваво-алые пилоны.

Вспомнив слова отца о пристрастии Д'ни к потайным ходам, дверям в толстых стенах и туннелям в камне, Атр начал поиски.

Терпеливо, не торопясь, он переходил от арки к арке, тщательно обыскивая каждую нишу, ощупывая каждый дюйм каменных стен.

Поиски заняли добрых два часа, и хотя Атру не удалось найти ни потайного хода, ни двери, его усилия не пропали даром. В углу он нашел резец для камня, едва заметный на темном полу. Этот инструмент напоминал громадного паука, источник энергии в нем давно иссяк, но лезвия были острыми, как и прежде.

Сначала Атр думал, что ему придется оставить резец на месте — настолько крепко он был вбит в камень, но после получасового расшатывания ему удалось высвободить инструмент.

Атр приподнял на ладони тяжелый резец. Дверь его тюрьмы была сплошь металлической, и пробиться сквозь нее было невозможно даже с таким инструментом, но, прорубая каменную стену сбоку от двери, возможно, он сумеет выбраться наружу.

Зная, что медлить нельзя, Атр сразу же принялся за дело. Сняв тунику, он обернул тканью рукоятку резца, встал на колени и принялся дробить камень.

В темноте он не мог разглядеть, как продвигается работа, но спустя десять минут остановился и, отложив резец, ощупал камень пальцами.

Ему удалось сделать крошечное углубление — в сущности, только процарапать твердый, как сталь, камень, — но от этого неровного углубления бежала заметная трещина.

Он провел вдоль трещины пальцем и усмехнулся. Ее длина достигала целого фута.

Атр обернулся к столу. Там отец оставил лампу, а рядом с ней — огненные шарики. Поднеся лампу поближе, так, чтобы свет падал на стену, он снова принялся за работу, направляя удары на трещину, намереваясь расширить ее.

Первые несколько ударов оказались безуспешными, а затем с резким скрежещущим звуком трещина стала расширяться.

Атр улыбнулся и снова поднял резец, но в этот миг потолок над ним словно застонал.

Атр запрокинул голову. В неярком свете лампы он увидел, что весь потолок комнаты покрылся трещинами. Прошла еще секунда, и на пол посыпались мелкие осколки. Трещины постепенно расширялись.

Схватив лампы, Атр отпрыгнул к стене, едва успев спастись. С гулким вздохом два пилона треснули, и почти половина свода с грохотом обрушилась вниз.

Атра отбросило на спину. Он долго лежал, уставясь на завал и кашляя от поднявшейся пыли. Когда пыль постепенно осела, он увидел, что дверь полностью засыпана камнем. Он сел, чихая и протирая глаза. Вот чего он добился — он только прочнее запер себя в ловушке!

Он снова откашлялся, прочищая горло, а затем отполз подальше, вытирая слезящиеся от пыли глаза.

Но в том, что произошло, было по меньшей мере одно преимущество: если он не в состоянии выйти отсюда, то и Гену сюда не войти.

Атр повернулся к столу, на котором лежала Книга Пятой Эпохи, и задумался, оценивая ситуацию.

Что же затеял Ген? Почему, заперев его здесь, оставил ему лазейку для побега — вот эту Книгу? Зачем принес сюда перо и чернила? Почему положил на стол Книгу Уз Пятой Эпохи?

Возможно, отец оставил ему эту Книгу затем, чтобы Атр не умер с голоду.

Эта мысль заинтересовала его. Он подошел к столу и остановился, разглядывая Книгу Пятой Эпохи. В центре кожаного переплета помещался круглый металлический медальон, прикрепленный пятью крохотными крючками. Число «пять» на языке Д'ни — квадрат, перечеркнутый пополам узкой полоской, — красовалось на металле, а вокруг был выгравирован тонкий узор из цветов.

Атр открыл Книгу на странице с рамкой.

Издалека этот мир казался простым и спокойным — остров, покрытый густыми лесами.

Все это так, но в чем тут подвох?

Ибо здесь не может не быть подвоха. Теперь Атр точно знал это. Самое важное, что он успел понять — Ген никогда в жизни и пальцем не пошевелит, если дело не сулит выгоды ему самому.

Прошло много часов, прежде чем он наконец решил отправиться в Пятую Эпоху Гена, предварительно прочитав Книгу, ибо, если его и впрямь ждала тюрьма, следовало знать заранее, в какой Эпохе предстоит закончить жизнь.

Несколько часов он просидел, медленно переворачивая страницу за страницей, отмечая все неточности, все возможные противоречия в стиле, присущем только Гену. Отчетливее, чем прежде, он видел, как ограничено мыш-

ление его отца. Перед его глазами возник чудовищных размеров гобелен, сшитый из чудесных лоскутков шелка. Описанию недоставало дальновидности и цельности, но тем не менее, как это ни парадоксально, оно было составлено на редкость умно.

Но одна вещь в нем поразила воображение Атра, единственный элемент заставил его задержать дыхание и наполниться желанием увидеть его собственными глазами.

Дерево.

Атр выпрямился, пораженный изяществом и строгой сжатостью фраз Д'ни, описывающих дерево, а затем снова склонился над Книгой, обводя пальцем каждый символ и испытывая чисто эстетическое наслаждение.

Дерево, гигантское дерево, ветви которого заслоняли небо!

Атр улыбнулся и перечитал описание, запоминая подробности чужого мира, отмечая их в памяти, как обозначения на карте.

Что, если это и есть ловушка?

Он оглядел громадную мрачную комнату. Даже если он попадет в западню, по крайней мере снова увидит солнце, почувствует запах ветра, сможет подставить дождю лицо и ладони, услышать звонкое щебетание птиц.

Атр понурил голову, и его лицо исказилось от боли при воспоминании о Салар и старухе, о том, что случилось с их миром.

Такого больше не повторится, поклялся он себе, взял Книгу Уз и открыл Книгу Пятой Эпохи на странице с рисунком.

Не медля ни секунды, Атр наложил ладонь поверх изображения на странице, и оно тут же начало расти.

Он оказался среди густой высокой травы, неподалеку от берега круглого, как бы выпуклого пруда. Атр уставился на пруд, прикованный движением выгнутой поверхности воды, а потом, услышав голоса, поспешил прочь, поднявшись по заросшему кустарником холму. Он вышел на узкую утоптанную тропу, которая круто спускалась по утесу, обрываясь на каменном выступе и переходя в мост. Волны лазурного океана лениво накатывали на берег, оmyвая ряд гладких камней, напоминающих торчащие из песка зубы гигантского чудовища.

Атр помедлил, переводя дыхание и прислушиваясь к легкому шороху волн.

Повернувшись, он огляделся в поисках безопасного места для Книги Уз, принесенной с собой, и почти сразу его взгляд упал на скалу над самым мостом. Поверхность скалы была покрыта сотнями трещин.

Атр подошел поближе и выбрал среди множества трещин одну из самых больших, расположенную на достаточной высоте над уровнем прилива. Убедившись, что за ним никто не следит, Атр поднялся вверх по скале, найдя опору для ног в небольших трещинах и углублениях. Почти повиснув на скале, он сунул Книгу Уз за сухой выступ, подтолкнул

ее подальше в трещину и закрыл отверстие камнем.

Затем он спустился и прыгнул на песок.

Заметив тропу у самого берега залива, слева от моста, он направился туда, осторожно пробираясь среди острых камней. Некоторое время он шел в тени, а затем, когда тропа повернула в сторону, он увидел просвет в каменистом хребте. Атр вышел на луг.

Здесь дул сильный ветер, пригибал пушистые стебли высокой травы, трепал плащ Атра. Завернувшись поплотнее, Атр побрел дальше.

Повернув направо, он остановился, в изумлении открыв рот, и запрокинул голову, пытаясь охватить взглядом всю картину.

Перед ним было дерево.

Оно возвышалось на каменистом полуостровке, его корни напоминали колонны храма — они проникали глубоко в землю, бугрились, вились, словно десятки морских змей, стремящихся к океану.

Ствол дерева был монументальным — правда, он оказался не так высок, как представлялось Атру, однако его толщины хватило, чтобы Атр почувствовал себя песчинкой.

Это дерево — словно само Время, думал Атр, окидывая взглядом ветки, а затем, вспомнив, что оказался на открытом месте, поспешил к скале, виднеющейся впереди.

В скале были вырублены ступени, вьющиеся меж деревьев и кустов. А впереди, на поляне, освещенной солнечными лучами, стоял большой бревенчатый дом.

Атр направился к нему, чувствуя, как колотится в груди сердце. Он сразу узнал это строение. Оно не просто напоминало хижину Гена в Тридцать Седьмой Эпохе, но, в сущности, почти ничем не отличалось от него.

Атр внезапно с точностью определил, в каком месте острова он находится, мысленно представив его себе, как на карте.

Он шагнул в прохладную тень навеса, миновал разукрашенные деревянные колонны и оказался в комнате, убранной с немислимой роскошью: драгоценными гобеленами, статуями и стягами на серебряных древках.

В глубине зала виднелся трон — внушительное сооружение, судя по виду, вырезанное из целого куска чистого золота. Но, подойдя поближе, Атр увидел, что это не золото, а камень — искрящийся золотистый камень, подобного которому он не встречал даже в Д'ни. Он остановился, разглядывая трон, проводя кончиками пальцев по гладкой прохладной поверхности подлокотника и удивляясь, в какой древней книге Ген выкопал формулу или фразу, чтобы сотворить этот удивительный материал.

За троном стояла большая ширма из бледно-лимонного шелка с вышитым на ней мужским силуэтом. Едва бросив взгляд на гордо поднятую голову этого человека, на его линзы и статную фигуру, Атр понял: на ширме изображен Ген.

Атру не требовалось других доказательств пребывания здесь Гена. Где еще его отец успел

построить такие «храмы»? Сколько миров сотворил? В каких еще Эпохах люди считали его божеством?

Атр вспомнил описания из Книги Пятой Эпохи и уже знал, что увидит дальше. Он зашел за ширму и огляделся. Из тесного темного помещения за ширмой узкая лесенка вела вниз.

Он начал спускаться во мрак.

Низкая дверь, грубо вырезанная в каменной плите, вывела его в длинную узкую пещеру. Судя по описаниям в Книге, Атр знал, что пещеры покрыты тысячами небольших трещин, как и скала над морем.

Вдруг Атр понял, напрягая зрение. Книга Уз Гена находится здесь!

Он уже собрался вернуться, выйти наружу и исследовать лес, окружающий дом, когда вспомнил, что с этой пещерой связано нечто важное.

Он двинулся вперед. В удушливой жаре пещеры он мгновенно покрылся потом. Возможно, виновато было воображение Атра, но воздух постепенно становился все теплее, где-то впереди забрезжил призрачный голубоватый свет. Мало-помалу свет усиливался. Атр вышел во вторую пещеру, наполненную тем же голубым сиянием.

Здесь стояла невыносимая жара. Из трещины в полу поднимался пар, но взгляд Атра сразу устремился вверх, к своду, где ему предстало поразительное зрелище. Точно посередине ровного серого потолка пещеры находилось

большое, почти идеально круглое отверстие диаметром восемь — десять футов. А в отверстии, над пещерой, плескалась вода! Рядом Атр увидел лестницу, ведущую вверх.

Он застыл с открытым ртом. Не сон ли это? Какие силы поддерживали воду на весу? Он наморщил лоб, желая понять это, и подошел поближе. Из широкого естественного отверстия в полу пещеры исходил слабый красноватый отблеск.

Он снова запрокинул голову. Солнце пронизывало воду, изогнутые поверхности которой образовывали своего рода колодец. Атр прищурился, пытаясь прикинуть его размеры, но эта задача оказалась ему не под силу. По опыту Атр знал, что рефракция искажает размеры. И потом, как узнать, что это действительно вода? Прежде Атр никогда не видел ничего подобного. Наверху, по другую сторону водной преграды, явно что-то находилось. Иначе зачем здесь лестница?

Атр решительно направился к лестнице и поднялся по ней.

Далеко ли отсюда до поверхности пруда, подумал он, когда до мерцающей над головой воды осталось всего несколько дюймов. Какова глубина — двадцать футов? Тридцать?

Подняв правую руку, он робко коснулся воды.

Она оказалась совсем теплой, на ощупь — в точности вода, но едва Атр отдернул руку, капли полетели вверх, расплываясь на выгнутой поверхности.

Атр поднялся еще на одну ступень, погрузившись в воду по плечи. Пробыв в воде несколько секунд, он вынырнул, отплеываясь.

Усмехнувшись, он широко открыл глаза и провел ладонью по мокрым волосам.

Снова зажмурившись, он начал отсчет, делая глубокие, ровные вдохи. Досчитав до двадцати, он бросился вверх, оттолкнувшись от ступеней лестницы, и неожиданно для себя полностью погрузился в воду!

Открыв глаза под водой, он инстинктивно метнулся вверх, пробиваясь к поверхности.

Он поднимался с мучительной медлительностью, мимо скользили каменные стены. Легкие уже начинали ныть, но над головой все яснее виднелся свет.

А потом по озаренной солнцем глади промелькнула тень, очертаниями напомнившая Атру человеческую фигуру. Он заработал руками, пытаясь остановить движение вверх, однако это было невозможно. Борьба отняла у Атра последние силы.

Внезапный приступ боли в легких был ужасен — казалось, он глотнул раскаленной смолы. Его грудь словно охватило пламя, мозг запылал, как в огне. Судорожно выбросив в стороны руки, Атр попытался ухватиться за края странного, неестественного водоема, но тут на него нахлынула чернота.

Тело Атра медленно выплыло на поверхность круглого пруда, который он видел, когда прибыл в этот мир.

После яркого солнечного света полумрак хижины казался особенно непроглядным. Катран, сидящей невдалеке от того места, где двое ее братьев хлопотали вокруг незнакомца, понадобилось немало времени, чтобы глаза привыкли к темноте.

Сначала все они думали, что незнакомец мертв. Подобного существа они еще не видавали и даже опасались вытаскивать его из воды. Его кожа казалась синеватой, как у мертвеца, пульс на шее не прощупывался. Старик Грэа настаивал, что надо бросить его обратно в воду, но старший из братьев Катран, Карел, поступил по-своему: нажимая на грудь незнакомца, он избавил его от воды, попавшей в легкие, а затем принялся дышать ему в рот — до тех пор, пока с кашлем и обильной рвотой незнакомец не начал оживать.

Они завернули его в одеяло и отнесли на лежанку.

Это случилось еще утром. Незнакомец проспал несколько часов подряд — сначала метался и ворочался, а потом затих. Последние несколько часов Карел и его младший брат Эрлар ждали пробуждения незнакомца.

— Долго еще? — нетерпеливо спросила Катран. На языке Д'ни она говорила чище своих родственников.

Карел, стоящий у постели, пожал плечами, но Эрлар, который готовил суп у печи, улыбнулся и ободряюще произнес:

— Уже скоро, Катран. Пусть поспит еще

немного. Если он вскоре не проснется, мы разбудим его.

— Может быть... ему плохо?

При этих словах Эрлар переглянулся с Карелом.

— Трудно сказать, — отозвался Карел.

— Кто он такой? — задумчиво произнесла Катран, высказывая вслух вопрос, который вертелся в голове у каждого. — Как, по-вашему, он принадлежит Гену?

— Ты хочешь сказать, это один из его слуг? — Карел вздохнул и снова пожал плечами. — Не знаю. Но у него есть такие же стеклянные штуки, как у Гена.

— Стекла для глаз? — Катран подалась вперед. — Я не видела.

— Они были в кармане его плаща. — Карел выложил линзы на стол у постели. — Вот.

Катран взяла линзы и рассмотрела их, вспоминая, как Эрлар рассказывал ей о появлении первого незнакомца — со странной белой кожей и распростертыми руками. Казалось, он хотел обнять людей, которые повалились перед ним на колени.

Катран еще минуту осматривала линзы, а затем положила их на стол.

— У него есть клеймо?

Карел покачал головой.

— Нет, шея гладкая.

Невольным жестом Катран поднесла руку к собственной шее и провела пальцем по маленькому квадратному значку, глубоко вдавленному в кожу.

— Тогда, может быть...

Оба брата уставились на нее, ожидая продолжения, но Катран только покачала головой.

Эрлар улыбнулся и помешал варево в горшке.

— Он разговаривал во сне...

— Разговаривал? — Катран пристально уставилась на брата изумрудными глазами.

— Он бормотал что-то про цветы.

Ее маленький рот приоткрылся, губы слегка раздвинулись, и Катран с тревогой взглянула на незнакомца, лежащего на спине на деревянном ложе.

Неожиданно незнакомец пошевелился и издал слабый стон. Катран привстала и тут же опустилась на место. Карел окунул чистую тряпку в ведро, стоящее рядом, выжал ее и обтер незнакомцу лоб, как делал уже много часов подряд. В этот момент незнакомец поднял руку и крепко схватил Карела за запястье.

Карел беспокойно дернулся. Юноша открыл глаза.

В его бледных, но, несомненно, человеческих глазах отражалось удивление, страх и любопытство.

— Где я?

Карел не сделал попытки высвободить руку.

— Ты на Ривене. В деревне.

— На Ривене?

— Да, на острове Ривен,— повторил Карел.— Мы нашли тебя в пруду. Ты был совсем плох — внутрь попала вода.

Юноша широко раскрыл глаза, внезапно все вспомнив.

— В пруду...

— Ты не голоден?

— Голоден? — Незнакомец усмехнулся.— Да я умираю с голоду!

— Вот и хорошо.— Карел оглянулся на младшего брата и кивнул ему. Эрлар налил супу в большую деревянную чашу и, добавив в нее щепотку какого-то темного порошка, поднес незнакомцу.

— Возьми,— произнес Эрлар, когда Карел помог незнакомцу сесть и подложил ему под спину две подушки.

— Спасибо.— Незнакомец с благодарностью принял чашу. Понюхав суп, он осторожно попробовал его, а затем принялся уплетать с таким аппетитом, что братья с улыбкой переглянулись.

— Хочешь еще? — спросил Эрлар, принимая обратно пустую чашу.

— Да, если можно.

Братья с удивлением следили, как незнакомец опустошил вторую чашу, а затем и третью. Затем, осоловев от еды, он снова застыл.

Все это время Катран тихо сидела в углу, не сводя с юноши зеленых глаз.

Атр проснулся и сразу ощутил незнакомый, но приятный запах.

Повернувшись на бок, он сладко потянулся, а затем застыл на месте, услышав голоса

снаружи, у хижины. Теперь он вспомнил: это разговаривали двое молодых мужчин, которые накормили его. Как они назвали это место? Да, остров Ривен. Ривен из Пятой Эпохи Гена.

Он зевнул и снова улегся поудобнее, глядя в стену, сплетенную из прутьев и обмазанную глиной, почти ничем не отличающуюся от стен строений из Тридцать Седьмой Эпохи. Однако хижина была просторнее, ее вид свидетельствовал о хороших навыках в строительстве. И потом, в ней стояла плита — большая металлическая плита. Значит, эта Эпоха была сложнее Тридцать Седьмой. Ее жители умели добывать и обрабатывать металлы.

Атр оглядел плиту, отмечая ее простую, но надежную конструкцию, лишенную украшений, к которым он привык в Д'ни. Такая простота всегда привлекала его.

Его взгляд беспечно скользнул вверх, к потолку. Атр хотел узнать, из чего сделана крыша. Ничего подобного в Книге описаний он не видел. В Книге Пятой Эпохи Гена содержались лишь основные элементы, из которых предстояло развиться сложной культуре. Это заставило Атра задуматься, каким образом он может вписаться в жизнь этой Эпохи.

В гладкой выбеленной стене он заметил квадратное окно и, оглянувшись, с удивлением обнаружил, что на него смотрит девушка с поразительно яркими зелеными глазами.

Несколько мгновений он просто разглядывал ее, отмечая тонкую, своеобразную красоту ее лица, но затем смущенно отвел взгляд.

«Сколько она пробыла здесь? Давно ли наблюдает за мной?»

Он услышал робкие шаги по земляному полу.

— Ты чуть не погиб,— произнесла она.— Как ты оказался в пруду?

Атр увидел, как она встала на колени у его постели, и их лица оказались почти на одном уровне. В отличие от молодых братьев лицо девушки было напряженным, почти хмурым.

— Не знаю,— с трудом ответил он.

Девушка отвернулась, давая Атру возможность рассмотреть ее. Как и другие жители деревни, она была загорелой, однако Атр заметил, что на ее руках чередуются темные и светлые полосы, словно она надевала какие-то повязки, чтобы солнце образовало этот рисунок. На девушке было простое темно-зеленое платье, в волосы она вплела крошечные белые перья, шею обхватывало широкое, плотно прилегающее ожерелье, но, рассматривая все это, Атр то и дело возвращался к ее глазам — глубоким, таинственным, темным...

— Откуда ты пришел? — спросила она, не поворачиваясь.

— Издалека,— ответил Атр, решив, что такой ответ не причинит ему вреда, но сразу понял, что девушку он не удовлетворил. В ее глазах мелькнуло разочарование.

Атр украдкой наблюдал за ней. В ее позе чувствовалось странное напряжение, голова была слегка наклонена вперед, ладонь она приложила к губам.

Неожиданно она встала и повернулась, вновь устремив на него взгляд зеленых глаз.

— Как тебя зовут?

— Атр. А тебя?

— Катран.

Он кивнул.

— Кэтрин. Значит...

— Ка-тран,— перебила она, отчетливо сделав ударение на последний слог.— Ты мне снился.

— Я?..

Не говоря ни слова, она повернулась и быстро вышла из хижины, оставив дверь открытой. Солнечный свет широкой золотистой полосой лег на пол.

Атр поднял голову, глядя на дверь, а затем вновь упал на подушки.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Атр сидел, скрестив ноги, закрыв глаза и считая про себя.

— Атр!

Он повернулся.

— Что, Кэтрин?

На лице девушки отразилось недовольство от такого произнесения ее имени, но она перестала поправлять Атра.

— Что ты делаешь?

Досчитав до шестидесяти, Атр разжал пальцы. Крошечный шарик с переливающейся поверхностью выплыл из его ладони.

Атр взглянул на девушку. В ее глазах читался вопрос.

— Вода при нагревании ведет себя иначе.

— Да? Что же с ней происходит?

Атр пожал плечами.

— Видишь ли, обычная вода не летает и не вызывает боли в желудке.

Кэтрин рассмеялась, но тут же вновь посерьезнела.

Атр с удивлением наблюдал за ней: впервые девушка при нем рассмеялась, и от смеха ее лицо совершенно преобразилось.

— Я принесу тебе порошок.

— Порошок?

Кэтрин коротко кивнула. Минуту она просто смотрела на Атра, словно пытаясь прочесть его мысли, а затем, не делая ни единого движения, вдруг отвернулась — во всяком случае, так показалось Атру.

Ее глаза по-прежнему были устремлены на него, но девушка его уже не видела. Казалось, она впала в транс.

Атр протянул руку и поднял медный горшок, который рассматривал недавно, восхищаясь его безукоризненной симметрией, прочному соединению верхней и нижней половин четырьмя медными скобами — такова была вся посуда в Пятой Эпохе, предназначенная для воды, которая поднималась в воздух при нагревании. У каждой посуды имелась специальная крышка и отверстия с крошечными клапанами, которые открывались лишь при особом положении крышки.

Он снова взглянул на Кэтрин и увидел, что она по-прежнему чем-то отвлечена.

— О чем ты думаешь?

Она вскинула голову.

— Я скажу тебе, о чем думаю: у тебя странные глаза, ты носишь на глазах стекла. Ты похож на повелителя Гена.

— Я Атр, его сын.

В глазах Кэтрин промелькнуло торжествующее выражение, а затем, словно обдумав собственные слова, она отшатнулась.

— Тогда чего же ты хочешь?

Атр помедлил, прежде чем ответить на вопрос.

«И правда, чего я хочу?»

— Я хочу вернуться домой,— негромко произнес он.

— Домой?

— Да, в расщелину.

— Где это?

— Там, где я родился,— объяснил Атр,— и где вырос. Это всего лишь трещина на склоне вулкана посреди пустыни,— добавил он, вспомнив, что говорил Ген.— Но для меня она... все равно что рай.

— И твой отец живет там с тобой?

Атр отрицательно покачал головой, обдумывая свой ответ.

— Нет. Я познакомился с отцом, когда мне исполнилось четырнадцать лет. Меня вырастила бабушка Анна. Она кормила меня, одевала, учила. Я обязан ей всем.

Кэтрин пристально уставилась на него.

— А потом появился твой отец?

Атр кивнул. Поднявшись, он отряхнулся и уставился вдаль, в сторону заросшего травой склона. Деревня находилась за его спиной, по другую сторону склона — внутри глубокой чаши кратера. Глинобитные хижины жались к его стенам, их поддерживали толстые дере-

вянные подпорки — во многом это напоминало жилище в расщелине.

Он улыбнулся. Первый раз, когда Атр увидел эту деревню, чуть не стал для него последним. Притворившись спящим, Атр дождался, когда старший из братьев, Карел, покинет хижину, а затем выскользнул из постели, намереваясь выйти и осмотреться. Только врожденная осторожность спасла его от падения с высоты пятидесяти футов.

Такое местоположение деревни объясняло, почему звуки здесь изменялись по вечерам. Атр считал, что прямо к хижинам подступает море, не подозревая, что на самом деле море находится под хижинной, что вода заходит в грот слева от деревни.

Он огляделся. Слева, на расстоянии не более полумили, виднелся лес, состоящий из странных деревьев с золотистыми листьями и прямыми длинными ветками.

С южной стороны, на высоком мысу, находилась роща, окружающая храм, а дальше, справа, отчетливо различимое с любого места на острове, высилось дерево.

Кэтрин встала рядом с Атром, ни на минуту не спуская с него глаз. Это движение было почти дружеским. Ее тон тоже изменился — стал спокойнее, мягче.

— Ты мне снился.

Атр обернулся к ней, припоминая, что впервые услышал такие же слова в хижине.

— Снился?

— Да,— подтвердила она и медленно по-

брела по склону. Ее зеленое платье трепал ветер, босые ноги почти не касались травы.— Мне снился мертвец, плывущий по пруду, а потом появился ты!

— Ну что? — спросил Ген, усаживаясь перед девушкой.— Не случилось ли здесь... чего-нибудь необычного?

Катран подняла глаза от тетради и с невинным выражением лица ответила:

— Ровным счетом ничего.

— Отлично,— кивнул он, посасывая трубку.— Итак, начнем с того места, где мы остановились.

Урок прошел успешно, как бывало всегда. Катран оказалась хорошей ученицей, лучшей из учеников Гена, и ему ничего и никогда не приходилось повторять ей дважды. Кое-кто из членов Гильдии тоже преуспевал в копировании слов, но никому из них, за исключением Катран, не удавалось понимать истинное значение символов по мере их написания. Она же схватывала все на лету. И теперь, после всегонавсего двух лет учебы, она приобрела прочные знания. Но ей известно далеко не все, мысленно поправляя себя Ген, думая о ключевых словах, которые держал в тайне от Катран, о словах Гэро-эрти, без которых Искусство невозможно. Но он намеревался вскоре научить ее этим словам. Если, конечно, она по-прежнему будет прилежной ученицей.

Ген разработал этот план задолго до того,

как заключил в тюрьму Атра. Разгневавшись на сына, он решил все же превратить в реальность свою мечту о возрождении великого народа Д'ни. Он задумался. Атр был ему необходим — в этом Ген не сомневался, ибо талант сына мог оказать ему неоценимую помощь. Но работать с ним было сущим наказанием.

Неужели свет клином сошелся на Атре? Разве никто другой не сможет занять его место? Разумеется, не такой талантливый, но более послушный, чем сын?

Ему сразу же пришли в голову мысли о Катран.

Ген улыбнулся и повернулся к ней, отложив трубку.

— Мне надо кое-что сказать тебе, Катран,— это очень важно.

— Что, повелитель? — Она уставилась на Гена. Ее взгляд был взглядом идеального слуги и послушного помощника.

— Я хочу, чтобы ты заранее приготовилась к свадьбе, понимаешь? Она состоится через тридцать дней. Относительно церемонии я дам указания членам Гильдии, но тебе придется подготовиться особо.

— Ты хочешь взять себе жену, повелитель?

— Да, Катран. Моей женой станешь ты. Ты будешь сидеть по правую руку от меня и вместе со мной повелевать тысячей миров.

— Но я не заслужила такой чести, повелитель,— возразила девушка, склонив голову.

Ген негромко рассмеялся, польщенный ее смирением.

— Может быть. Но я выбрал тебя, Катран, и ты будешь моей женой. У тебя есть тридцать дней. Всего тридцать дней, прежде чем совершится обряд.

Атр разыскивал Кэтрин по всему острову, удивленный тем, что никто не знал, куда она исчезла. Когда он уже отчаялся, Кэтрин оказалась среди деревьев на опушке леса.

Он чуть не окликнул ее, не назвал по имени, однако что-то в ее позе заставило Атра сдержаться и отступить в лес, обходя ее сбоку под прикрытием толстых стволов, покрытых губчатой корой.

В пятнистой тени массивных ветвей ее тонкая фигурка казалась нереальной, сотворенной из земли и травы; зелень ее платья и густая чернота волос смешивались с окружающей светотенью.

Даже издали Атр видел, что Кэтрин чем-то встревожена. Ее глаза, обычно блестящие и пытливые, были задумчивы. Она стояла, крепко стиснув руки.

В чем же дело, молча гадал Атр, испытывая сочувствие к девушке.

Он осторожно пробирался по толстому коврику опавших листьев между деревьями, пока не оказался на расстоянии десяти шагов от Кэтрин.

— Кэтрин!

Она не обернулась, только вскинула голову.

— Кэтрин, с тобой все хорошо?

Она кивнула.

— Может, проводить тебя до деревни?

— Проводи,— вяло согласилась она, повернулась и зашагала рядом в сторону луга.

Атр обнаружил свою Книгу Уз там, где оставил ее, и вернулся обратно в свою тюрьму.

В комнате все было по-прежнему, Книга Пятой Эпохи лежала на столе, рядом с чернильницей и пером.

Атр устроился в кресле за столом, подвинул к себе Книгу и начал читать ее — на этот раз гораздо внимательнее, обдумывая каждую фразу, каждое, на первый взгляд несущественное, описание, внесшее свою лепту в Целое, которое он уже видел.

Только теперь, побывав в Эпохе, Атр понял, как хорош этот мир. Создавая Пятую Эпоху, Ген превзошел самого себя. Однако в Книге оказалось немало недостатков — особенно в чередовании фраз. Изящные выражения, начертанные на страницах, сами по себе были поразительно красивы, но никак не сочетались друг с другом. Это было характерно для всех книг отца. Смелость Гена, его тяга к смешению стилей, способность находить нужные фразы в самых разных источниках действительно вызывали удивление и казались признаками подлинного таланта.

Если бы Ген строил свои Эпохи по определенным принципам, они могли бы стать совершенными. Но он выдергивал отовсюду по фразе, и недостатки этого метода быстро слагались в сложную сеть взаимосвязанных ошибок, которые было невозможно устранить с помощью простых решений.

Атр перевернул последнюю страницу, отмечая попытки отца внести изменения в Пятую Эпоху, устранить неувязки, вызванные предыдущими записями.

— Сплошные ошибки...— тихо пробормотал Атр, желая и одновременно боясь уничтожить последние исправления. То, что произошло в Тридцать Седьмой Эпохе, было еще слишком свежо в его памяти. Нет, если он и решится что-либо исправлять, то с величайшей осторожностью, после долгих и терпеливых размышлений. Нельзя необдуманно вмешиваться в жизнь Эпохи — да еще такой сложной, как Пятая Эпоха Гена.

Ривен, вспомнил он, Кэтрин назвала остров Ривеном... Вскинув голову, Атр обнаружил, что Кэтрин стоит перед ним, прижимая к груди толстую книгу в синем переплете.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Атр вскочил, ошеломленный ее внезапным появлением.

Она быстро огляделась и положила книгу на стол.

— Я шла за тобой,— сказала она, не дожидаясь вопросов,— и видела, где ты прячешь Книгу Уз.

Атр молча уставился на книгу в синем переплете, лежащую на столе.

— Я взяла ее у твоего отца.

— Взяла? Но как? Он не позволяет выносить книги из библиотеки.

Кэтрин посмотрела прямо ему в глаза.

— Я стащила ее, пока он спал.

Атр смотрел на нее, от удивления открыв рот.

— Но зачем?

События разворачивались слишком стремительно. словно силась задержать их, Атр протянул вперед руки.

— Постой, объясни, что ты делала в кабинете отца?

— Он сам приводит нас туда.

— Кого это «нас»?

— Членов Гильдии. Он велит нам переписывать книги — говорит, что это помогает ему сберечь время.

— Членов Гильдии? — Атр рассмеялся. Его отец безумен в попытках воссоздать Гильдию Д'ни.

Кэтрин обошла вокруг стола и приподняла облегающее шею ожерелье. Под ним на коже горело клеймо Гена.

Атр отвел глаза.

— Сколько же это продолжается?

Кэтрин сделала гримаску, словно не желая будить неприятные воспоминания.

— Он поставил клеймо четыре года назад. Я была четвертой по счету из тех, кто получил клеймо. С тех пор нас десять человек. Мы — лучшие из лучших. Другие жители острова должны служить нам. Так велит твой отец.

— Зачем же ты принесла мне эту книгу? — спросил Атр, положив ладонь на испещренную мелкими пятнышками синюю обложку.

— Ты владеешь Искусством. Я хочу, чтобы ты привел в порядок наш мир.

Атр посмотрел на девушку, обошел вокруг стола и сел, открыв книгу. Она была пуста. Кэтрин стащила у отца чистую книгу.

— Но зачем мне это?

— Затем, что ты обязан нам помочь.

— Обязан? Кто это сказал?

— Разве ты не понимаешь? Наш мир раз-

валивается на глазах. Я пришла просить тебя о помощи.

— Тогда говори,— попросил Атр.

— Это началось некоторое время назад. Земля дрожит, в ней появляются трещины, море выбрасывает на берег множество дохлой рыбы. И потом, дерево...

Он напряженно ждал, вспоминая, что случилось с Тридцать Седьмой Эпохой. Катастрофа там тоже началась с малого. Непрочность, роковая непрочность • — вот что отличало все миры Гена.

— Великое дерево гибнет,— закончила она.

— Что же ты до сих пор молчала?

— Сначала я сомневалась в тебе.

— Почему? — Атр рассмеялся.

— Потому, что ты обладаешь властью, как и твой отец. Властью создавать и разрушать миры.

— Ты считаешь, что я способен на такое?

— А разве нет?

Атр помедлил и кивнул.

— Да, я владею Искусством.

— Тогда помоги нам, Атр.

Он испустил тяжелый вздох. А если это очередная ловушка? Как Кэтрин ухитрилась стащить книгу из кабинета отца? Атр припомнил, что слышал голоса из-за двери кабинета Гена. Ему давно следовало догадаться, что Ген приводит к себе людей из своих Эпох.

— Ладно,— кивнул он,— я помогу вам.— Он помедлил.— Но мне нужно больше книг — таких же чистых.

— Зачем?

Атр терпеливо объяснил:

— Они понадобятся мне для опытов, для попыток.

— На Ривене у меня есть еще несколько книг. Ты должен помочь мне принести их сюда.

Атр улыбнулся.

— Значит, ты стащила не только эту книгу?

— Да. Твой отец доверяет мне. Он...

— Что такое? — Атр насторожился.

— Нет, ничего. Просто нам будет лучше вернуться за книгами. Чем быстрее ты выступишь к делу...

Атр покачал головой.

— Но к чему такая спешка? Она способна все погубить. Чтобы привести Эпоху в порядок...

Кэтрин склонилась над столом.

— У нас есть всего тридцать дней.

Атр отпрянул.

— Ничего не понимаю! Что же случится через тридцать дней?

Кэтрин не ответила ему. Она положила ладонь поверх изображения Пятой Эпохи и исчезла, оставив Атра одного с гулко бьющимся сердцем.

Он очутился на заросшем травой лугу неподалеку от пруда.

Кэтрин ждала его. Взяв Атра за руку, она торопливо повела его вдоль края утеса. Волны неумоимо лизали прибрежные камни внизу,

на расстоянии сотни футов. Мимоходом взглянув на великое дерево, Атр не заметил никаких признаков его гибели. С такого расстояния оно казалось воплощением могущества природы, символом плодovitости, однако у Атра не было причин сомневаться в словах Кэтрин.

— Нельзя, чтобы нас заметили,— сказала она, торопливо шагая по узкой тропе вдоль утеса, а затем поднимаясь на террасы по деревянным ступеням, врытым в землю.

Атр пожал плечами и поспешил за ней.

— Сюда,— поманила его Кэтрин.

Атр подошел поближе и нахмурился, сразу поняв, что она имела в виду. Кору дерева рассекала глубокая трещина, достигающая сердцевинного слоя, по которому поступали питательные вещества из почвы. Трещина была так велика, что в ней с легкостью поместился бы человек.

— Видишь? — негромко спросила Кэтрин, тревожно разглядывая трещину.— Это его кара.

— Кара? За что?

Кэтрин прошла мимо Атра и села на траву, глядя на поблескивающее сквозь ветви деревьев море и храм, едва различимый среди густой зелени.

— Один из членов Гильдии послушался. Он подверг сомнению слова повелителя Гена. Твой отец пришел в ярость — я еще никогда не видела его таким. Он велел нам... принести в жертву этого человека.

Атр подошел поближе и присел, вглядываясь в ее лицо.

— О чем это ты?

— Мы бросили его в море.

— Но я ничего не...

Кэтрин подняла руку, останавливая его.

— Это не важно. Важно то, что ему удалось запугать нас — всех до единого. Дать нам хороший урок. «Стоит еще кому-нибудь ослушаться меня,— сказал он тогда,— и я уничтожу ваш мир. Ибо если я сумел создать его, значит, смогу и обратить в прах! Смотрите на великое древо,— добавил он,— я ставлю на нем клеймо».

«Еще один разлом,— подумал Атр, вспоминая, что случилось в Тридцать Седьмой Эпохе.— Да, где бы он ни появился, он оставляет клеймо, словно знак несостоятельности всех своих попыток. Значит, вот зачем я оказался здесь? Именно поэтому он и заключил меня в тюрьму, оставив Книгу Пятой Эпохи? Чтобы я исправил за него ошибки? Чтобы привел в порядок то, что он не сумел сделать как следует с самого начала?»

Он повернулся к Кэтрин.

— А остальные члены Гильдии... им известно, что ты задумала?

Она покачала головой.

— Они убили бы меня, если бы узнали об этом. Они трепещут перед твоим отцом, Атр. Они съеживаются от одного его голоса.

— Однако один из них решился ослушаться Гена.

Кэтрин потупилась, словно застыдившись.

— Так это была твоя вина? — спустя мгновение догадался Атр.— Ты... заставила его?

Кэтрин подняла на него умоляющие глаза.

— Но я не думала, что все так выйдет! Я только надеялась...— Она испустила прерывистый вздох и продолжала еле слышным шепотом: — Я надеялась, что повелитель Ген выслушает его. Я считала твоего отца рассудительным человеком.

— Ты ошиблась,— сухо возразил Атр.— Мой отец — безумец.

Он взглянул в даль, туда, где за храмом возвышался холм.

— Что там? — спросил он, припоминая, что было написано в книге Гена.

— Там живут члены Гильдии. Там бываем только мы.

По какой-то причине мысль о том, что Кэтрин приходится жить одной среди девяти мужчин, взволновала Атра.

— Все они... такие же, как ты?

Рассмеявшись, Кэтрин провела рукой по лицу.

— О чем ты? Хочешь узнать, молоды ли они?

Атр смутился, а затем кивнул.

— Нет,— покачала головой Кэтрин,— большинство из них стары... гораздо старше моего отца. По-моему, это нравится Гену: он считает их более послушными. Но Эван был молод.

— Эван?

Она кивнула, прикусив губу.

— Да, он был моим другом. Это его Ген велел принести в жертву.

Атр отвел глаза и уставился на темную трещину в массивном стволе дерева.

— Ты его любила?

— Любила? — с неподдельным удивлением переспросила она, но тут же кивнула.— Он был для меня все равно что брат. Он был дорог мне — как Карел и Эрлар. И когда Гильдия схватила его...

— Прости,— пробормотал Атр, не дождав-шись продолжения.— В этом есть... и моя вина.

— Нет, неправда,— резко повернувшись к нему, возразила Кэтрин.— В конце концов, отец и к тебе не слишком добр, верно? Что это за отец, если он сажает под замок родного сына?

Атр широко раскрыл глаза.

— Откуда ты знаешь все это?

Кэтрин отвернулась.

— Мне рассказывал твой отец. Часто... он даже не замечает, что я слушаю его. Он любит говорить сам с собой и забывает, что кто-то есть рядом. Когда я бывала в его кабинете и переписывала книги, то...

— Постой,— прервал ее Атр.— Объясни... зачем ему это понадобилось?

Кэтрин недоуменно заморгала.

— Но ведь я уже говорила — наша помощь позволяет ему сберечь время и ускорить работу.

— Все это так, но... чего он добивается?

Он пристально следил за Кэтрин, не давая ей отвести взгляд. Она улыбнулась.

— Полагаю,— начала она, усаживаясь поудобнее и поворачиваясь лицом к нему,— он хочет обучить нас Искусству.

— Это он так говорил?

Кэтрин кивнула.

— Но это невозможно. Искусством могут владеть лишь Д'ни, никто другой просто не способен научиться ему.

Она с любопытством склонила голову.

— Ты в этом уверен?

Атр кивнул.

— Об этом отец рассказал мне в первую очередь. И книги Д'ни подтверждают его слова.

Неожиданно Кэтрин с облегчением вздохнула.

— В чем дело? — спросил Атр, удивленный ее реакцией.

— Я только подумала... знаешь, в моей книге...

— В твоей книге?

Внимательно поглядев на Атра, она кивнула.

— Ты хотел бы увидеть ее?

Атр пожал плечами.

— Пожалуй, да...

— Тогда пойдем.— Кэтрин подала ему руку.— Я покажу ее тебе.

Катран всегда испытывала волнение при мысли, что она способна сотворить книгу. Почему-то это предположение, которое вначале заинтриговало ее, теперь стало пугающим —

ибо если даже она способна воплотить в реальность свои мечты с помощью бумаги и пера, то кто она сама? Нет, это всего-навсего вымысел. Еще один каприз извращенного воображения повелителя Гена!

Она повернулась, вглядываясь в угол хижины, где сын Гена Атр сидел скрестив ноги, на узком ложе и читал ее книгу.

Он так отличался от своего отца, был таким...

Настоящим.

Она не могла отвести взгляд от юноши, чувствуя, как его близость странным образом тревожит ее.

Атр поднял голову и поймал ее взгляд, и Кэтрин мгновенно поняла, в чем дело,— всему причиной его доброта. Простая, естественная доброта.

— Это восхитительно,— произнес он.— Никогда еще не читал ничего подобного. Это напоминает... ночь в пустыне... или расщелину, заполненную звездами.

Кэтрин подошла и села рядом.

— Эти описания... да, они чудесны. Поэтичны. Но с точки зрения практики... боюсь, здесь слишком много противоречий. Нарушены почти все основные законы Искусства Д'ни. В этих описаниях отсутствует четкая структура или скорее архитектура. А некоторые из символов... я встречаю их в первый раз. Не знаю даже, есть ли у них значение. Откуда ты их взяла? Ген не учил меня им.

Кэтрин пожала плечами.

— Но чтобы такой мир существовал...— Атр вздохнул, закрыл Книгу и протянул Кэтрин.— Боюсь, ничего не выйдет, хотя Книга вызвала в моем воображении удивительные картины.

Она провела пальцами по бледно-лимонной обложке. Зеленые и светло-синие крапинки на ней вызывали у Кэтрин образы травы и воды среди яркого солнечного света. Снаружи Книга напоминала мир, окружающий ее, но внутри...

— Там хорошо,— произнесла она отсутствующим голосом.— Совсем как во сне...

Атр уставился на нее, ничего не понимая.

— Когда я бывала там...

Атр покачал головой.

— Но это невозможно.

— Я словно грезила наяву,— закончила она, поворачиваясь к нему.

— Не может быть,— снова повторил Атр, беря Книгу у нее из рук.— Такие описания просто не подействуют. Искусство Д'ни — это наука точных словесных построений.

Кэтрин открыла книгу и указала на изображение на правой странице. Рисунок был темным, и все же там что-то было.

Атр недоуменно посмотрел на Кэтрин.

— Я хочу, чтобы ты его увидел.

— Но это же...— неуверенным шепотом отозвался он. Не слушая, Кэтрин положила его ладонь поверх изображения и улыбнулась. Ее улыбка растворилась в воздухе, когда рисунок начал с привычной силой затягивать Атра.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

— ...невозможно!

Атр шагнул в огромную коническую чашу мрака. Посредине этой чаши, в центре огромного, диаметром не меньше мили, отверстия поднимался мощный столб воды — широкий, как река, и устремлялся в темноту, пока не исчезал из виду высоко над головой.

Атр застыл, пораженный.

Стайки крупных насекомых, напоминающих светляков, кружились в воздухе, отливая золотом и рубином. Двигались они скорее как рыбки, чем насекомые. Атр сделал движение, желая поймать одного из светляков, и был потрясен, увидев, как он пролетел прямо сквозь его ногу, неожиданно возникнув позади. Другие существа не менее причудливого: вида — с длинными искрящимися перьями и хохолками, пестрыми грудками и хвостами в виде золотых цепочек — порхали и кружились, меняя форму и цвета, пребывая в непрерывном движении и преобразовании.

— Правда, это похоже на сон? — спросила Кэтрин, появляясь из пустоты рядом с Атром.

В воздухе пахло лимоном, в нем ощущался также слабый, еле уловимый аромат сосновой смолы и кардамона.

Атр рассеянно кивнул, следя за одним из светляков — тот пролетел сквозь ближайший из валунов, оставив на поверхности камня россыпь блестящих разноцветных искр, которые несколько мгновений вспыхивали и гасли, прежде чем исчезнуть.

Да и сам валун, казалось, попал сюда из сказки. Он был прозрачным, словно сделанным из желе, на ощупь его поверхность оказалась теплой. И самое удивительное — он источал аромат. Атр принялся и в изумлении потряс головой — камень пахнул розами и камфарой.

Повсюду, куда ни глянь, сливались и попадались существа и предметы; барьеры, которые в обычной жизни существуют между вещами, здесь исчезали, словно во сне.

Атр запрокинул голову и указал Кэтрин на гигантский водяной столб, вздымающийся и пропадающий в ночном небе.

— Куда она течет?

Кэтрин рассмеялась — такого мягкого, ласкового смеха Атру еще не доводилось слышать.

— Ты мечтал когда-нибудь поплыть среди звезд?

— Поплыть? — На мгновение он вспомнил Анну и расщелину, вечер после грозы.

— Да,— задумчиво подтвердила Кэтрин.— Если это и есть мой сон, мы могли бы подняться в ночное небо, полетать среди звезд и вернуться сюда...

Атр устремил на нее непонимающий взгляд. Иногда Кэтрин поразительно напоминала собственную Книгу, прекрасную, поэтичную, но непостижимую.

— С водой мне не очень-то везет,— произнес он, вызвав у Кэтрин новый взрыв смеха,— но это...— Он поднял руки, словно желая обнять сотворенную ею Эпоху.— Ничего не понимаю.— Атр удивленно покачал головой.— Просто не могу себе представить, как такое возможно.

Он отвернулся, привлеченный видом ярко-голубого существа, похожего на змею — оно раздвоилось,—проскальзывая мимо, затем разделилось еще раз и еще, пока не превратилось в целую стайку крошечных змеек, ползущих плотным строем.

— Неужели все это родилось в твоём воображении?

— Почти все,— ответила Кэтрин, нагнулась и подняла что-то с земли.— Но иногда я не могу припомнить, описывала ли то или другое существо. Наверное, в такие минуты я переставала думать и просто... писала.

Она протянула Атру цветок. Он также оказался непростым. Атр хотел взять его, но цветок сам подплыл к его руке и потерялся о нее, словно котенок.

Атр отпрянул.

— Что случилось? — спросила Кэтрин.

— Не знаю.— Он улыбнулся.— Странно, только и всего.

Кэтрин бережно водворила цветок на место и улыбнулась Атру.

— Здесь тебе ничто не угрожает, Атр. Ручаюсь, ты в безопасности.

Может, она была права, но Атр все равно ощущал волнение. Все предметы или существа вокруг решительно не желали вести себя так, как им полагалось. Привычные, давно усвоенные законы здесь опровергались на глазах. Казалось, в этой Эпохе все поставлено с ног на голову. По всем правилам такая Эпоха не должна была существовать — и все-таки она существовала. Что же это значило? Неужели Кэтрин права? Может, здесь действуют другие законы — отнюдь не те, что были открыты Д'ни? Или этот мир — сплошная аномалия?

Кэтрин выпрямилась и протянула ему руку.

— Пойдем, я покажу тебе еще кое-что.

Они спустились по склону, пока не оказались на расстоянии нескольких ярдов от заросшего травой выступа. За ним начиналась пустота, в которой виднелся только слабый блеск откуда-то снизу, да вода, бьющая вверх, освещала все вокруг.

— Возьми.— Кэтрин вложила ему в руку что-то маленькое, гладкое и плоское.

Атр осмотрел странный предмет — гладко отшлифованный камешек размером не больше его ладони.

— Чего ты ждешь? — спросила Кэтрин.— Разве прежде ты никогда не бросал в воду камешки?

Атр удивленно взглянул на нее, а затем размахнулся и бросил камешек в темноту, представляя себе, как он запрыгал бы по поверхности пруда.

Камешек резво зашлепал по воздуху, а потом, словно натолкнувшись на скалу, круто ушел вниз, мгновенно исчезнув в мощном потоке воды.

Атр замер с открытым ртом, уставившись на поток, но вскоре опомнился и обнаружил, что Кэтрин негромко смеется.

— Что это с твоим лицом!

Атр поспешно закрыл рот, вдруг обнаружив, что желает повторить опыт — бросить камешек и посмотреть, как он растворится в пустоте.

— Куда уходит этот поток?

— Пойдем,— позвала Кэтрин, взяв его за руку.— Я покажу тебе.

Туннель, по которому они двигались, оказался невысоким и идеально круглым. Каменные стенки излучали неровный теплый свет. Туннель вел вниз, постоянно извиваясь. Наконец они вышли наружу, в сияющий день. В мир столь же удивительный, как тот, что остался по другую сторону туннеля.

Атр зажмурился, чувствуя, как резанул по глазам яркий свет, и надвинул линзы, а затем осмотрелся.

Дневная половина этого мира была не менее удивительной. Они стояли на вершине огромного каменистого холма среди океана. Этот холм был одним из цепи возвышений, образующих неровное кольцо, каждый из них устилала яркие цветы с пьянящим ароматом, над которыми порхали, трепеща крыльями, миллионы бабочек.

В самом центре кольца каменистых холмов урчал огромный водоворот. Прямо над ним облака превращались в вертикальные ленты и стремительно исчезали в центре водоворота.

Атра неожиданно осенило.

— Мы находимся по другую сторону! Вот источник того немислимого фонтана — он проходит насквозь...

Но едва успев произнести эти слова, он в изумлении открыл рот.

Но каким образом? Каков механизм этого движения? Ибо Атр знал — знал с абсолютной уверенностью, что, если такое явление существует, должна быть и физическая причина его существования. Дело не в нарушении законов Д'ни, а в их искажении.

Он повернулся к Кэтрин с нескрываемым восхищением в глазах.

— Это прекрасно! Я никогда не думал...

Она остановила его:

— Это еще не все. Хочешь посмотреть дальше?

-Да.

— Тогда смотри,— произнесла она, указывая в сторону горизонта.

Атр послушался. Гигантские гроззовые тучи сбились на горизонте, поднимаясь в небо, как пар из горшка с кипящей водой. Невероятных размеров тучи, грозный гул которых приглушало расстояние, заслоняли собой весь горизонт. Время от времени их рассекали извилистые молнии.

Они окружают тор со всех сторон, понял Атр. Видимо, здесь действовали две самостоятельные силы — сила пара и центробежная сила, которой подчинялась вода.

Атр повернулся к Кэтрин.

— Ты позаботилась, чтобы большая часть массы тора приходилась на его внешний край, верно?

Она только улыбнулась.

— И потому гравитация...— Атр помедлил, крепко сжав правый кулак. На его лбу прорезались глубокие морщины.— Это гравитационное кольцо... втягивает воду в центральное отверстие... а затем какая-то другая сила засасывает ее в небо, где поток расходится веером... по-прежнему находясь в зоне действия гравитационного поля тора, и попадает к внешним границам этого поля... верно?

Кэтрин с улыбкой слушала его.

— И в этом медленном падении он образует тучи, тучи вызывают грозы, а...

Явление было впечатляющим. В сущности, Атр лишь отчасти понял его, однако чувствовал, что оно еще удивительнее, чем кажется поначалу.

Повернувшись, он огляделся и вдруг за-

стыл как вкопанный. Совсем рядом среди сочной травы виднелся голубой островок. Атр взбежал по склону и остановился рядом.

Голубые цветы! Тысячи крохотных, хрупких голубых соцветий с лепестками, похожими на лучи звезды, и бархатистыми, почти черными серединками.

Тронутый этим зрелищем, Атр наклонился и сорвал цветок, а затем оглянулся на Кэтрин.

— Откуда ты узнала?

— Узнала? — Кэтрин вопросительно сморщила лоб.— Что?

— Я думал... ладно, это не важно.— И чтобы переменить разговор, спросил: — Кем ты приходишься моему отцу?

Кэтрин отвела взгляд.

— Я — его прислужница. Одна из членов Гильдии...

Атр смотрел на нее, понимая, что Кэтрин чего-то недоговаривает, но боялся спросить.

Помолчав, она добавила:

— Я должна выйти за него замуж.

— Замуж?

Она кивнула и отвернулась.

Атр тяжело опустился на землю. Он стиснул пальцы, сдавливая тонкий голубой бутон.

В его глазах была пустота, голова поникла.

— Он приказал мне,— продолжала Кэтрин, подходя ближе.— Ген сказал, что свадьба состоится через тридцать дней. Что он устроит пышную церемонию на Ривене... в Пятой Эпохе.

Атр с болью смотрел на нее.

Вдруг Кэтрин вскинула голову.

— Но лучше умереть, чем выйти за него замуж.

Постепенно, с трудом постигая смысл ее слов, Атр выпрямился.

— Значит...

— Значит, ты должен помочь мне, Атр. У нас есть тридцать дней. Всего тридцать дней, чтобы изменить этот мир.

— А если мы не сумеем?

Кэтрин долго оглядывала сотворенную ею Эпоху, прежде чем устремить на Атра блестящие зеленые глаза. Они горели такой решимостью, что Атр застыл на месте, словно зачарованный. Не отводя глаз, она взяла Атра за руку, крепко сжала ее и произнесла, вселяя в него уверенность:

— Мы с тобой — ты и я — способны творить чудеса. Настоящие чудеса!

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Солнце неторопливо опускалось за горизонт. Атр стоял на узком плато с дневником в руках и, надвинув линзы, оглядывал описанную им Эпоху. Перед ним расстилалось холодное, мрачное море с поверхностью гладкой, словно зеркало, потемневшее от времени. Чистые воды наполняли громадную чашу между двумя пурпурными утесами.

Берег великого моря был голым и пустынным, почти таким же, как та пустыня, в которой вырос Атр. Утесы-титаны, источенные ветром и солнцем, простирались до горизонта по обе стороны, их неровные склоны пронзали извилистые, черные как ночь расщелины.

На этот раз Атр обошелся общими описаниями, создавая мир, подходящий для опытов, но не более того. Он желал лишь узнать, подтвердятся ли его предположения о недостатках Книги Пятой Эпохи.

За последние несколько недель он создал десяток таких Эпох — по две для каждого

опыта. В этой и еще в одной Эпохе он проверял, окажут ли желаемое воздействие в Пятой Эпохе изменения ее орбитальной системы, а в других мирах экспериментировал со структурой тектонических пластов под корой планеты, с видами и силой океанских течений, пульсациями гравитационных полей, составом самой земной коры.

В сущности, он заново создавал те породы, описания которых обнаружил в Книге Пятой Эпохи, внося в них самые незначительные изменения. Если новое описание окажется верным, то его Эпоха будет прочна и стабильна, тогда станет надежной и Пятая Эпоха — едва он внесет изменения в ее Книгу.

Еще раз оглядевшись, Атр записал свои наблюдения, захлопнул дневник и сунул его в суму.

Пока все эксперименты подтверждали лишь одно: Пятая Эпоха обречена. Разложение и разрушение наступит в течение жизни одного поколения — если не успеть внести жизненно важные изменения в Книгу.

Подняв линзы, Атр потер глаза. Он устал так, как не уставал за все предыдущие годы, однако не мог бросить работу. До церемонии оставалось всего десять дней, и к тому времени должно быть все готово.

Снова надвинув линзы, Атр стал ждать. Вскоре должна была взойти луна, она поможет подтвердить еще один вывод.

Если Атр не ошибался, Ген поместил единственную луну Пятой Эпохи на одну орбиту с

планетой. Вследствие этого значительно увеличились приливы, а луна должна была постепенно переходить на все более низкие орбиты и в конце концов — разбиться о планету. Эта катастрофа произойдет еще не скоро, но задолго до нее гигантские приливные волны уничтожат остров.

Атр вознамерился перевести луну Пятой Эпохи на стабильную синхронную орбиту — такую, где скорость вращения будет равна скорости вращения планеты. Задачу осложняло то, что сделать это следовало как можно незаметнее.

В сумерках Атр поплотнее запахнулся в плащ. Воздух здесь был разреженным и холодным, и Атр уже давно мечтал вернуться обратно в Д'ни и как следует выспаться.

Он ждал, наблюдая, как блеснул последний луч солнца, скрывшегося за линией горизонта. Повернувшись и подняв линзы, Атр поискал на небосклоне луну и сразу увидел ее. Это серебристо-голубое светило казалось огромным и зловещим.

«Ошибка,— подумал он, холодея при виде этого зрелища.— Она слишком близко от планеты...»

Не успел он додумать эту мысль, как равнина под его ногами мелко задрожала, словно некая машина начала работать в глубине, под слоем камня.

Море заволновалось.

Атр смотрел на луну, не отрываясь. В чем же его ошибка? Неужели он допустил какую-

то неточность? Или просто изменения оказались неудачными?

Или, поддавшись усталости, он перепутал книги? Неужели он оказался в другой Эпохе?

Тряска усиливалась. Из глубины земли слышался угрожающий рокот, по плато побежали трещины, в воду с грохотом посыпались камни, поднимая фонтаны брызг, а море закипело, словно гигантский котел.

Земля вдалеке засветилась, но не отраженным серебристым лунным светом, а зловещим, оранжево-алым.

По плато пронесся ледяной ветер.

Нахмурившись, Атр шагнул ближе к краю плато и, надев линзы, прибавил увеличение.

Отдаленное свечение оказалось отблеском раскаленной магмы, вырывающейся из глубин мантии. Кора планеты разрывалась.

Грохот стал оглушительным, тряска настолько усилилась, что Атр едва держался на ногах. Пора было возвращаться.

Атр хотел снять со спины суму и вытащить Книгу Уз, но в этот момент последовал мощный толчок.

Атр упал, судорожно вцепился в ближайший камень, но пользы это не принесло, ибо плато начало медленно скользить в море.

Сума упала с его плеча, Атр попытался достать ее, но пальцы разжались, и он покатился вниз по склону.

— Нет! — успел крикнуть он, падая в холодную черную воду.

Его охватила паника. Вода вокруг бурли-

ла, ему едва удалось вынырнуть и глотнуть воздуха.

Волны ударили ему в лицо. Атр старался не наглотаться воды и одновременно подтянуть к себе мешок, чтобы достать Книгу.

И в этот момент он увидел ее.

Прямо на него шла волна, демонически освещенная пугающе огромной луной, словно сидящей верхом на гребне,— громадная, черная волна, сметающая на своем пути островки словно пылинки.

Волна приближалась. Вода вокруг Атра затихла, ее поверхность стала гладкой, воцарилась угрожающая тишина. Слышался лишь отдаленный рев приближающейся водяной стены.

Завороженный жутким зрелищем, Атр забыл о том, что надо спешить, и, не отрываясь, смотрел на волну.

Внезапно, словно от толчка, он пришел в себя и, схватив мешок онемевшими в холодной воде пальцами, вытащил Книгу Уз и раскрыл ее.

Домой...

В тот момент, когда Атр положил ладонь на страницу, луна мигнула, море, издавая страшный гул, поднялось навстречу черной водяной стене. Атру казалось, что его череп в следующую секунду рассыплется на тысячу кусков...

Придя в себя, Атр обнаружил, что лежит, съездившись, на холодном полу комнаты, в Д'ни, а от его промокшей одежды растекается лужа.

Воздух в комнате был свеж, тишина после грохота разрушения показалась Атру самым желанным звуком, какой он когда-либо слышал.

Испутив длинный вздох и припоминая миг, когда волна нависла, угрожая поглотить его, Атр поднялся, снял линзы и обернулся к столу. За столом сидела Кэтрин, не подозревая о его возвращении, и пристально смотрела в Книгу.

— Кэтрин!

Она вскинула голову, закрыла Книгу и отложила ее. Увидев, в каком состоянии Атр, она вскочила и обежала вокруг стола.

— Атр, что с тобой?

Он поднялся и отстранил ее.

— Все в порядке. Просто вышла ошибка с луной.

— С луной?

Атр устало отмахнулся от вопроса и тихо спросил:

— Почему ты здесь? Мы же договорились, что тебе будет безопаснее оставаться на Ривене.

— Знаю, но...— Она осеклась, отошла к столу и подвинула к себе Книгу.— Я не хочу возвращаться.

— Так надо. Тебе нельзя оставаться здесь.

— Я тут успела кое-что сделать,— произнесла она, словно не слыша Атра.— Мне хотелось удивить тебя.

Она подала ему Книгу.

Недоуменно взглянув на Кэтрин, Атр взял

Книгу, сел за стол и открыл ее. Некоторое время он читал молча, в комнате раздавался лишь шелест страниц. Затем он поднял голову.

— Что это?

Кэтрин шагнула поближе, посмотрев на открытую страницу.

— Я написала эту Эпоху для нас... чтобы мы могли уйти туда. Я назвала ее Мист.

— Но она совсем не похожа на твою прежнюю Эпоху.

— Она тебе не нравится?

— Не в том дело... То же самое сделал бы и я, будь у меня время. Ты...— Он рассмеялся и взял ее за руку.— По-моему, ты просто чудо.

— Я всего лишь учусь.

Атр еще раз заглянул в Книгу, пораженный сдержанностью слога и глубоким пониманием принципов Д'ни, превосходящим его собственное. Долгое время он молчал.

— Осталось сделать несколько завершающих штрихов,— объяснила Кэтрин, нарушив молчание.— А потом...

— Ты возьмешь меня с собой?

Кэтрин улыбнулась.

— Ну разумеется! А пока не мешай, мне надо поработать.

Атр долго сидел, размышляя.

Какими бы ни были чувства Атра к Кэтрин, ему предстояла гораздо более важная задача. Если отец одержит победу в Пятой

Эпохе, он захочет побеждать повсюду, ибо тщеславию Гена нет пределов. Увидев то, что Кэтрин удалось создать в двух своих Эпохах, Атр понимал: мечта Гена возродить империю Д'ни осуществима — по крайней мере, частично. Отец способен обрести бесчисленное множество миров, стать их повелителем, заставить миллионы жителей этих миров подчиняться его воле.

Оставался лишь один выход: заманить Гена в Пятую Эпоху и уничтожить все Книги Уз. Но в таком случае сам Атр рисковал остаться там навсегда. А теперь, когда Кэтрин сотворила для них Мист — истинное святилище, недостижимое для Гена, — мысль о поражении вдруг показалась Атру невыносимой.

Разумеется, они могли бы создать другую, отдельную Эпоху — простой, никем не населенный мир, куда можно попасть из Миста и где будет изобилие плодов и трав, так как новая Эпоха Кэтрин отличалась отсутствием растений, пригодных для пищи.

Вспоминая последнюю Книгу Кэтрин, Атр не раз задумывался о том, написала ли Кэтрин ее сама или, по примеру Гена, скопировала элементы. Ведь ее новый мир ничем не походил на прежний.

Или же это действительно ее творение?

Атр потряс головой, стараясь сосредоточиться на предстоящих делах.

Прежде всего ему требовалось упрочить остров. Как только это будет сделано, он отыщет место, где Ген хранит Книгу Уз — без этого

заманить отца в ловушку невозможно. Придется обыскать все наиболее вероятные места.

Самым возможным из них Атр считал пещеру под храмом.

Атр достал из кармана записную книжку, придвинул к себе дневник, раскрыл его на странице, на которую занес изменения, предназначенные для Книги Пятой Эпохи, и начал писать.

— Атр! Атр!

Он пробудился, не понимая, что произошло. Кэтрин стояла над ним, трясла его за плечи и непрерывно повторяла его имя.

— Атр! Да проснись же! Выслушай меня!

Он сел, с трудом приоткрыв глаза.

— Что случилось?

— Ген перенес церемонию!

— Как? — Атр мгновенно пробудился. —

Когда же она состоится?

— Через три дня. У нас осталось только три дня!

Атр застонал. Это было невыносимо! Ему ни за что не успеть закончить опыты, чтобы привести в порядок Пятую Эпоху. А потом — разве успеть за три дня отыскать Книгу Уз Гена? И если он не успеет...

— Кэтрин, тебе известно... где Ген хранит свою Книгу Уз?

Она кивнула.

— Ты сможешь показать мне это место?

Помедлив, она спросила:

— Что ты собираешься сделать?

— Скажи, ты должна увидеться с отцом до церемонии?

Кэтрин покачала головой.

— Отлично.— Атр оглядел заваленный книгами стол.— Тогда унесем все это в Мист — все, кроме Книг Миста и Пятой Эпохи. А потом тебе придется остаться там, Кэтрин. Я не хочу, чтобы ты появлялась в Д'ни или на Ривене.

— Но тебе понадобится помощь...

Атр строго взглянул на нее.

— Ты поможешь мне лучше, если будешь в безопасности.

— Но что ты решил сделать?

Атр поднялся, обошел вокруг стола и осторожно взял ее за руки.

— Ты веришь мне, Кэтрин?

Она с улыбкой кивнула.

— Тогда жди меня. Как только я покончу с делами, я приду к тебе на остров Мист.

Она слегка нахмурилась, словно собиралась возразить, но затем кивнула.

— Ладно. Тогда вернемся на Ривен. Я покажу тебе место, где Ген хранит свою Книгу Уз.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Стараясь не шуметь, они быстро поднялись по ступеням храма и вошли в комнату. С тех пор как Атр в последний раз побывал здесь, в комнате прибавилось золота и алого шелка в преддверии свадебного обряда.

«Мой отец и Кэтрин... нет, этого не будет!»

Он последовал за Кэтрин, обогнув большую ширму из золотистого шелка с вышитым в центре силуэтом Гена, и по узким ступеням спустился в пещеру, где уже побывал прежде.

— Он приводил нас сюда,— еле слышно прошептала Кэтрин.— Устраивал обряд уз. Он заставлял избранных сделать глоток из золотого кубка — в напитке чувствовался слабый привкус аниса. А потом... никто ничего не помнил. Но позднее,— она потупилась,— позднее он стал доверять мне, он привел меня сюда одну и показал, где спрятана Книга.

Атр увидел, как она привстала на цыпочки и дотянулась до одной из трещин в левой стене пещеры с низким сводом, пошарила там и вытащила плоский футляр с Книгой Уз Гена.

Атр подошел поближе, осмотрел пол у трещины, снова отошел, глядя на тайник со всех сторон и запоминая его расположение, как когда-то учила его Анна. Затем он жестом велел Кэтрин положить Книгу обратно.

— Пойдем,— позвал он, взяв ее за руку.— Зайдем к тебе и заберем оставшиеся книги.

Она сжала его руку и остановилась, заставляя повернуться к себе.

— Атр!..

Прильнув к нему, она поцеловала его в щеку — кратким, неуловимым прикосновением губ,— а затем заторопилась к лестнице, помня, что у них едва хватит времени, чтобы успеть сделать все задуманное до церемонии.

Атр, ослепленный ярким светом после полумрака тюрьмы, надвинул на глаза линзы.

Он стоял на дощатом причале, плечи ему оттягивал мешок, доверху набитый книгами. Волны внизу накатывались на прибрежные камни, вдалеке слышались пронзительные крики чаек. Справа расстилалось безмятежное зеленое море, легкий ветер с северо-запада поднимал мелкие волны. Впереди, к востоку от того места, где стоял Атр, из моря вздымалась голая скала футов двадцать высотой и тридцать или сорок шириной, напоминая пень спиленного дерева. Слева на остров отбрасывал тень высокий заостренный пик высотой не меньше ста футов, а позади, за узким каменным выступом, виднелась западная оконечность острова, поросшая соснами.

Атр улыбнулся. В чистом воздухе ясно ощущался запах смолы. Над его головой в бледно-голубом небе парили тонкие, почти прозрачные перистые облака.

Он выжидательно повернулся и увидел, как Кэтрин возникла из воздуха на досках причала рядом с ним. За ее спиной висела сума.

— Какая красота!

— Ты сама ее создала,— напомнил Атр.— Это удивительная работа, особенно если вспомнить, что тебе понадобилось совсем немного времени.

Атр огляделся и вдохнул свежий воздух.

— И этот запах — он великолепен.

Он вдруг застыл на месте, вспомнив, что точно такой же запах ощущал в Тридцать Седьмой Эпохе. Прежде чем Ген уничтожил ее.

— Что с тобой? — спросила Кэтрин, видя, как изменилось его лицо.

— Ничего,— с притворной беспечностью отозвался Атр, прогоняя воспоминания.

— Тогда пойдем. Я покажу тебе дом.

— Дом! Ты успела построить дом?

Кэтрин взяла его за руку и повела по узкой тропе, вьющейся по каменистому склону. На вершине стоны ветра усилились — тоскливые, одинокие звуки, перемежающиеся с мирным птичьим щебетом.

— Да,— подумав минуту, произнес Атр,— я смог бы жить здесь.

Улыбнувшись, Кэтрин пожала ему руку и указала на широкую тропу среди деревьев.

— Нам вон туда,— произнесла она.— А потом налево.

Тропа привела их прямо к бревенчатой избушке.

Атр долго разглядывал ее, отмечая, как аккуратно положены бревна, как плотно пригнаны дверные косяки, и изумленно покачивал головой. Должно быть, прежде Кэтрин и не подозревала о существовании таких построек.

— Удачное начало,— негромко произнес он.

— Я рада, что тебе нравится.

Атр обернулся в сторону высокого пика.

— Мы могли бы поселиться и там. Может, у меня когда-нибудь появится собственная библиотека.

Кэтрин улыбнулась.

— Всею свое время. Прежде надо покончить с Генем.

— Да...— При этом напоминании Атр серьезнел.— Вижу, ты устроилась неплохо, а мне пора возвращаться. Еще два путешествия — и все будет готово.

— Атр...

— Что?

— Ты уверен, что я не смогу тебе помочь?

Он смутился, затем привлек Кэтрин к себе и прикоснулся к ее губам осторожным поцелуем — их первым настоящим поцелуем.

— Нет,— ответил он, заглядывая в глубины ее зеленых глаз.— Жди меня здесь, ладно?

— Ладно,— кивнула она, шутливо целуя его в нос.

— Обещаешь?

— Да, да!

— Тогда пойдем. Я оставлю здесь книги и вернусь.

Но еще долго после того, как последние из книг были перенесены и аккуратно сложены в углу избушки, Атр медлил, не желая покидать остров Мист.

Кэтрин принесла с собой одеяла с Ривена и соорудила ложе в углу, подложив свою суму вместо подушки. Наблюдая за ней, Атр представил, что она останется здесь одна после его ухода, и впервые подумал о том, как одиноко будет Кэтрин, если он не вернется.

— Что с тобой, Атр? — спросила она, появляясь на пороге и своим внезапным появлением заставив его вздрогнуть.

Он рассмеялся.

— Ты напугала меня.

— Напугала? — Она подошла поближе.— Значит, ты боишься меня, Атр?

Она провела кончиками пальцев по его щеке, и Атр улыбнулся.

— Нет, не боюсь. Просто ты удивила меня, появившись слишком неожиданно.

— Ну, тогда тебе еще не раз придется удивляться.

Она прошла в дом и воткнула пучок мелких белых цветов меж двух бревен над изголовьем постели.

Атр недоуменно следил за ней.

— Зачем это?

— Они будут напоминать мне о тебе.— Кэтрин поднялась и протянула ему руку.— Может, прогуляемся вдоль берега, Атр?

Он вдруг понял, что и без того задержался, но мысль о прогулке с Кэтрин показалась ему важнее всех предстоящих дел.

Взявшись за руки, они вышли на тропу, освещенную вечерним солнцем.

Ветер утих, стало гораздо теплее, небо прояснилось. Запрокинув голову, Атр замечтался о том, как приятно любоваться здесь звездами в ясные ночи, и вдруг понял, что не знает, есть ли звезды над островом Мист.

«Если бы только я смог остаться...»

Но оставаться было нельзя. Он должен остановить Гена во что бы то ни стало.

Кэтрин исподтишка следила за ним.

— Почему ты вздыхаешь?

— Потому, что вижу вокруг совершенство.

Они медленно шагали по тропе, а затем свернули в лес и спустились по пологому склону. Внизу плескалось море, сливаясь с небом у горизонта. Неподалеку, чуть левее, виднелся крошечный островок, отделенный от Миста узким проливом.

— Пойдем,— позвала Кэтрин и повела его вниз, к самому берегу, на который с шелестом набегали волны.— Давай посидим и поговорим.

— Поговорим? — Атр неловко уселся рядом.— О чем?

— О будущем.

— Ты хочешь сказать — о том, что будет после Ривена?

— Думаешь, я не понимаю, что ты намерен сделать?

— Неужели я настолько предсказуем? — Он рассмеялся.

Кэтрин приложила ладонь к его щеке.

— Нет. Но я знаю: ты поступишь так, как считаешь нужным, даже если понадобится пожертвовать собой.

Он накрыл ладонью ее руку.

— Я непременно вернусь.

— И все-таки рискнешь?

Он кивнул.

— И ты хочешь, чтобы я осталась здесь, что бы ни случилось?

Он снова кивнул.

— А Книга Уз, та, что лежит в Д'ни?

— Уничтожь ее, если меня не станет.

— Но если Ген попадет сюда, он останется со мной и с запасом чистых книг.

Атр нахмурился: в его плане был всего один недостаток. Чтобы наверняка задержать Гена, ему следует уничтожить собственную Книгу Уз в тот момент, как он окажется в Пятой Эпохе, но при этом сам Атр тоже останется на Ривене, а он хотел вернуться. Нет, не хотел — он жаждал быть с Кэтрин.

— Я буду осторожен,— пообещал он.— Мне известно, где он появляется. Я заберу из тайника Книгу Уз Гена, а затем буду ждать его прибытия. Когда он окажется на Ривене, я сожгу его Книгу Уз. А потом мне останется уничтожить собственную.

Ее глаза просияли. Наклонившись, Кэтрин поцеловала его в нос.

— Ну, хватит о планах. Поговорим о тебе. Я почти ничего не знаю о твоём прошлом. Например, о твоей бабушке. Ты помнишь, какой она была?

Она была похожа на тебя, хотел ответить Атр, но при мысли об Анне ему стало грустно.

Вынув из пустой сумы дневник, он отдал его Кэтрин.

Она бережно, словно живое существо, приняла маленькую книгу в сером переплете.

— Это мой дневник. Я хочу, чтобы ты прочла его... когда я уйду. Возможно, тогда ты сможешь понять меня.

— Если ты не вернешься?

Смутившись, Атр кивнул.

Внезапно он понял, что нашел в Кэтрин — родственную душу, человека, способного понять его. Того, кто всегда будет рядом, как Анна, и будет равным самому Атру.

Он коснулся ладонью щеки Кэтрин.

На мгновение все вокруг словно исчезло. Они остались одни во всем мире, они сидели под солнцем у воды — сам Атр и Кэтрин с закрытыми глазами и дневником на коленях, слегка склонившая голову на руку Атра. Он смотрел на нее как замороженный, словно на мир, в котором еще никогда не бывал.

Вдруг Кэтрин подняла голову.

— Тебе пора уходить, Атр.

Мысль о расставании была для него невы-

носима. Все, о чем он мечтал, — остаться здесь, на острове Мист.

— Кэтрин...

— Со мной ничего не случится. Ну, ступай.

Сидя за столом в Д'ни, Атр тупо уставился на обложку Книги Пятой Эпохи. Его сердце сжимала тоска. То, что предстояло сделать, было неизбежным.

Существовал лишь один-единственный способ вновь увидеть Кэтрин — убить своего отца. Но это было невозможно — сама натура Атра восставала против такого решения.

«Ничего хорошего из этого не выйдет, — думал он, зная, что Анна, окажись она здесь, согласилась бы с ним. — Если я убью отца, тень вины запятнает мою жизнь с Кэтрин».

Это Атр знал наверняка. Он должен смириться с мыслью навсегда потерять ее.

«Но если мне не суждено снова встретиться с ней, со мной останутся воспоминания...»

Он вздохнул, жалея, что никогда не расспрашивал Анну о своей матери. Только теперь Атр понял: он даже не знает, как она выглядела.

Она была похожа на тебя, Атр, — прозвучал голос в его голове — такой отчетливый, что Атр вздрогнул.

Он пододвинул к себе Книгу Пятой Эпохи и открыл ее на последней странице, а потом взял перо и начал переписывать в Книгу тщательно обдуманнные фразы.

Атр исчез. В то же мгновение воздух в том месте, где он только что сидел, стал плотным и тягучим, словно прозрачная вязкая жидкость. Внезапно из пустоты появился еще один силуэт.

Это была Кэтрин.

Положив Книгу Уз на стол, она закрыла Книгу Миста и сунула ее в суму. В этот момент из воздуха возникла вторая фигура, вмиг обретя законченную форму. Шагнув вперед, она остановилась рядом со столом, наблюдая, как Кэтрин подвигает к себе Книгу Пятой Эпохи и листает ее, разыскивая последние записи. Когда Кэтрин взяла перо, неизвестный в плаще медленно кивнул. Кэтрин окунула перо в чернильницу и вписала в Книгу первый из символов.

В пещере под храмом было темно, по ней распространялся запах благовоний, тлеющих в больших курильницах. Атр подождал минуту, прислушался и заторопился дальше.

Достав трутницу, он высек огонь и медленно двинулся вдоль стены туннеля, разыскивая нужный камень. Сверху над камнем находилась трещина, где Ген хранил свою Книгу Уз.

Привстав на цыпочки, Атр сунул руку в узкую трещину. Сначала ему показалось, что он ошибся, но затем пальцы коснулись плоской коробки. Он вытащил ее и открыл. Внутри лежала Книга Уз.

Вынув ее, Атр снова сунул коробку в трещину, Книгу убрал в суму, а затем, погасив трутницу, направился обратно в храм.

Войдя в низкую дверь, он торопливо взбежал по ступеням. Уже собираясь выйти из-за ширмы, Атр услышал в комнате голоса и застыл, прячась в тени трона.

— Вскоре он будет здесь,— произнес голос, явно принадлежащий старому человеку.— Собери жителей деревни у храма. Приношения они сделают после церемонии.

— Хорошо,— отозвался другой голос, более молодой и звучный, а затем добавил заговорщическим тоном: — Ты видел, как она улыбалась повелителю Гену во время приготовлений к обряду? Такую улыбку ни с чем не спутать, верно?

Атр похолодел. Приготовления к обряду? Кэтрин ничего об этом не говорила. Подслушанный разговор встревожил его.

Не может быть, уверял себя Атр. Но тогда зачем незнакомцам говорить о том, чего не было? В конце концов, они же не знают, что здесь кто-то прячется.

Он осторожно подошел к краю ширмы и выглянул из-за нее.

Двое мужчин стояли, повернувшись к нему спиной; их плащи — точные копии плащей членов Гильдии Д'ни — были расшиты тайными символами. Мужчины поклонились друг другу и вышли.

Бросившись вперед, Атр увидел, что принесли в комнату незнакомцы. На мраморном

постаменте в центре комнаты помещалась неглубокая чаша из особого камня Д'ни, а в чаше лежали два великолепных золотых браслета — один несколько шире другого.

От одного вида этих браслетов сердце Атра облилось кровью.

«Ты видел, как она улыбалась повелителю Гену? Ты видел, как она улыбалась?..»

Атр с трудом подавил в себе желание схватить чашу и разбить ее о стену. Но он сумел сдержаться, напомнив себе, что Ген не должен ничего заподозрить. Пусть ждет прибытия невесты... Пусть верит...

Атр потряс головой, отбрасывая сомнения, бесконечный поток вопросов, угрожающий захлестнуть его.

«Кэтрин сейчас на острове Мист. Я сам доставил ее туда. Она в безопасности — или будет в безопасности, если я задержу Гена здесь, на Ривене».

Он повернулся и поспешил к выходу из комнаты, прячась за колоннами. Два члена Гильдии уже исчезли. Атр спустился по ступеням и пересек открытый двор перед храмом, а затем скользнул за деревья, пробираясь к тропе, ведущей к берегу.

Но прежде чем подойти к скале, он остановился, осмотрелся и собрал несколько сломанных веток — все, какие только смог найти. Рассудив, что этого хватит, он заторопился дальше, взбираясь по крутой тропе.

У каменного карниза он помедлил, глядя на берег моря. Два острых, похожих на клыки

камня оказались сломанными — скорее выломанными. Некоторое время Атр смотрел, как начинается прилив, как волны, словно покрывала, плещутся, развеваемые ветром, а крошечные капли воды, нагретые полуденным солнцем, поднимаются над берегом и медленно летят навстречу волнам, вновь сливаясь с ними.

Атр понял: ему жаль расставаться с этим миром. Жаль, что он так и не успел как следует познать его.

Отвернувшись, он подошел к скале. Сбросив на землю принесенные ветки, он отобрал самые большие, тщательно уложил их, прикрыл ветками поменьше и окружил кострище кольцом камней.

Вынув из кармана трутницу деда, он положил ее на большой плоский камень и достал из сумы Книгу Уз Гена.

Опустившись на колени, Атр прикрыл трутницу ладонями и высек искру, а затем поджег ветки, наблюдая, как пламя занялось, как постепенно его раздувает ветер, как рыжие языки начинают лизать Книгу Уз.

Атр отпрянул. Вот так! Теперь осталась лишь его собственная Книга Уз! Все, что понадобится — держать ее над костром, уходя из Эпохи. Когда он исчезнет, Книга упадет в огонь и сгорит, а Ген останется здесь навсегда.

Он поднялся по выщербленной стене утеса, пока не достиг трещины, в которой спрятал собственную книгу. Повиснув на стене, он долго шарил рукой среди камня, пока не нащупал коробку.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Очнувшись, Атр обнаружил, что он стоит во дворе у храма. Его руки были крепко связаны за спиной, а веревки на шее, поясе и шиколотках притягивали его к толстому столбу, врытому в землю. Кровь стучала у него в висках, и когда он попытался открыть глаза, боль немилосердно усилилась.

Он медленно разомкнул веки, привыкая к сумеречному свету, а затем, повернув голову, насколько позволяли веревки, огляделся.

Поблизости, на столе — так близко, что, не будь он связан, Атр дотянулся бы до них, — лежали две Книги Уз.

Он застонал, а затем почувствовал прикосновение к плечу и чье-то горячее дыхание на щеке.

— Значит, ты-вернулся к нам, Атр, — спокойно проговорил Ген. — А я уж думал, что потерял тебя навсегда. Похоже, даже я сам не знаю границ своей власти.

Атр отвернулся, сжав губы при мысли о

Кэтрин. Она осталась на Мисте, она ждала. А он нарушил свое обещание.

— Умница Кэтрин, — проговорил Ген, словно подслушав мысли Атра. — Неужели ты думал, что она пропустит собственную свадьбу?

С этими словами Ген повернулся к соседним деревьям, в тени которых виднелся чей-то силуэт. Атр обмяк, когда девушка шагнула на свет.

Это была она!

Атр закрыл глаза и застонал.

«Она выходит замуж за отца...»

Эта мысль была невыносима. Казалось, со всех сторон зазвучал торжествующий, злорадный смех. Но, открыв глаза, Атр увидел только Гена, стоящего перед жителями Пятой Эпохи. Он воздел руки к небу с видом властелина, окруженного подданными.

— Народ Пятой Эпохи! — властным голосом провозгласил Ген. — До меня дошли слухи, что кое-кто из вас... — Ген указал на горстку островитян, которых Атр сначала не замечал, а может, их привели только что. Они стояли на коленях у ног Гена со связанными за спиной руками, и среди них были братья Кэтрин — Карел и Эрлар. — Кое-кто из вас осмелился стать пособниками моих врагов, помогать этому самозванцу... — он указал на Атра, — который выдавал себя за моего сына!

Ген воздел руки к небу.

— Такому преступлению нет прощения. Дерзость должна быть наказана!

В толпе островитян послышался испуганный ропот.

— Да,— продолжал Ген,— я предупреждал вас, но вы не слушали меня. И потому в наказание вас ждут великие приливы...

— Нет! — крикнул Атр хриплым голосом.

— Солнце станет черным...

— Нет!

— А земля — ваша земля — содрогнется, и Великое древо падет!

— Этого не будет! — крикнул Атр на этот раз так громко, что его услышала толпа.— Он лжет! С островом ничего не случится. Все, о чем он сказал,— недостатки Книги. Я устранил их, я...

Атр осекся, заметив злорадную и торжествующую ухмылку на лице отца.

— Неплохая работа, Атр... я знал, что могу положиться на тебя.— Улыбка вдруг слетела с губ Гена, и они скривились в издевательской усмешке.— Я с удовольствием прочту изменения, которые ты так любезно предложил мне.— И, шагнув в сторону, он шелкнул пальцами, подзывая членов Гильдии.— Развяжите его!

Повернувшись к толпе, Ген снова простер руки к небу.

— Люди Пятой Эпохи! Вам несказанно повезло. Я отдал слуге приказ, и он выполнил его. Теперь вы спасены. Но если вы вновь слушаетесь меня, если я узнаю, что среди вас есть изменники, сторонники моих врагов, вы узнаете всю силу моего гнева! Я уничтожу ваш мир! — Он с шумом выдохнул воздух.— Но хватит об этом. Теперь пришло время заглянуть вперед: сегодня на закате я возьму в

жены дочь этой Эпохи и сделаю ее повелительницей тысячи миров!

Толпа разразилась радостными криками. Ген с торжествующим видом повернулся к Атру.

Атр отвернулся, уязвленный этим взглядом, чувствуя, как покидают его силы. Его обманули. Эти двое обвели его вокруг пальца. Кэтрин предала его.

Он стиснул ладони, поморщившись от невыносимой боли, и потер запястья — там, где их изрезала веревка. Он потерпел поражение. Оставалось лишь смириться и ждать.

Но Гену было мало видеть унижение сына. Шагнув к Атру, он склонился над ним и тихо заговорил, так что его слышал лишь Атр:

— Не надейся, что с тобой все кончено, Атр. Ты доставил мне слишком много хлопот, и я этого не забуду. Отныне ты перестал быть моим сыном. Ты понял меня? Ты больше мне не нужен, Атр. Ты отслужил свое.— Ген указал на Кэтрин и расплылся в коварной улыбке.— Надеюсь, ты все понимаешь? Мы с Кэтрин...— Он расхохотался.— Она молода и здорова. Второй сын не посрамит меня!

Атр застонал. Происходящее напоминало кошмар. Даже если бы он по-прежнему был привязан к столбу, он не чувствовал бы себя более беспомощным.

«Кэтрин... моя Кэтрин...»

В этот миг земля мелко задрожала под ногами, и Атр удивленно вскинул голову.

Нет, должно быть, ему почудилось.

Но в ту же минуту дрожь усилилась, словно громадная глыба тщилась вырваться из-под земли. Из храма послышался треск мраморного постамента, а чаша с двумя браслетами с глухим стуком свалилась на землю.

— Нет...— недоверчиво пробормотал Ген, озираясь широко раскрытыми глазами.— Нет!

И едва он выговорил это слово, земля у ступеней храма раскололась.

Небо медленно темнело. Солнце, которое всего несколько минут назад ярко сияло с небосклона, потускнело. Изогнутый край завесы мрака пожирал бледное светило дюйм за дюймом.

Одна за другой на небе вспыхивали звезды.

С низким, рокочущим гулом, словно гигантское чудовище, пробудившееся после долгого сна, земля тряслась и дрожала — с каждой минутой все сильнее. Крыша храма обрушилась, сбив с ног почти всех членов Гильдии и опрокинув стол, на котором лежали Книги Уз.

Атр оглянулся в неверии, видя, как извилистые узоры широких черных трещин покрывают луг. Вдруг, заметив упавшие Книги, он бросился к ним, однако Ген преградил ему путь, угрожая церемониальным копьём, вырванным у одного из членов Гильдии. На тупом конце копья трепетал красно-золотой стяг.

— Не тронь! — взревел Ген.

— Прочь с дороги! — крикнул в ответ Атр, зная, что у него нет другого выбора, как всту-

пить в схватку с отцом. Ривен обречен, и если он потерял Кэтрин, то должен остановить Гена.

Но Ген не собирался сдаваться. Он издевательски расхохотался.

— Хочешь заполучить эти Книги? Только через мой труп!

— Да будет так! — Атр бросился на Гена, пытаясь сбить его с ног. Первая атака оказалась успешной — Ген упал. Несколько минут они катались по земле, Атр крепко вцепился в копьё, не давая Гену нанести удар. Внезапно Ген разжал руки, и Атр выронил копьё. Земля раскалывалась. Воздух стал удушливым, из трещин вырывался багровый свет раскаленной лавы.

С трудом поднявшись, Атр вновь ринулся на отца, но Ген успел уклониться, сбил его с ног и приставил острие копья к его груди.

— Ты бесполезен. Мне следовало давным-давно прикончить тебя!

— Так убей меня! — закричал Атр.

Ген вскинул копьё, но его остановил пронзительный, звенящий крик:

— Ген!

Ген обернулся и увидел, что Кэтрин с трепещущими на ветру волосами стоит с Книгами Уз в обеих руках над громадной, только что разверзшейся трещиной. Пламя рвалось из земных глубин и освещало ее фигуру.

— Только дотронься до него, и я брошу туда Книги!

Ген недоверчиво рассмеялся:

— Но послушай, Кэтрин, любимая...

— Отпусти его, — непреклонным тоном приказала она. — Отпусти, иначе я брошу Книги. Еще смеясь, Ген перевел взгляд на Атра.

— Но... но я...

К его изумлению, Кэтрин медленно разжала правую руку, ахнуло пламя, и Книга исчезла в огненной бездне.

Ген затаил дыхание.

— Нет! — вдруг завопил он и добавил уже мягче, умоляющим голосом: — Послушай, Кэтрин, давай поговорим... давай рассуждать разумно...

Он отбросил копье, шагнул к Кэтрин и простер к ней руки.

— Вспомни наши мечты, Кэтрин, вспомни, как долго мы ждали этого часа! Мы будем править тысячей миров! Подумай об этом. Я создам для тебя все, что пожелаешь. У тебя самой будут Эпохи. Ты сможешь жить там, если захочешь, но... если ты уничтожишь и вторую Книгу, мы навсегда останемся здесь! Мы пропадем вместе с этим гибнущим миром!

Ген сделал еще шаг.

— Так тебе нужна Книга Уз? — спросила Кэтрин, и едва заметная улыбка впервые осветила ее черты.

Ген кивнул и медленно протянул руку, робко улыбувшись.

— Тогда возьми ее! — выкрикнула Кэтрин и подбросила Книгу Уз высоко в воздух над изрыгающей лаву трещиной.

С воплем ужаса Ген бросился вперед, рухнул на колени у края трещины, попытался

дотянуться до Книги, но опоздал. Во вспышке пламени вторая Книга обратилась в пепел.

Ген еще долго смотрел на трещину, а затем, приподнявшись на руках, в ярости обернулся. Но Атр и Кэтрин исчезли. Ветер завывал, словно взбесившийся демон, гнул деревья, гнал вверх по склону комья земли, презрев силы тяготения.

На глазах у Гена стены храма тяжело вздохнули и осели, и звук этот напоминал стон погибающего великана. На краткий миг Гену показалось, что вот-вот он увидит окровавленное лезвие ножа, вздымающегося из руин. Его ослепило. С оглушительным треском молния ударила в ствол Великого дерева в двухстах ярдах от того места, где стоял на коленях Ген. Пламя мгновенно охватило ветви, превратив крону в огненный шар.

В его свете Ген увидел две темные фигурки на другом краю рощи, за деревьями, быстро удаляющиеся прочь. Огонь постепенно угас, фигурки растворились во мраке. Но Ген знал, куда они направляются. Вскочив на ноги, он рванулся с места, сопровождаемый диким завыванием ветра.

— Постой! Подожди! — кричал Атр, хватая Кэтрин за руку и едва слыша сквозь шум собственный голос.— Объясни, что происходит!

— Не тревожься! — отозвалась она, отводя волосы от лица.— Все идет так, как мы задумали!

Атр с удивлением воззрился на нее.

— Кто это «мы»?

— Мы с Анной!

У Атра отвисла челюсть.

— С Анной?

Над их головами бились на ветру ветви деревьев. Кэтрин хотела что-то сказать, но треск повалившегося дерева заставил отбежать в сторону.

«Этого не может быть...»

Атр покорно позволил Кэтрин вести его среди деревьев.

Они следовали вдоль узкой трещины. Сначала Атру она показалась такой же, как все остальные, но в ней было нечто странное. Она светилась — но не алым, а ярким, живым, льдисто-голубым светом.

Ветер гнал пыль и опавшие листья, сломанные ветви и мелкие камни, увлекал беглецов за собой, подталкивал в спины. У трещины камни и листья исчезали, словно затянутые в нее.

Они бежали среди деревьев, а трещина постепенно росла. Но там, где заканчивались деревья, она переходила в расщелину, края которой были очерчены светящейся синей каймой. Внутри же царил мрак — непроглядный, головокружительный мрак с крапинками звезд.

Атр в изумлении остановился. Ветер сбивал его с ног, но здесь шум утих, был не столь оглушительным, как среди деревьев, хотя Атру приходилось напрягать все силы, чтобы не

потерять равновесие. Атр крепко держал Кэтрин за руку, боясь, что ее тоже затянет в эту жуткую звездную дыру.

Он взглянул на Кэтрин, желая узнать, напугана ли она, однако девушка казалась совершенно спокойной, а на губах ее играла улыбка.

— Что это? — спросил он, переводя взгляд на трещину и видя, как комья земли и камни переваливаются через ее края и исчезают в пустоте.

Но внутри исчезали не только камни и листья...

Атр широко раскрыл глаза, заметив вдруг светляков из Эпохи Кэтрин, вьющихся вокруг и рассыпающих бриллиантовые искры.

Повернувшись к Атру, Кэтрин высвободила руку, сняла со спины суму и открыла ее.

— Возьми,— произнесла она, протягивая ему Книгу.

Атр в оцепенении уставился на нее — это была Книга Миста.

— Но зачем?

Кэтрин приложила палец к губам, заставляя его молчать.

— Мечтал ли ты когда-нибудь о том, что будешь плыть среди звезд? — Кэтрин улыбнулась. Открыв Книгу Уз, она положила ладонь на страницу.— Мы будем падать в ночь, убаюканные звездами, и возвращаться туда, откуда начали путь...

Последние слова еще долго звучали эхом в голове Атра, когда Кэтрин исчезла.

— Что же мне делать? — сказал Атр, сжимая в руках Книгу.

— Это очень просто, Атр, отдай Книгу мне,— послышалось сзади.

Повернувшись, Атр оказался лицом к лицу с отцом. Ген сжимал в руке большой острый осколок камня. Его линзы исчезли, пепельно-белые волосы были встрепаны, но во всем его облике по-прежнему ощущалось нечто властное и величественное.

Атр взглянул на Книгу Миста, которую держал в руках. Сначала у него возникло желание с помощью Книги вернуться на остров, но в этом плане был явный недостаток: Книга останется здесь, в руках отца. И Ген наверняка последует за ним. Вторым порывом Атра было швырнуть Книгу в трещину, но что-то остановило его, едва он припомнил последние слова Кэтрин...

Он улыбнулся.

Подняв Книгу на ладони, он сделал шаг назад, к краю трещины, откуда ему в спину дохнула прохлада.

Мускул под левым глазом Гена судорожно задергался.

— Если ты бросишь Книгу в пропасть, ты отправишься следом за ней! — рявкнул он.— Отдай ее мне! Отдай немедленно!

Атр пренебрежительно покачал головой.

Ген отпрянул и выронил камень.

— Иначе...

— Иначе — что?

Атр подозрительно взглянул на Гена. От тяжелой Книги ныла рука, но это было не

важно. Сейчас ничто не имело значения — даже тупая пульсирующая боль в затылке.

— Ну, так что? Назови мне хоть одну причину, по которой я должен верить тебе!

Ген пожал плечами.

— Ты обязан мне верить, ведь ты — мой сын.

Атр горько рассмеялся.

— А я думал, ты отрекся от меня. Или это мне послышалось?

— Прости меня, Атр. Я был зол, я думал...

— Что ты думал? Что я пойму тебя? Соглашусь с тобой? Тоже стану считать себя божеством?

Ген прищурился.

— Но я нужен тебе, Атр! Я накопил много знаний, в том числе таких, о которых ты даже не подозреваешь. Подумай о моем опыте — разве правильно будет не воспользоваться им? — Ген с сожалением покачал головой.— Ты был таким прилежным учеником, Атр, таким понятливым, пытливым. Жаль, если мои уроки прошли для тебя даром...

Атр бесстрастно смотрел ему в лицо.

— Так в чем же дело? — удивленно продолжал Ген.

— Дело в тебе.— Атр поднял Книгу повыше.— Все, чему ты учил меня, было лишь словами. Бессмысленными, ничего не значащими словами. Пустыми, как все твои обещания.— В его глазах промелькнула обида, и он продолжал: — А ведь я многого ждал от тебя. Очень многого. Но ты обманул мои ожидания.

— Зато я учил тебя, Атр. Без меня...

Атр покачал головой.

— Нет, отец. Все, чему я научился, все, что дорого и важно для меня, я узнал от Анны задолго до встречи с тобой. А ты... ты не дал мне ничего.

Ген нахмурился.

Небо постепенно светлело, ветер стихал.

— Напрасно я оставил тебя у нее,— спустя минуту произнес Ген.— Она испортила тебя. Ты был чистой книгой, ждущей, когда ее заполнят...

— Ты погубил бы меня, как губишь все, к чему прикасаешься. Да, погубил — а потом выбросил бы, как ненужную вещь.

— Нет! Я любил тебя, Атр!

— Любил? Но разве любимого человека удерживают веревками и замками?

— Ты никогда не был моим пленником, Атр.— Ген с трудом сглотнул.— Это было лишь испытанием. Все то, что с тобой случилось.

Атр молча смотрел на него, ощущая спиной холод, идущий из трещины с мерцающими звездами. Тусклый голубой свет озарял Книгу Миста.

Ген еще минуту вглядывался в лицо сына, оценивая положение, а затем шагнул к нему и протянул руку.

— Прошу тебя, Атр, отдай Книгу мне. У нас с тобой есть шанс.

— Нет, отец. Все узы, связывающие нас, распались. Ты сжег их вместе с книгами. Ты стер их вместе с фразами из моей Эпохи. Разве

ты этого не понимаешь? И теперь ты заслуживаешь лишь одной участи: ты можешь остаться здесь, в маленьком раю, который создал для себя, на крохотном островке среди вселенной, и изображать божество среди покорных тебе слуг.

И с этими словами Атр шагнул назад, через край трещины, и, падая в пустоту, в звездную россыпь, успел открыть Книгу и положить на нее ладонь, прежде чем его окружил мрак.

Что ты видишь, Атр?

Я вижу звезды, бабушка, целый океан звезд...

ЭПИЛОГ

Высокие сосны, сквозь которые пробивались солнечные лучи, жмурились, отбрасывали длинные тени на лужайку перед библиотекой. Было уже поздно, но дети не собирались уходить в дом, заигравшись на лужайке у южной оконечности острова. Стоя на крыльце, Кэтрин минуту прислушивалась к отдаленному щебету их голосов, а потом прикрыла глаза.

— Ты видишь их? — спросил Атр, выходя из библиотеки и щурясь на свету.

Она обернулась. Подол ее темно-зеленого платья порхнул по гладкому дощатому полу.

— Не тревожься, — с улыбкой успокоила она. — С ними Анна. До темноты они успеют вернуться домой.

Он улыбнулся, подошел поближе и положил руку ей на плечо.

— Ты еще не закончил? — мягко спросила она, обнимая его и притягивая ближе.

— Нет, — устало покачал головой Атр, — но осталось совсем немного.

— Хорошо.

Он нежно поцеловал ее и, отстранившись, вернулся в дом, на свое место за самодельным столом. Минуту-другую он наблюдал за Кэтрин через ярко освещенный прямоугольник двери, радуясь возможности даже видеть ее, а затем, взявшись за перо, подвинул поближе дневник и записал:

«Теперь трудно представить, как я посмел хоть на секунду усомниться в ней, однако в тот момент, когда отец застал меня врасплох, я не колеблясь решил: она меня предала. Да, я был в этом уверен и невыносимо страдал — ибо я перенес на нее всю любовь, всю естественную привязанность чувства, которую так решительно отвергал мой отец. Но откуда мне было знать, какой доброй — и вместе с тем умной — может оказаться моя Кэтрин! Моя спасительница, подруга и вот теперь — моя жена...»

Атр помедлил, вспоминая перенесенное потрясение в тот момент, когда Кэтрин призналась ему, что ей помогала Анна; он вновь испытал невообразимое изумление, словно шагнул в один из миров Кэтрин, похожих на сон. Но она сказала правду. Без необыкновенного дара предвидения, которым обладала Анна, он до сих пор прозябал бы на Ривене — разумеется, если бы Ген счел нужным сохранить ему жизнь. Он снова обмакнул перо в чернильницу и продолжал писать:

«Только такая удивительная женщина, как Анна, могла бы совершить такой поступок:

она следовала за нами по лабиринтам туннелей и мостов в Д'ни. Конечно, она сразу поняла: Ген не сдержит обещания. Знала то, о чем я и не подозревал: мой отец — человек, не только не заслуживающий доверия, но и безумец. Все годы, что я провел на К'вире, она издали следила за мной, боясь, как бы отец не причинил мне вреда, и терпеливо ждала, когда я сам все пойму».

Атр поднял голову, вновь почувствовав горечь разочарования. Отцу — разумеется, любящему отцу — в определенный момент следует отступить, позволить детям сделать выбор, ибо выбор — часть замысла Творца. Атр торопливо окунул перо в чернила, выплескивая на бумагу слова:

«Анна видела, как я бежал с К'вира, и пыталась найти меня в туннелях, но Ген опередил ее. Однако и тогда она пыталась помочь мне, но помешал немой Рий. Увидев, что меня, пребывающего в глубоком обмороке, увозят на К'вир, она поняла — пора действовать. Этим же вечером она появилась на К'вире и, рискуя жизнью, вошла в кабинет отца, намерившись вступить с ним в борьбу. Но Гена там не оказалось — вместо него Анна встретилась с Кэтрин, которая, едва прошло первое потрясение, доверилась ей и пообещала помочь».

Значит, Кэтрин знала обо мне задолго до того, как я появился в хижине на Ривене.

Мне следовало сразу понять, что Мист создала отнюдь не Кэтрин. Но разве я мог пред-

положить такое? Я считал Анну потерянной навсегда.

Откуда же мне было знать, что, пока я занимался приготовлениями, обе женщины тоже не теряли времени даром, объединив свои таланты — опыт Анны и интуицию Кэтрин — и создавая видимость катаклизма в Пятой Эпохе таким образом, чтобы после нашего исчезновения бывший дом Кэтрин, а ныне тюрьма Гена, снова оказался прочным.

А что же стало с Книгой Миста?»

Атр оглядел комнату, окинул взглядом мебель, сделанную его руками, и снова взялся за перо, выписывая заключительные слова — записи недоставало завершенности:

«В момент падения в расщелину я понял: Книга не будет уничтожена так, как я рассчитывал. После того как я перенесся на остров Мист, она продолжала падать в звездную бездну, которую мне удалось увидеть лишь мельком. Я пытался строить догадки насчет того, где она закончит путь, но, должен признать, все они оказались тщетными. Однако я не перестаю задавать себе вопросы о том, в чьих руках может оказаться Книга Миста. Знаю, от этих тревожных мыслей мне не избавиться никогда, и потому завершаю запись. Но истинное ее окончание будет записано еще не скоро».

К ЧИТАТЕЛЯМ!

Издательство просит отзывы об этой книге и Ваши предложения присылать по адресу: 125499, Москва, Кронштадтский бульвар, 376, издательство АРМАДА

Миллеры Р. и Р. при участии Д. Уингрова
М 60 Мист: Фантастический роман. / Пер. с англ.— М.: АРМАДА, 1997.— 376 с.: ил.— (Приключенческая фантастика)

ISBN 5-7632-0444-1

Роман американских фантастов Р. и Р. Миллеров и Д. Уингрова — произведение поэтическое, насыщенное красочными образами вымышленных миров и неординарных героев.

Потомок древнего могущественного народа Д'ни по имени Ген много лет посвятил изучению истории и языка своих предков. Ему удалось овладеть главным знанием Д'ни — искусством создавать новые миры. И вот, вполне освоившись с ролью Создателя, Ген решает взять себе в помощники четырнадцатилетнего сына Атра. Однако различие их взглядов на проблему ответственности творца перед своим творением слишком велико. Постепенно пропасть в отношениях отца и сына становится непреодолимой...

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(7)-445я5